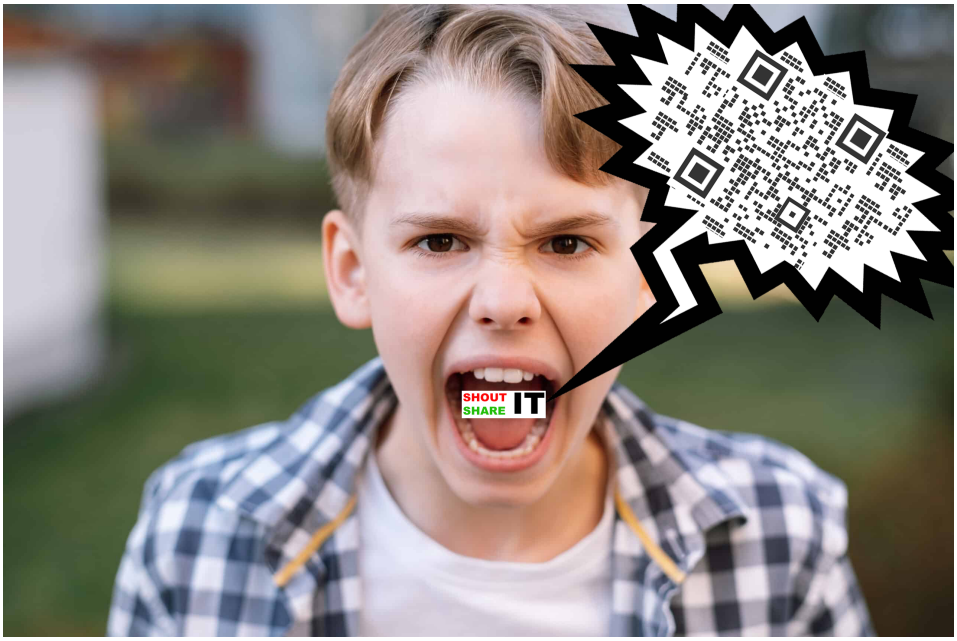
СОВЕТСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ

В КИНО И В ЖИЗНИ

Я БЫЛ «МАЙОРОМ ВИХРЕМ»

ВОСПОМИНАНИЯ РАЗВЕДЧИКА


SHOUT
SHARE IT

Annotation

Советский блокбастер «Майор Вихрь» впервые рассказал о том, как весной 1945 года наша военная разведка предотвратила уничтожение немцами старинного польского города Кракова. Образы героев картины — собирательные, а ряд событий и трагический финал — вымышленные. В основе сюжета — подлинная история боевой деятельности разведывательной группы «Голос» и ее командира — бывшего директора сельской школы Евгения Березняка.

Спасение Кракова — не единственный подвиг, который совершил реальный «майор Вихрь». За 150 дней нахождения в тылу противника группе «Голос» удалось полностью разведать Краковский укрепрайон, собрать и передать в штаб 1-го Украинского фронта достоверную информацию о дислокации нацистских армий, корпусов и дивизий, воздушных эскадрилий. О том, как всего этого удалось достичь, Евгений Березняк рассказал в своей книге. И описанные в ней приключения гораздо более зрелищны, чем в фильме.

- Евгений Березняк
  - От автора
  - Поединок
  - Побег
  - Наша группа
  - 16 сентября
  - Возвращение комара
  - Свадьба
  - Город должен жить
  - Последние дни
  - Спасение города
  - Василий Степанович
  - Снова на земле друзей. вместо послесловия
  - Моя почта
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11

Евгений Березняк
Я был «майором Вихрем». Воспоминания разведчика

От автора

Эта книга была задумана и начата давно — почти сразу после выхода разведгруппы «Голос» из вражеского тыла.

В последние недели войны я — неожиданно для себя — оказался не у дел. Впервые с сорок первого года у меня появилось много свободного времени, и я почувствовал, что должен, обязан оглянуться, осмыслить все, что мне и моим товарищам пришлось увидеть, пережить.

Осмыслить и рассказать…

Но кому? И каким образом?

На художественный рассказ я и не замахивался.

О публикации документальной повести по понятным причинам тогда не могло быть и речи.

Разведчик, выполнив свою задачу, надолго, иногда навсегда, остается неизвестным, безымянным.

Все это я отлично понимал и все же… все же перевел не одну стопку бумаги, адресуя свои записки в одном экземпляре единственному читателю — самому автору.

Затем другие дела, события — бывало всякое: и радостное, и горькое — надолго, на десятилетия отодвинули работу над рукописью.

Я вспомнил ее, когда в печати появились рассказы о деятельности группы «Голос» в тылу врага, и были названы настоящие имена.

Потом на телевизионные экраны пришел «Майор Вихрь». Нет нужды пересказывать содержание фильма. Напомню только, что герои ценою собственной жизни спасли древнюю столицу Польши — Краков. И хотя фильм художественный, герои его собирательные, ряд событий, трагический финал вымышлены, в сюжетной канве можно узнать и дела нашей группы «Голос». Потом появились другие книги, рассказавшие об участниках событий под Краковом.

Пошли письма. В адрес моих товарищей. И на мое имя. Пишут школьники, комсомольцы, земляки-шахтеры, молодые воины и ветераны войны. Пишут из разных концов Союза, из братских социалистических стран. Больше семи тысяч писем. И почти в каждом — вопрос: «Как все было на самом деле? Расскажите обо всем сами».

…Как все было? Об этом в письме не расскажешь. Из моей попытки ответить всем как можно подробней ничего не вышло. Оставалось одно: снова, на этот раз уже в соавторстве с Борисом Хандросом, засесть за старые записи.

Так появилась эта повесть. В ней использованы фронтовые документы, архив разведгруппы «Голос», переписка разных лет.

Пользуюсь случаем, чтобы высказать свою искреннюю благодарность всем, кто прямо или косвенно помогал мне в работе над книгой: Кудрявцеву Владиславу Петровичу, Шаповалову Алексею Трофимовичу, авторам писем, побудивших меня взяться за перо.

Поединок

Выписка из приказа РО 1-го Украинского фронта

«В ночь на 19 августа 1944 года авиадесантом убыть на выполнение специального задания с приземлением в районе 12 километров западнее Беляны, 2 километра севернее шоссе Краков — Катовице.

Задача

1. Осветить скопление войск и гарнизона г. Кракова.

2. Перевозки войск и военных грузов по шоссейным и железным дорогам через Краков во всех направлениях.

3. Места расположения штабов, узлов связи, аэродромы, склады и др.

4. Наличие оборонительных сооружений, их характер по реке Висла и в районе Кракова.

Связи с Центром держать по радио.

Справка

В ночь с 18-го на 19-е 08.44 г. с аэродрома Ежове на самолете ЛИ-2, экипаж самолета: командир — старший лейтенант Иванов Е. Д., штурман Прокофьев Е. С, заброшена во вражеский тыл группа «Голос». Место выброски высота 43 северо-западнее села Рыбне 20 км.

Выброска удачная».

…Меня словно обложили толстым слоем ваты: удары сыплются со всех сторон, но я почти не чувствую боли. Окончательно просыпаюсь от голосов, резких, гортанных: немцы. Открываю глаза и сразу натыкаюсь на дула автоматов. По нашивкам узнаю: полевые жандармы. Один сразу наваливается сзади. Придавливает к земле. И вот уже руки намертво скованы стальной браслеткой. Лежу и, словно в дурном сне, наблюдаю, как гитлеровцы роются в моих карманах, портфеле, рюкзаке. Добыча богатая: батареи радиопитания, немецкие рейхсмарки, польские злотые, американские доллары, пистолет, финка. Мне бы теперь гранату! Не в руки, так в зубы. И себя, и этих гадов.

Так провалить дело! В самом начале! Волокут по дороге, но больше не бьют. Слышу: «Гольдфиш, гольдфиш». Это, выходит, я золотая рыбка, которую хочешь не хочешь, а надо доставить к начальству в живом виде. Откуда ни возьмись — повозка. Туда летят сначала мой рюкзак, затем я. Долго трясемся по просеке. Потом по проселку. Уже темнеет, когда повозка останавливается

у жандармского поста Войковице. Вталкивают в каморку. Ноет бок. Голова гудит колоколом: провал, провал.

Спокойно! Тебя чему учили умные люди? В панику не впадать. Надежду не терять. Наваливаюсь на дверь: заперта наглухо. Щупаю массивные стены: бетон. И зацепиться не за что. Прибыл.

А ведь готовились. Как готовились к этой ночи на 19 августа — всю весну и все лето сорок четвертого года! Вновь и вновь перебираю в памяти события последних дней. Больше месяца мы ждали этой минуты, когда скажут: летим.

Последний раз репетируем сигнал сбора: водим финкой по лопате. Звук получается скрежещущим, как у ночной вспуганной птицы. Придирчиво допрашиваем друг друга. Гроза не просто отвечает, а наслаждается игрой: врожденный артист.

В 10.00 подошла штабная машина. На аэродроме нас встречает Павлов. Наша группа подчинена ему. С ним будем поддерживать связь. Почти час летим над освобожденной территорией. На прифронтовом аэродроме под Жешувом нас уже ждет специальный самолет ЛИ-2. Приятная новость. Войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Сандомиром — важным опорным пунктом на левом берегу Вислы. Продолжая бои по расширению плацдарма, наступающие войска заняли десятки населенных пунктов, завершили окружение группировки противника в составе трех дивизий и ведут успешные бои по ее уничтожению.

Мы в гражданской одежде, и наше появление на фронтовом аэродроме, да еще в День авиации, — сенсация. Летчики принимают нас за артистов. И все интересуются, когда начнется концерт. Ну что ж, артисты так артисты. Со штурманом нашего ЛИ-2 уточняем программу «концерта». По карте точно определяем координаты высадки.

Пилот хмурится:

— Вы нам, черти этакие, всю музыку испортили. Думали выпить свои законные фронтовые в честь праздника. Ну ничего: высадим вас тютелька в тютельку.

В 21.00 пришел инструктор, бог парашютистов. Дотошный. Придирается. Пробует на вес каждый рюкзак. Иначе нельзя: из-за перегрузки можно и без ног остаться.

Инструктор тщательно осматривает парашюты, недовольно хмыкает, заметив на Груше огромные сапоги сорок второго размера: других на складе не нашлось. Заставили ее намотать еще одну пару портянок. Наконец все готово. Начинается погрузка.

— Ну, ни пуха ни пера, — говорит инструктор, и лицо его

становится каким-то растерянным, виноватым. «Вот вы летите, — словно говорит он, — а я остаюсь: служба. Очень трудно оставаться, когда другие улетают. Очень трудно».

Но у войны свои неписаные законы и сюрпризы.

Инструктор вскоре после наших проводов, можно сказать, дома, на своем летном поле, попал под бомбежку и был убит шальным осколком.

Но все это случилось потом. А тогда, в последние минуты пребывания на Большой земле, мне почему-то особенно запомнились его виноватые глаза.

В 23.00 самолет вышел на старт. Мы быстро оторвались от дорожки, начали набирать высоту. Вот и линия фронта. Горят какие-то села. То слева, то справа от нас шарят по небу длинные пальцы прожекторов. Через несколько минут к нам прилепился вражеский истребитель. Длинная очередь. Одна, другая. «Мессер» сделал еще один залет, снизу. Предупреждаю группу: возможен вынужденный прыжок. Но немец, к счастью, так же внезапно отвалил от нас, как и появился. Летим на юго-запад, набирая высоту. Протяжный гудок, пора… Дверь настежь. Сверяем часы: 0.30. Под нами непроницаемая темень. Что ждет нас внизу? Главное — дружнее прыгать, кучно, не рассеиваться. Снова гудок. Первым прыгает Гроза. За ним — Груша, я — замыкающим. Мой парашют открывается как-то сразу. Поджимаю ноги. Жду. Земли нет. Странное ощущение: словно завис в воздухе. И куда-то несет, несет. Хочется выхватить пистолет, прострелить купол, лишь бы скорее земля. Внизу появляются какие-то светлячки, движутся в одном направлении. Приземляюсь прямо на шоссейную дорогу. Теперь уже можно рассмотреть: светлячки — замаскированные фары машин. Их гул все ближе. Еле успеваю оттащить парашют в кювет. Наготове автомат, граната. Машины мчатся полным ходом. Какие-то обрывки песен, немецкие речи. Кажется, пронесло.

Парашют зарываю в поле. Скребу финкой по лопате — в ответ ни звука. Слышен только лай собак, свисток стрелочника: где-то рядом станция. Непонятно, откуда она здесь. Не видно и лесных массивов, обозначенных на карте. Голая степь. Дороги — шоссейные, железная. Вокруг населенные пункты. Продолжаю давать сигналы, отзыва нет. Видно, сбросили с недопустимо большой высоты. И совсем не тютелька в тютельку. Вот и развеяло нас в разные стороны. Принимаю решение: уходить. До рассвета шел полем в юго-западном направлении. Забрел в рощу. Рюкзак, портфель запрятал в кусты. Стал снимать сапоги и вдруг услышал шорох. Почувствовал телом, спиной: кто-то смотрит на меня — пристально, неотрывно. Я за пистолет. Оглянулся: глаза, огромные, серые, захлестнутые смертельной тоской. Маленькая

косуля в желтых пятнышках. Я тихонько свистнул. Она вздрогнула: скок — только лапки-спички замелькали. Рассмеялся. Хорош Аника-воин — косули испугался. Теперь на мне костюм, полуботинки. Забираю с собой документы, деньги. Трасса становится все оживленней. Появляются первые велосипедисты — местные жители. Их обгоняют тяжелые, груженые военные машины. Уже у самого села встречаю женщин в выцветших косынках. На рукавах нашивки «Ост». Рабыни двадцатого века. Милые девушки, как вам помочь?! Все ближе дома, постройки под красной черепицей. Заглядываю в крайний дом. На пороге — старуха. Лицо бронзовое, все в морщинах, как у Данте Алигьери. Встречает не очень дружелюбно.

— Цо то пан муви? Ниц по-германски не разумье.

Оказывается, я в Псарах. Краков? Краков далеко. Может, сто верст, а может, сто десять. И граница.

— Какая граница?

— Обыкновенная. Тут Германия, рейх. Там Польша, генерал-губернаторство.

Старуха смотрит на меня, словно я с луны свалился. И вдруг захлопотала:

— Проше пана, каву.

Кофе я выпил, старуху поблагодарил и обратным ходом, в лесопосадку. Осмотреться, обдумать план действий, принять решение. Развернул карту — не обманула старуха. Силезия — вот куда нас занесло. На все заставки ругаю штурмана, пилота. Впрочем, ругай не ругай, а выход один: забрать вещи, самое необходимое, и двинуть в сторону Олькуш — к границе. С моими документами мне в Германии ни в селе, ни в городе показаться нельзя.

Лес оказался редким — не лес, а подлесок, но тянулся в нужном мне направлении на восток. Пересек шоссейную дорогу и снова углубился в уже знакомую мне рощу. Рюкзак, портфель нашел сразу. Все сильнее сказывалась усталость, не спал почти двое суток. Присел на пенек. И незаметно для себя задремал. Разбудили жандармы. И все. Был Голос, и нет Голоса. Впереди допросы, пытки. Остается одно — умереть достойно. Но как? В этой бетонной коробке даже повеситься нельзя. А если б мог? Кто дал тебе право так уйти? И кто сказал, что все кончено? Где вы теперь, мои товарищи? Что с вами, далеко ли отнесло вас ветром? Может, и на ваш след напали гитлеровцы? Может, в эту минуту допрашивают, пытают?

Проходит час, другой. Меня на допрос не вызывают. В камеру врываются звуки губной гармоники, пьяные голоса.

Суббота. Гуляет жандармерия. Выбросили нас в ночь на

пятницу. Гроза и Груша, если их не задержали, успели далеко уйти. Все глуше звучит, все дальше отодвигается назойливая песенка про незадачливого ефрейтора. Проваливаюсь. Просыпаюсь. В первое мгновение никак не могу понять: что я, где я? Бок по-прежнему ноет. Голову разламывает от боли. С трудом отрываю ее от цементного пола. Жандарм молча ставит рядом со мной кружку воды, бросает кусок хлеба и уходит, трижды поворачивает ключ в замке. Есть совсем не хочется. Но воду выпиваю залпом. Меня и на этот раз не вызывают до самого вечера: день воскресный. Начальство, видно, отдыхает. Мне это на руку. Кажется, я снова задремал днем. Как бы то ни было, к вечеру настало какое-то просветление. Головная боль прошла. Мысль снова заработала четко. Допрашивать будут ночью или утром. Броситься на конвоиров и офицеров? Хорошая смерть, легкая смерть. До пыток не дойдет. Кто от этого выиграет? Не ищешь ли ты легкой смерти, капитан Михайлов? «Герой, кто погибает с честью, но дважды герой тот, кто выполняет свой долг и остается в живых» — этому тоже учили в разведшколе. Учили искать выход из самых безвыходных положений. Учили отрешаться от своего имени, от своего прошлого и будущего.

Помнится, вскоре после войны мне попалась небольшая повесть Казакевича. Прочитал запоем. И до сих пор из всех книг об армейских разведчиках не знаю ничего лучше «Звезды». Так точно, с таким знанием деталей, так поэтично о разведчике еще никто не писал. Одно место мне особенно дорого.

«Надев маскировочный халат, крепко завязав все шнурки — у щиколоток, на животе, под подбородком и на затылке, — разведчик отрешается от житейской суеты, от великого и от малого. Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим воспоминаниям. Он подвязывает к поясу гранаты и нож, кладет за пазуху пистолет. Так он отказывается от всех человеческих установлений, ставит себя вне закона, полагаясь отныне только на себя. Он отдает старшине все свои документы, письма, фотографии, ордена и медали, парторгу — свой партийный или комсомольский билет. Так он отказывается от своего прошлого и будущего, храня это только в сердце своем.

Он не имеет имени, как лесная птица. Он вполне мог бы отказаться и от членораздельной речи, ограничившись птичьим свистом для подачи сигналов товарищам. Он срастается с полями, лесами, оврагами, становится духом этих пространств — духом опасным, подстерегающим, в глубине своего мозга вынашивающим одну мысль: свою задачу».

Тут все точно. И во многом напоминает сборы, уход на задание нашей и подобных ей групп. Но герои Казакевича — дивизионные разведчики. Они даже не снимали свою форму. По ту сторону фронта Травкин для своих оставался Травкиным, Мамочкин — Мамочкиным. Они действовали в ближнем тылу считанные дни, редко — недели. Как правило, работали автономно, полагаясь только на себя. Им не нужны были легенды. А нам предстояла работа за несколько сот километров от фронта, в глубоком вражеском тылу. И обязательно среди людей, хороших и плохих, возможных союзников и… врагов. Мы не могли к ним явиться безымянными, как лесные птицы. И, не зная настоящих имен даже друг друга, надолго отказываясь от прошлого, от своего «я», мы упорно, настойчиво вживались в новые имена, в новую, выдуманную для нас жизнь, в свою легенду.

Десятки людей трудились над каждой такой легендой, сверяя имена, факты, детали. Малейшая ошибка могла привести к провалу. Наша ближайшая цель — легализация в Кракове. Легенды и должны были оправдать наше прибытие в Краков, сделать возможной легализацию. Так мой помощник Гроза стал жителем Львова. Согласно легенде, он работал на одном из заводов, бежал от большевиков. Радистка Груша по легенде — Анна. Анна Молодий. Воспитывалась в детском доме. Из Винницы была отправлена в рейх.

Работала в Берлине на военном заводе. Летом у нее обнаружили туберкулез. С работы освободили. Теперь пробирается домой. У Груши документы — комар носа не подточит: аусвайс — удостоверение, немецкий паспорт, врачебная справка. Штамп, печать — все настоящее, на бланках, добытых нашими разведчиками.

По-разному врастали мы в легенды. В самом процессе вживания в легенды для меня раскрывались характеры моих товарищей. Труднее всего врастание давалось Груше. Натура цельная, прямая, непосредственная, она меняла кожу, насилуя, ломая себя. Алексей, энергичный, темпераментный, не без артистической искорки, наоборот, входил в новую роль легко, изящно, как, вероятно, делал это на сцене районного Дома культуры.

В ту минуту, когда я сдавал документы строгому, неразговорчивому лейтенанту РО фронта, умер и во мне Евгений Степанович Березняк. В прошлом — комсомолец, студент педтехникума, потом коммунист, учитель истории, заведующий гороно и снова учитель. Родился Голос, он же, для своих, — капитан Михайлов, он же Владислав Гурский, безработный бухгалтер.

У моей столь тщательно разработанной легенды один-единственный недостаток: она никак не вязалась ни с пистолетом, ни с гранатами, ни тем более с батареями и денежными знаками — этаким межнациональным банком.

Спокойней, спокойней. Тебя не расстреляли до сих пор, не допрашивали. Ждут указаний сверху? Какая у тебя цель? Выжить. Обмануть, перехитрить гитлеровцев. Они тоже не лыком шиты. А ты перехитри, выполни задание. Об этом и думай. А какие у тебя шансы? Что ты можешь? Первое — группа. Если Гроза и Груша на свободе, сделай все, чтобы поверили: действовал один.

Твоя явка — Рыбне. Рыбне — под Краковом. На землях Польского генерал-губернаторства. А ты в Обершлейзине — Верхней Силезии, отхваченной у поляков. Граница рейха усиленно охраняется. Значит, надо сделать так, чтобы сами гитлеровцы перевезли тебя через границу. Конечный пункт — Краков. Оттуда к явочным квартирам рукой подать.

Краков… Краков… Краков… Решение приходит в одном слове: марш-агент. Всю ночь шлифую свои показания. Взвешиваю каждое слово, пробую на зубок и так и сяк.

Что сказать? В чем «признаваться»? Когда?

Сразу расколоться? Грош цена такому «признанию». Гитлеровцы знают: наши люди умеют держать язык за зубами. Сразу поймут: игра, или посчитают трусом, с которым и возиться нечего.

Какой же выход? Набить себе цену. На первом допросе, как бы ни мучили, молчать. «Заговорить» на втором. И так, чтобы поверили: не страх, не слабость, а трезвый расчет, инстинкт к жизни заставил это сделать.

А выдержу? Очень важно не упустить момент. С детства испытывал физическое отвращение к побоям, даже к самому прикосновению непрошеной руки. Конечно, случалось — с кем из мальчишек не бывало — и давать, и получать сдачи. Но честный бой, даже уличная драка — одно, другое — когда тебя бьют, а ты ничего не можешь.

Из рассказов Олега — моего дружка по разведшколе (о нем речь впереди) — я знал, что фельджандармерия и гестапо придумали немало страшных пыток.

Олег побывал в руках у тех и других. Обрабатывали его и вручную, и, как невесело шутил Олег, «техническими средствами». В спецблоке подвешивали, растягивали с помощью особых хитроумных устройств. Чаще всего избивали резиновой палкой, случалось, сплошь унизанной остроконечными металлическими гайками, наждачными кольцами кожу с мясом сдирали.

Выложенный бордовыми плитками пол, покрытые коричневой масляной краской стены становились липкими. Некоторых узников обрабатывали так, что они не могли самостоятельно двигаться. Олега раза два не то уносили, не то увозили другие заключенные на носилках с велосипедными колесами.

И так круглые сутки, днем и ночью, в три смены.

— Тут главное, дружище, — повторял Олег, — не потерять контроль над самим собой. Самая коварная штука, когда теряешь сознание. Убьют, ну что ж, и пуля в бою убивает. Сломить?! Сильного боль не сломит. А вот вывести за черту, за предел человеческого — может. На это и надеются, гады. На бредовое, потустороннее состояние.

…Теперь все это меня ожидало.

21 августа, в понедельник, утром в камеру вошли два жандарма. В их сопровождении я и предстал перед герром комендантом и прибывшими сюда гестаповцами. Один из них сидел за столом. Худой, морщинистый. На столе — вещественные доказательства: мой ТТ, финка, деньги, документы, батареи. Гестаповец, стоящий рядом, почтительно нагнулся и что-то зашептал на ухо сидящему. Тот в ответ коротко рассмеялся.

— Ви есть золотая рипка. Я есть старый рипак. Пудет рипка говорийт или молчайт?!

Встал. Подошел. И, не дожидаясь ответа, коротко взмахнул рукой. Боль обожгла. Словно током ударило. На губах соленый привкус крови.

— Это, Иван, цветочки, якотки впереди.

Жандармы по знаку гестаповца схватили меня за руки.

Дернули. Заломили до хруста в костях. Снова посыпались удары. Я инстинктивно обхватил руками голову: держаться! Стиснув зубы, глотая кровь, обливаясь потом, молчал. Боль врезалась в сердце, туманила мозг.

Только бы не потерять сознание.

В парке Чаир распускаются розы.
Снега белее черешен цветы…

Удар по голове…

Цветы, цветы, цветы…

Вспухшие, искусанные в кровь губы.

Снятся твои золотистые косы.
Снится мне море, и солнце, и ты.

Снова удар. Стол, гестаповцы и жандармы поплыли, завертелись в оранжевой карусели. Боль исчезла. Чьи-то мягкие руки подхватывают и несут меня. Прихожу в себя на полу. Жандарм равнодушно, привычно, словно неодушевленный предмет, поливает меня ледяной водой.

Широко расставив ноги, надо мной раскачивается, как маятник, главный мой мучитель:

— Жиф курилька! Ну что? Будем молчайт, говорит?!

Признание должны вымучить — тогда в него поверят. Кто это сказал? Старый казак Шайтан славному гетману Богдану? А может, Олег?

Что ж, вымучивали долго, старательно. Кажется, пора.

Превозмогая страшную слабость, я стал подниматься.

Гестаповец жестом подозвал жандармов.

Тело ныло. Боль снова возвращалась, колючими иглами пронизывая мозг.

Я поднял руку:

— Не надо. Хватит. Деваться некуда. Я советский разведчик.

— Гут, гут. Отвечайт на вопросы! Где группа?

— Я один.

— Доказательства?

— Мои вещи и документы.

— Вещи и документы?

— Так. Я — марш-агент.

Во всех разведках мира есть такие люди — связники, почтальоны. Их обычно посылают через линию фронта с ограниченной задачей: передать уже действующим группам батареи радиопитания, деньги, взрывчатку и т. д.

Вещи, найденные при мне, как раз и выдавали связника.

Поверит или не поверит? Если поверит, значит Гроза и Груша на воле. Бесконечной кажется минута. Но вот офицер потянулся к телефонной трубке. Наверху — это видно по его лицу, оно почти улыбается, — довольны.

— Если все правда, — обращается он ко мне, — можешь рассчитывать на доброту фюрера. Но боже сохрани, — он так и сказал — «боже сохрани», — водить гестапо за нос.

Комендант на радостях расщедрился. Мне разрешили помыться. В камеру принесли обильный обед из жандармской кухни. Лапшу со свининой, пиво, даже баночку искусственного меда. Дело было сделано. Завертелась, закружилась карусель тайной полиции рейха. 22 августа меня отвезли в Сосновец. Браслетки с рук не снимали. Вечером — катовицкое гестапо. Снова допрос. На этот раз с большим интересом к деталям.

Допрашивал молодой гестаповец в штатском. Переводила девица. Маленькая блондинка, как только раздавалось: «Фрейлейн Вэра!» — вздрагивала, вскидывала голову, словно хорошо натренированный конь при звуке кавалерийской трубы. В ее глазах были и собачья преданность патрону, и неистребимое чувство страха. На меня она поглядывала с нескрываемым любопытством, даже с каким-то сочувствием, хоть и не без злорадства. Дескать, не одна я такая на белом свете. Есть и другие. Офицер вел допрос в стремительном темпе. Но я уже вошел в роль, не сбивался.

— Кто такой?

— Марш-агент, послан для связи.

— Задача?

— Встретиться в Кракове с представителем группы. Передать ему деньги, радиопитание. Получить пакет и к пятому сентября возвратиться к своим.

— Адреса? Явка? Где назначена встреча?

— Никаких адресов у меня нет. Встреча на Краковском рынке Тандета.

— Точнее. Сроки?

— С двадцать четвертого по двадцать седьмое августа.

— Приметы? Пароль?

— Ко мне должен подойти мужчина среднего роста, средних лет. Он знает мои приметы: из английского бостона темно-синий костюм. Такого же цвета кепи. Из верхнего кармана пиджака торчит конец розового платка. Пароль: «Когда вы выехали из Киева?». Отзыв: «В среду».

— Как попал в марш-агенты?

— Это длинная история, господин офицер. Да вы и не поверите.

— Ну?!

Тут я сообщил новые подробности по одной из легенд. Я — Гордиенко. Родом из Кировограда. Украинец. Работал при немцах секретарем в украинской полиции. Не эвакуировался с вермахтом, так как Кировоград внезапно был окружен Советами. Перед приходом красных раздобыл чистые документы. С ними перебрался в соседний район. Сам явился в военкомат. Мобилизован. Вскоре отправили в специальную часть. Меня отвезли в Житомир. Оттуда в Тернополь. Из Тернополя на самолете забросили в тыл. Хотел сразу явиться, да не успел.

— Почему не заявили об этом в самом начале?

— Кто бы поверил?

— И я не верю…

— Как вам угодно. Теперь уже все равно.

Что ни вопрос — ловушка.

— Где приземлился? С кем? Фамилия? Шнель! Живо!

Я свое. Выброшен один. Приземлился в лесу западнее станции Псары.

Ночь просидел я в одиночке катовицкого гестапо. Утром двадцать третьего меня снова завели к знакомому следователю. Тот вскинул на меня свои белесые брови, заговорил отрывисто, сердито. Фрейлейн Вера встрепенулась и пошла выстреливать фразу за фразой. Я узнал, что ее шеф охотно и даже лично расстрелял бы меня, но приказ есть приказ. И, к большому сожалению шефа, меня сейчас отправят в Краков. Впрочем, в краковском гестапо шутить не любят.

После такого напутствия меня побрили, постригли, посадили в уже знакомую черную машину.

…Шуршат шины. С каждым километром все ближе Краков. Разве такой представлялась мне встреча с этим городом? Стиснутый с обеих сторон двумя молчаливыми молодчиками (в машине было их еще двое), я сидел безоружный, со скованными руками. Правда, три-четыре дня выигрывал наверняка. В моем положении и это было немало.

Но в остальном мог надеяться только на случай. А я знал уже, что случай сам по себе срабатывает редко. У случая много союзников. Прежде всего — интуиция.

И конечно, нужна решительность, постоянная готовность идти на риск, вера в удачу. И умение выжидать, терпение, точное знание предмета. Мой предмет — Краков.

Мысленно вновь и вновь обхожу его улицы, площади. В сотый раз заглядываю на Тандету. Город ощущаю почти физически. Сукеницы. Университет. Городская библиотека. Мариацкий костел. Таинственный Вавель — замок первых польских королей, теперь резиденция обер-палача Польши генерал-губернатора Франка. Мне кажется, я мог бы обойти эти места с закрытыми глазами, хоть никогда не бывал в Кракове.

Пишу не вымышленное произведение со строго продуманной композицией, а повесть своей жизни. Любая жизнь — не укатанная прямая дорога. Ида простит мне читатель возможные отклонения, отступления, нарушающие стройность моего рассказа. Вот и теперь надолго оставляю где-то на полдороге в Краков гестаповскую машину, моих ангелов-хранителей, чтобы рассказать о человеке, которому я больше всего обязан как разведчик.

Настоящее имя моего учителя я узнал сравнительно недавно. А в разведшколе его звали Василием Степановичем. Когда пришло мне время выбирать себе конспиративное имя, я тоже —

так велико было подспудное желание во всем походить на него — стал Василием Степановичем. Василий Степанович Михайлов. Или просто капитан Михайлов. Под этим именем знали меня бойцы группы «Голос» и наши польские друзья до первой нашей послевоенной встречи в 1964 году, когда уже можно было открыть друг другу свои настоящие имена. Василий Степанович был начальником отделения и преподавателем разведшколы, куда я попал в начале 1944 года. Наш учитель, сдержанный, немногословный, не любил рассказывать о себе и, приводя во время лекций и практических занятий различные случаи, которые он считал полезными и поучительными, никогда не ссылался на свой личный опыт. Уже первые практические занятия привели меня к неутешительному выводу: в разведчики совсем не гожусь. Прошел состав. Изволь подсчитать и запомнить, сколько в нем вагонов, открытых платформ, цистерн. Встретился с нужным человеком — мгновенно зафиксируй цвет волос, глаз, покрой костюма, узел на галстуке. Еще надо было уметь многое: «читать» город по карте, запоминать (записывать нельзя) десятки, сотни названий незнакомых улиц, сложные адреса, пароли. Тут я растерялся. Потому что не был наделен от природы хорошей памятью.

Дело прошлое, но… что было — было. Несколько дней ходил сам не свой. Как поступить? Имею ли право с такой памятью оставаться в разведшколе? Эта мысль не давала покоя. Сижу на лекции. Слушаю — не слушаю. А в голове сами собой слагаются строки рапорта на имя начальника школы. Так, мол, и так: «Осознавая свою непригодность, прошу отчислить меня из школы и отправить на фронт или в партизанское соединение».

Не знаю, что именно бросилось в глаза преподавателю: мой отсутствующий вид, неуверенность. Как бы там ни было, после лекции он пригласил меня к себе. Не помню, о чем мы говорили вначале. Но отлично помню тон беседы, искренний, доброжелательный. Настолько, что я возьми да выложи все то, что мучило меня в последние дни. Слушал Василий Степанович внимательно. Ни разу не перебивал мою сбивчивую речь и ничем внешне не выдавал своего отношения к ней.

— Я ждал этого признания, — заговорил он тихо. — Думается, у вас несколько одностороннее, а поэтому неверное представление о нашей работе. Кто вам сказал, что память разведчика — дар божий? Память, особенно наблюдательность, можно и нужно тренировать, как, скажем, спортсмены тренируют тело.

В этом отношении разведчик чем-то сродни ученому, артисту. Я знаю одного народного артиста, очень известного. Сколько

монологов пришлось ему выучить за долгую жизнь на сцене! А в школе больше всего попадало ему за плохую память. Развил. Человек все может, если сильно хочет. Видели, слушали Остужева — Отелло? А ведь он выучил, сыграл свою любимую роль, может быть, самую трудную в мировой драматургии, когда почти полностью потерял слух. А вы говорите — рапорт!

Я сказал, что с рапортом действительно, кажется, поспешил. И тут же признался, что заочное знакомство с Краковом идет туго.

— Вот что, загляните ко мне завтра. В восемнадцать ноль-ноль. Я постараюсь подобрать для вас в Москве кое-какую литературу. Вы ведь историк.

Подбор книг мне сначала показался странным: польский путеводитель, исторический очерк, карта города с немецко-польскими названиями. Во мне заговорил историк, азарт исследователя. Одно дело — просто заучивать трудные, непривычные для уха названия, другое — шаг за шагом открывать для себя старый Краков.

Неожиданно ловлю себя на том, что названия, которые раньше так не давались мне, теперь прочными кирпичиками укладываются в памяти. Особенно заинтересовали меня Сукеницы, рынок Тандета. Большой рынок — удобнейшее место для встречи со связными. В бурлящей толпе легче при надобности раствориться, исчезнуть.

Далекий, незнакомый город становился все ближе, роднее. Порой мне казалось, что я уже жил в нем, что мне только предстоит возвращение после долгой разлуки.

Невеселое вышло возвращение.

Тандета

Солнце стояло уже высоко, когда мы въехали в город. Я не видел его: в закрытой машине с занавешенными окошками стоял полумрак. Машина долго петляла, пока не остановилась на улице Поморской — у краковского гестапо.

Меня ждали. Сразу привели на второй этаж. В комнате следователя, по-видимому, специалиста по десантникам, бросились в глаза рации да рюкзаки советского производства. Следователь заметил стальную браслетку. Поморщился. Приказал снять. Предложил сигарету. И вовсе не спешил с допросом. Пригласил к столику. Стал угощать жареным мясом, вермишелью с медом. Он оказался шутником-философом, этот обходительный гестаповец.

— Живая собака, — подмигнул он мне понимающе, — лучше мертвого льва. Не так ли, приятель?

Вел допрос, пересыпая его шутками-прибаутками, вроде того, что «игра стоит свеч», что «снявши голову, по волосам не плачут», и что некоторые провинциальные следователи (намек на Катовице) разбираются в делах разведки «как свинья в апельсинах».

Эти русские пословицы на правильном русском языке, почти без акцента, в устах матерого врага звучали обидней, кощунственней самых грязных ругательств и угроз. Он видел во мне послушную, поджимающую хвост собаку, заарканенную настолько, что уже не очень важно, можно ли ей верить целиком или нет.

Следователь позвонил. Внесли темно-синий костюм, выутюженный, очищенный от пятен крови, туфли, кепи, пять тысяч злотых, батареи и сигареты.

— Одевайся, приятель, — и за работу. Пойдешь на рынок и будешь продавать свои часы. Будешь, как это, подсадной уткой.

В закрытой машине меня довезли до почтамта. Переводчик еще раз напомнил напутствие «весельчака», рассказал, как попасть на рынок.

Пришел на место, где продают часы. Очень неудобное место для побега: узкий переулок и мало людей. Рядом со мной тут же выросли молчаливые парни — тоже с «Омегами». Куда я, туда и они. Я заломил такую цену, что покупатели один за другим отходили, разочарованные. Под вечер меня отвезли в Монтелюпихе — краковскую тюрьму гестапо. Днем в том же сопровождении снова на работу. На этот раз мы прошли через весь рынок. Тандета гудела огромным ульем. Торговались отчаянно. Шум, крик, гам.

Все тут продавалось и покупалось: зажигалки и бюстгальтеры, сигареты, иголки (чемодан иголок — и ты миллионер), «квасне млеко» и новые солдатские шинели, тонкие голландские кружева да французские духи, порнографические открытки и старинные издания Библии в переплетах из телячьей кожи.

И все это — среди островерхих башенок, у старинных лотков, средневековых амбаров с подъемными механизмами. Рынок буквально кишел людьми: горожанами, приезжими гуралями, офицерами и солдатами вермахта. И в этой толчее, в шуме и гаме, в многоголосом разноязычии что только ни мерещилось мне: налет советской авиации на Краков, акция польских патриотов, суматоха, пьяная свалка. И я тянул время, замедлял шаги, чувствуя затылком неторопливые взгляды, дыхание своих телохранителей.

Нет, дела уж не так плохи. Выше голову, Михайлов. Тут

можно попытаться.

…Тандета только непосвященному глазу казалась хаотической. Огромный улей делился на соты: обувные и зажигалочные, дамской одежды и мужской, соты валютные, где, словно в руках фокусников, мелькали марки, доллары, фунты.

А вот и наша улочка. Достаю свою «Омегу». Ходим с провожатыми, будто привязанные друг к другу: никак не оторваться. Под конец дня подошел ко мне какой-то мужчина. Потоптался, спросил (я даже вздрогнул от звуков родной речи):

— Эвакуированный?

— Да.

— Откуда, земляче?

Вопросы напоминали пароль, и мои телохранители насторожились. Хотелось крикнуть: «Сгинь, исчезни! Ведь это я, я тебя выдумал!».

У меня все внутри заныло. А что, если наш человек, что, если поймается на мнимой подсадной утке? Но часы торговать земляк не стал. Отошел. И снова — никакой возможности бежать.

Побег

Честно говоря, я уже начал терять веру. В моем распоряжении оставался один день. Я понял, что допустил серьезную ошибку, ограничивая таким коротким сроком время мнимой встречи. Гестаповцы нервничают, начинают подозревать, что все это игра. Третью ночь в Монтелюпихе спал плохо. Все думал, как быть. Может, сознаться, что для встречи намечены резервные числа, на случай, если резидент не сможет явиться вовремя?

Не выйдет. Следователь не глуп и вряд ли станет глотать подобную наживку. Он из тех, кто мягко стелет, да жестко спать. Догадается, что его водят за нос, и — прощай, последний шанс.

Последний шанс…

Что бы ни случилось — в тюрьму не возвращаться. Лучше погибнуть на людях, от эсэсовской пули, нежели под пытками. Так я решил и к следователю вошел совсем спокойный. На этот раз он не улыбался, не шутил:

— Что-то ты, приятель, подводишь друзей. Завтра мы с тобой не так поговорим.

Я сказал, что при таких телохранителях работать нельзя. Ребенку и то видать, что это за люди. Какой же дурак пойдет на встречу. Господин следователь, видно, считает советских разведчиков круглыми идиотами.

Следователь рассмеялся:

— Да ты, приятель, не так прост. Поезжай. Будут тебе условия.

…Они по-прежнему шли следом, но пять-шесть метров я отвоевал. Тик-так, тик-так, тик-так… — отсчитывала «Омега» последние минуты. Бежать? Сейчас? Нельзя. Кругом люди. Перестреляют. И улочка перекрыта гестаповцами. Ждать, ждать — еще не истекло время.

Вдруг выстрел, другой, третий. Что-то там происходило в центре площади, в самом сердце Тандеты. Партизаны? Подпольщики? Ничего нельзя было понять в диком вое, криках, в топоте сотен ног. Толпа прорвалась и на нашу улочку. Меня тоже понесло. Я почувствовал: пришло мое время. Теперь или никогда. Мелькнуло растерянное лицо одного из телохранителей. На какой-то миг наши глаза встретились. Работая локтями, плечом, он рванулся ко мне. Но я уже принял решение: нет, живым не сдамся. Нырнул в толпу. Схватил чью-то широкополую шляпу, нахлобучил ее по самые глаза. Рискуя быть затоптанным, бросился в соседний переулок. Оглянулся — телохранителей не видно. Пошел дальше шагом, неторопливой деловой походкой.

Проходными дворами, проулками к Висле.

В сумерках оказался у высокой каменной ограды. За оградой смутно белели строения, кресты, купола. Из калитки вышла женщина в черном платье, в высоком белом накрахмаленном воротнике. Калитка захлопнулась. Женский монастырь. Вряд ли гестаповцы станут меня здесь искать. Дождался темноты. Перемахнул через ограду и оказался в густых зарослях сирени. Прикорнул у куста и уснул как убитый. Проснулся сразу, словно от толчка. Серело небо. Гасли звезды. Неужели свободен? Спокойно, не кажи «гоп», пока не перескочишь. Теперь надо действовать очень осторожно, рассудительно, не спеша. Твои отпечатки пальцев, фото анфас и профиль, документы — в руках гестапо. Ты не знаешь, что с Грозой, Грушей. Значит, Краков, Краковская явка для тебя не существуют. Уходить через Кашув — Беляны в Рыбне.

Без происшествий выбрался на дорогу. До Кашува доехал на попутной повозке. Хозяин ее, пожилой крестьянин, ни о чем не расспрашивал, от денег отказался. Из рассказа я понял: в Кашуве староста — пес, без его разрешения на ночлег могут и не пустить. Решил не рисковать. Обойдемся как-нибудь. Запахи свежескошенной травы привели меня на луг. Зарылся в сено. Оно пахло винными яблоками, медом, землей, детством, и я, засыпая, подумал: жизнь — преотличная штука.

На рассвете оставил свой «номер-люкс» и зашагал к Рыбне на условленную явку. Явочную квартиру для нашей группы готовила Комар, радистка из группы «Львов». Накануне вылета нам сообщили фамилию, адрес. Хозяин явки, судя по донесениям Комара, человек надежный, проверенный, секретарь местной партийной ячейки. На дом № 448 я наткнулся неожиданно на верхней улице. Сказать по правде, мне просто повезло. Найти дом в Рыбне по номеру не так-то легко. Но, повторяю, обошлось без нежелательных расспросов. Ворота небольшой усадьбы были широко раскрыты. Во дворе я увидел пожилого крестьянина в жилетке, в капелюхе с черной лентой. Потягивая трубку, он смотрел на меня выжидающе, спокойно. Не без волнения я произнес пароль:

— Имеет ли пан для продажи сливы?

Вместо отзыва хозяин сказал:

— Пойдемте в хату.

Малик усадил меня за стол.

— Слив, паночку, уже нет. Есть яблоки. Давайте еще раз знакомиться. Эти стены надежные. Здесь нас никто не услышит.

— Капитан Михайлов.

— Станислав Малик, товажищ.

Станислав обрадовался мне как родному сыну. Сказал, что меня давно ждут, беспокоятся. Накормил завтраком. Затем осмотрел меня с ног до головы, недовольно поморщился и, ни слова не говоря, ушел в соседнюю комнату. Возвратился оттуда с ворохом одежды. Я охотно расстался со своим темно-синим костюмом. И вот мы стоим рядом, босые, в рваных брюках. На мне, как и на Малике, жилет, капелюх с черной лентой.

— Кто-то уже приходил?

— Паненка одна. Файна паненка. Ольця Совецка нашла ей схрон.

— Кто еще?

— Ниц, товажищ капитан.

В «паненке» нетрудно было узнать Грушу.

Значит, Гроза еще не появлялся.

Я один на чердаке, заваленном сеном, сбруей, разной рухлядью. Станислав по моей просьбе отправился к Ольге Совецкой.

Какая ты, Комар? Что мне о тебе известно? Ниже среднего роста, глаза карие, комсомолка. Во вражеском тылу почти четыре месяца. И все это время поддерживает связь, регулярно передает важнейшую информацию. «Смелая, боевая дивчина, — коротко аттестовал ее Павлов. — Из группы осталась одна. Будет работать с вами».

…Сначала над лестницей взметнулись глаза. Не глаза — очи. Встретились с моими. Затем вынырнула вся — в передничке, стареньком платьице, босые ноги. В школе я наверняка принял бы Ольгу за ученицу пятого-шестого класса. Смотрел на нее, и как-то не верилось, не укладывалось в сознании, что эта девчушка-пичужка и есть бесстрашный Комар.

— Здравствуйте, товарищ капитан. С благополучным прибытием.

— Здравствуй, Комарик.

Кинулась ко мне. И тут я почувствовал, что глаза нашей героини отнюдь не на сухом месте.

— Это ничего, это я на радостях, товарищ командир.

Ольга подтвердила: Груша явилась на шестой день.

Жива, здорова, сидит у татуся. Ждет не дождется дяди Васи.

Татусь — так ласково называют Михала Врубля, батрака, он тоже ждет нас. Для «пана капитана» уже оборудовал в своем амбаре потайную комнатку.

— Отличный схрон, — говорит Ольга.

Откладываю все вопросы на вечер. Спускаемся по лестнице.

— Вам будет хорошо у Врублей. Это такие люди, такие люди!

Татусь, Рузя, Стефа. За советского человека все отдадут. И жизни не пожалеют.

Мне запомнился первый день у Врублей. Михал, лысый, долговязый — жилет висел на нем как на вешалке, — не мог нарадоваться за свою «дзевчинку»: все одна да одна, а теперь у Ольцы и подружка, и пан капитан.

Мне здесь нравилось. И милые хозяева, и то, что дом на отшибе. А схрон действительно оказался на славу. Зайдешь в амбар — сено по самую крышу. Надо развалить все сено, чтобы добраться до потайной комнатки. Вход и выход — в сторону леса. Доски смазаны жиром, легко, бесшумно поднимаются и опускаются. У выхода — скамейка: конспирация. В одном доме и радиоквартира, и станция для группы. Удобно, но… опасно. Чертовски опасно. Представляет ли себе старый Михал, что ждет его самого, дочерей в случае провала? Я спросил об этом и тут же прибавил, что в ближайшие дни постараемся подобрать другую квартиру. Татусь обиделся: «Разве Ольце у нас плохо? Разве совецкие мне уже не доверяют? Я все знаю, пан капитан. А бояться? Нех нас герман боится».

Не люди — кремень

— Товарищ капитан, к вам гостья.

На пороге Ольга, а рядом с ней молодая, модно одетая пани. Красивая, неторопливая в движениях, ясноглазая.

— Капитан Михайлов.

— Валерия.

Вот она какая, связная Краковского подпольного областного комитета ППР и Армии Людовой[1]! За два дня Ольга мне уши прожужжала: Валя да Валя (так мы сами звали потом Валерию). И вежливая, и добрая, и находчивая. И артистка, каких мало.

Что ж, поживем — увидим. Вскоре к нам присоединился Малик. Он пришел с корзиной яблок. Мы перебрались ко мне в схрон.

— Товарищ Михайлов, вам привет от Михала, — первая заговорила Валерия. — Он просил познакомить вас с обстановкой в городе и Краковском воеводстве.

А обстановка сложилась такая. Город, резиденция генерал-губернатора Франка, по словам Валерии, буквально кишел гитлеровцами и полицией. Положение усложнялось действиями польских фашистов — энзетовцев, агентов Жбика[2]. Жбиковцы убивали партизан, с провокационными целями проникали в ряды Краковского подполья. Многие из них находились в прямом сговоре с гестапо. Без помощи жбиковцев гестапо вряд ли удалось бы напасть на след, арестовать и уничтожить три состава подпольного Краковского комитета Польской рабочей партии.

Товарищ Михал руководит четвертым составом.

— Шестого августа, — рассказывала Валерия, — на Францишканскую улицу въехала колонна грузовых машин. В кузовах сидели солдаты дивизии СС в массивных рогатых касках, с широкими треугольными бляхами. Машины промчались Доминиканской улицей, мимо почтамта. Случайные прохожие бросались врассыпную, пытались прорваться. Но выходы оказались перекрытыми. Всюду стояли солдаты, эсэсовцы.

«Хальт! Раус! Шнелль, шнелль!» Мужчин хватали на улице, вытаскивали из домов. Не помогали ни кенкарты — удостоверения, ни свидетельства с немецкими печатями. Всю неделю машины, забитые арестованными, курсировали из Кракова в Плашовский лагерь. Восемь тысяч арестованных — таковы итоги черной недели в Кракове.

Наша партия в эти дни недосчиталась многих бойцов. Гестаповский гребень вычесывал, хватал людей без всякого разбора.

Я слушал Валерию и невольно любовался ею. Эта пани, одетая с иголочки, словно сошедшая с пасхальной открытки, самой природой была создана для разведки. Связной следует полагаться только на свою память. В руках врага записка, адрес, списки людей могут обернуться непоправимой бедой. Валя поражала даже видавшую виды Ольгу своей памятью. Ее информации, всегда точные, лаконичные, легко укладывались в предельно скупые строки радиограмм.

Подпольщики, снабжая информацией нашу связную, часто, как правило, даже не знали друг друга. Валерия знала многое, и многие нити Краковского подполья находились у нее в руках. Это были надежные руки.

Информация польских патриотов приобретала в эти дни особое значение. Готовилось новое, решительное наступление. Оно должно было принести освобождение Кракову. И советским разведчикам помогали десятки людей. Круг этот, однако, можно было значительно расширить. Массовые облавы, лагеря смерти, казни, антисоветская пропаганда, злобный антисоветский вой жбиковцев не сбили с толку настоящих патриотов.

— За каждого ручаюсь головой, — уверенно закончил Малик, — пойдут на любое задание.

На любое задание. Мать солдата польской дивизии имени Костюшко, сражавшейся на нашем фронте, бабця Сендерова, не колеблясь ни минуты, приютила в своем доме Ольгу с рацией. Из села Бранице пошли в эфир первые радиограммы Комара. Центр интересовался военными объектами в самом Кракове, но вермахт

на свои объекты поляков не допускал. Кларе Солтыковой удалось устроиться уборщицей в помещении военного штаба. Ей было дано особое задание: собирать для нас отработанную копировальную бумагу. И надо было эту бумагу незаметно спрятать, вынести, передать связной. Одно неосторожное движение, одна-единственная оплошность — и конец. Клара Солтыкова знала, на что идет. Сказано: не люди — кремень.

Снова вместе

«Павлову. Прибыли в Рыбне. Вступил в контакт с Комаром. Груша на месте. Грозы нет. Рация оставлена возле Бедзина. Груз погиб. Голос».

Ольга передала это донесение в Центр 1 сентября, когда мы почти потеряли надежду на приход Грозы. Про себя решили: развернем работу без него. А он явился шесть дней спустя. Сияющий, с ухмылкой во все лицо. Выложил кучу подлинных документов, удостоверение рабочего военного завода «Остхютте», настоящий немецкий паспорт — аусвайс, продовольственные карточки.

— Докладывай.

Алексей тряхнул своими черными кудрями:

— Есть докладывать!

Его парашют тоже отнесло в сторону. Так что пришлось не приземлиться, а приводниться. Прямо в пруд. Выбрался на берег, закопал парашют. Вытащил из рюкзака запасной костюм. Стал сигналить, как было условлено. Ни ответа, ни привета. С первыми лучами солнца зашагал прямо по шоссе в город. По карте определил: приземлился недалеко от Домброва-Гурнича, в ста двадцати восьми километрах от Кракова.

В Верхней Силезии город почти примыкает к городу. Между ними ходят трамваи. Сообразил: в трамвае безопасней. Добраться до Сосновца, раствориться в городской толпе. Сошел на базарной площади. Заметил ресторан. На стене метровыми буквами надпись: «Фюр хунде унд полен ферботен» («Для собак и поляков запрещено»). Зашел, подкрепился, рассчитался рейхсмарками, побродил по городу. За скверником бросились в глаза знакомые с детства буквы. Вывеска: «Украшський допомоговий комітет». Ну, ясно, кому этот комитет помогает. А он, Алексей, разве не нуждается в помощи? Не вошел — ворвался в комнату. За столом какой-то тип в вышитой рубашке. Алексей к нему.

— Сидите тут, тыловые крысы, как у Христа за пазухой! А мы, пострадавшие от Советов, хоть пропадай.

— Заспокойтесь, добродію, — растерялся от такого бурного

натиска комендант. — Розказуйте, що до чого.

Алексей выложил свою легенду так, что пан комендант чуть ли не слезу пустил. Родом из Подволочиска. Работал во Львове. По убеждениям — националист. Бежал от Советов, и вот — без денег, без работы.

— Видно одразу, що хороший чоловік, — приосанился комендант. — Допоможемо. — Выдал денег — компенсацию за потери, вызванные поспешным бегством, продовольственные карточки. — Підеш, хлопче, в «Остхютте» — на завод. По нашм рекомендації. З богом.

С направлением и рекомендацией комитета Алексея в тот же день зачислили на работу. Поставили в цех отрезать трубки-взрыватели для снарядов. За три недели наладил контакт с польскими патриотами. Один из них свел Грозу с контрабандистами. Те знали все ходы и выходы, регулярно пересекали границу, переправляя из рейха в генерал-губернаторство и обратно дефицитные товары. Они же помогли Алексею перебраться в Краков. Дальше все пошло как по писаному. Рыбне, дом № 448, пароль. В Санку Алексея привел Генрих Малик, сын Станислава. Группа «Голос» наконец собралась в полном составе.

Наша группа

«Голос» — не только мой «псевдоним», но и кодовое название нашей группы.

Каждая радиограмма, посланная в Центр за подписью «Голос», — сконцентрированный труд, риск не одного, а всех членов группы.

Нас готовили отдельно, в разных школах. И до встречи в начале июля 1944 года мы совсем не знали друг друга.

Война причудливо переплела судьбы людей. У каждого из нас была своя работа, своя дорога. И вот в Проскурове дороги эти сошлись в одну.

Первое мое знакомство с Грозой, Грушей и Комаром было заочным. Офицер из разведотдела фронта скупо сообщил биографические данные моих будущих товарищей.

Гроза — Алексей — двадцатидвухлетний комсомолец из района Кировограда. Молод, но отнюдь не зелен. Был до призыва на действительную секретарем райкома комсомола.

В армии еще в довоенное время окончил школу связи. На фронте командовал взводом. Попадал в окружение и выбирался из него.

В тылу гитлеровцев организовал диверсионную молодежную группу, стал ее комиссаром. Что такое гестапо, знает не только по рассказам и фильмам. В одном из боев был схвачен. Испытал на себе все тяготы гитлеровского застенка. Бежал. Сражался в партизанском отряде.

После освобождения Кировограда снова работал секретарем райкома комсомола. Позже получил специальную подготовку в разведшколе.

Ефрейтор Груша — Анка — еще моложе. Груша лишь недавно окончила десятилетку, короткое время работала в горкоме комсомола. Братья Анки на фронте. Пришла в армию по комсомольской путевке. Окончила школу радистов при батальоне связи.

На рациях разных систем работает четко, быстро. Отлично владеет пистолетом, холодным оружием. Вот и все. И много, и мало. Мне не терпелось узнать, какие они на самом деле — мои завтрашние друзья-товарищи.

В начале июля штаб 1-го Украинского фронта находился в Проскурове. Товарищи из разведотдела фронта поселили меня в небольшом домике на окраине города, у железнодорожного вокзала.

В этом домике мы потом жили всей группой.

Почти ежедневно приходили к нам офицеры разведотдела. Отрабатывались легенды, изучался будущий район деятельности. Совершенствовались наши познания о вражеских войсках. Словом, дел, впечатлений хватало. Но из всех мне больше всего запомнилась первая встреча с Алексеем.

Он заявился в наш домик под вечер. Первое, что бросилось в глаза, — буйная, непокорная цыганская шевелюра. Сам среднего роста, худощавый. Из-под спадающего на лоб чуба весело, задорно поблескивают озорные глаза. В домик не вошел, а влетел вихрем. Не усидел на одном месте и пяти минут. Энергии хоть отбавляй. И очень уж подвижный.

Я представлял себе разведчика вообще и своего заместителя в частности совсем другим: спокойным, уравновешенным, медлительным, молчаливым. А этот — говорун, каких мало. Непоседа. Все делает на бегу, в бешеном темпе.

Впрочем, еще в Проскурове я убедился, что Алексей мог легко перевоплотиться. Когда требовала обстановка, становился спокойным, рассудительным. Глазастый, ничего не ускользало от его цепкого взгляда. Стрелял метко, но тренировку не прекращал ни на один день. Вначале облюбовал для себя ТТ, а позже заменил его наганом. Пули одна за другой ложились в черное яблочко мишени.

Он легко сходился с людьми. Обладал этаким магнитом притяжения, особым умением привлекать к себе сердца. Причем все получалось без каких-либо заметных усилий с его стороны.

Еще в Проскурове мы, люди с разными характерами, подружились. Я знал: на Алексея можно положиться. Алексею была присвоена кличка Гроза, а мне — Голос. Мне нравилась его кличка и не очень нравилась моя. Позже всех в нашем домике появилась Анка — третий член нашей группы. Выше среднего роста, с длинной косой, щуплая, чернявая дивчина. Внешне — полная противоположность Алексею.

Гроза — весь порыв, кипенье, стремительность.

Анка-Груша — воплощенное спокойствие. Нетороплива. В группе самая младшая. Двадцатилетие Анки мы отмечали 21 декабря уже в глубоком тылу врага, в Бескидах[3], недалеко от Явоже.

В Проскурове Анка усиленно готовилась: отрабатывала технику работы на учебном «Северке», изучала район предполагаемой деятельности группы и врастала в свою легенду.

Обедали мы всегда вместе. Анка накрывала на стол, а мы с Алексеем были ее помощниками. За обедом, за ужином или просто в свободное время мы никогда не вели разговор о нашей будущей деятельности в тылу врага. Таков был неписаный закон.

Но каждый из нас постоянно думал о задаче.

Через несколько дней после освобождения Львова мы оставили Проскуров и поселились в особняке на Глинянском тракте во Львове. Здесь нам был объявлен боевой приказ, окончательно определился район деятельности группы — Краков.

Офицер из разведотдела сообщил нам предполагаемый район высадки, ознакомил с обстановкой в Кракове. Он же сообщил о судьбе группы «Львов», заброшенной в район Кракова в апреле 1944 года.

Неудачи преследовали их с первой минуты. Выбросили «львовян» далеко от назначенного места, потом обстоятельства сложились так, что группа осталась без командира. Вскоре под гребень случайной облавы попала боевая подруга Ольги — варшавянка Ганка — разведчица группы «Львов». Девушка бесстрашная, смелая до дерзости, но не всегда достаточно осторожная. По предварительным данным, ее увезли в Освенцим. Радистка Ольга осталась одна.

«Не Комар — настоящий овод, — говорил о ней офицер. — На месте посмотришь, проанализируй еще раз ее работу, пригодится. Вам следует использовать опыт Комара. Ты не смотри, что молода. Считай, три месяца одна за всю группу в тылу работает».

Что я знал о ней? Комар — она же Ольга Совецка (так называли ее польские друзья) — родилась в ноябре 1922 года в городе Кара-Кол (в Киргизии). После окончания семилетки училась в техникуме, получила среднетехническое образование. По путевке комсомола пошла в армию, закончила школу радистов-разведчиков и проявила себя в тылу у немцев в исключительно сложной обстановке отважной, находчивой разведчицей.

Разный возраст. Разный опыт. Разные характеры.

Когда Груша пошла в первый класс, я уже учительствовал. Когда Комар вступала в комсомол, Грозу призывали на действительную службу.

21 июня в школе, где училась Груша, был бал. До самого рассвета бродили счастливые девчонки по тихим улицам райгородка, еще не зная о том, что война началась.

В ночь на двадцать второе я как заведующий Гороно находился на праздничном собрании львовских учителей, а Алексей в то время со своим взводом связистов был поднят по боевой тревоге.

…Незадолго до вылета нашей группы меня вызвали в штаб.

На этот раз мы не говорили о предстоящем задании, не уточняли детали. Все было говорено-переговорено.

— Догадываешься, зачем вызван?

— Не совсем.

— Решено окончательно. Подписан приказ о твоем назначении командиром группы. Мы, — продолжал офицер, — очень рассчитываем на твой педагогический опыт. Главное — объединить, сплотить членов группы. Четыре голоса должны слиться в один «Голос». И при этом очень важно сохранить, развить индивидуальный почерк каждого, поворачивать лучшей его стороной.

— Буду стараться.

— Заместитель у тебя хорош. Правда, горяч. Ты студи, но в меру. Подружились?

— Вроде.

— В школе вас многому научили. Но твоя настоящая наука только начинается.

— Понятно.

— И помни, что я говорил насчет группы. Четыре пальца врозь — просто четыре пальца, вместе — почти кулак.

Ну, будь здоров и здравствуй, Голос. До встречи где-то в Кракове.

Как это началось

Что привело меня в Рыбне? Как я, представитель самой мирной профессии, стал военным разведчиком, а еще раньше подпольщиком?

Моя довоенная жизнь мало чем отличалась от жизни миллионов наших советских людей. Я родился в старом Екатеринославе, будущем Днепропетровске, за три года до революции, на Первой Чечеловке — грязной, пыльной рабочей окраине. Отец мой, Степан Березняк, провоевал всю империалистическую. Первое воспоминание связано с ним. Меня, трехлетнего пацана, очень напугал чужой дядя, заросший густой рыжей щетиной солдат. Щетина больно кололась, я стал вырываться, заплакал (ЧП это долго фигурировало в нашей семейной хронике) и с месяц упорно называл отца дядьком. «Дядько» побрился, попарился в бане, отмыл, соскреб солдатскую грязь и оказался молодым, веселым, неистощимым на выдумки человеком. С фронта — дело уже было после революции — он привез одну только гармонь. Отец берег ее пуще глаза и много лет не расставался с ней. Репертуар его был обширен и воистину интернационален. В империалистическую воевал мой отец под Бобруйском, в Пинских болотах, где, очевидно, подружился с «Лявонихой». Помню еще «На сопках Маньчжурии», «Ой під вишнею, під черешнею», «їхав козак на війноньку». Но больше

всего мне почему-то запомнилась солдатская «Ой, степ, ти мій степ».

Песню я хорошо запомнил, потому что играл ее отец очень часто. Он всю жизнь был рабочим. Столярничал на брянском заводе, позже на станции Помашной в вагоноремонтных мастерских, потом снова Днепропетровск. Последние годы — Львов. Никогда не болел. Решительно отказывался от выхода на пенсию. Как жил, так и умер рабочим на семидесятом году в 1954-м, так и не узнав — тогда еще не время было, — чем занимался его сын, отбыв в неизвестном направлении в январе 1944 года.

В Помашной я учился в железнодорожной семилетней школе. Стал пионером. Пел песню про картошку-раскартошку, вкусней которой не найдешь на всем белом свете. Кострами взвивались синие ночи в степи за Помашной. А мы, прижавшись друг к другу, затаив дыхание, слушали нашего директора Ивана Степановича. Теперь я понимаю, какой это был отличный историк. В его рассказах оживали Спартак и Рылеев, Гарибальди и коммунары Парижа. Плыл навстречу своему бессмертию «Потемкин». Щетинилась баррикадами Пресня. И будто из пламени костра вставали Котовский, Блюхер, Фрунзе, Дзержинский — железные рыцари революции, а рядом с ними — первые комсомольцы нашего края. В такую ночь я впервые услышал слово «подпольщик». Когда деникинцы захватили Екатеринослав, многие комсомольцы ушли в подполье. За ними охотилась деникинская контрразведка, смерть всюду ходила следом, а они продолжали борьбу.

Вижу задумчивое, скупо освещенное бликами догорающего костра лицо Ивана Степановича, слышу его глуховатый голос:

Гвозди бы делать из этих людей —
В мире бы не было крепче гвоздей.

Я поступил в комсомол по рекомендации нашего директора в 1930 году, в самый разгар коллективизации. По его же совету стал студентом Кировоградского педтехникума. В семнадцать лет получил назначение в Ивановскую начальную школу. Как я проклинал себя, свой выбор в первые дни работы! Что и говорить, воспоминания не из приятных, но… первый педагогический блин оказался для меня горьким комом. Тридцать семь пар глаз требовали внимания, тридцать семь ребячьих глоток спрашивали, жаловались, хныкали, разговаривали в самое, как мне казалось, неподходящее время и молчали — конечно, назло учителю, — когда тот добивался ответа.

Я возненавидел школу, свою профессию и… сбежал в Днепропетровск, в Горный институт. Но, проучившись два года в Горном, геологом не стал. Чем больше я отдалялся от школы, тем больше тянуло к ней. Да и голод в 1933 году прижал нашу семью так, что я понял: без моей помощи им не выжить. Словом, явился с повинной в облоно, не скрыл бегства своего и оказался в селе Веселом (Межевский район) в должности учителя математики 5-7-х классов. Впрочем, и тут я не с первого дня стал учителем. Но было больше знаний, больше житейского опыта, исчезли растерянность и страх перед детьми.

Учителем, однако, сделало меня другое: мужество, душевная красота наших детей в ту трудную, голодную зиму. Советская власть сделала все, чтобы спасти детей. В школе появились горячие завтраки: чай на сахарине, жиденький суп с крупинками пшена. Я не помню случая, чтобы кто-то из моих учеников перехватил в школе завтрак у своего товарища. Не у всех хватало сил ходить в школу. К весне кое-кто начал опухать. И оставались без горячих завтраков именно те, кто больше всего в них нуждался. Я предложил ослабевших подкармливать, носить им горячие завтраки на дом. Мои ребята — как любил я их, как гордился ими в эти минуты! — сразу согласились. И снова-таки не было случая — а голодали все зверски, — чтобы кто-то по дороге съел завтрак товарища.

Многому научили меня в ту зиму мои ученики. Видеть, будить в ученике Человека — главное в учительском деле. Я и теперь благодарен моим ученикам в селе Веселом: они сделали меня учителем.

Пишу не без надежды, что строки эти попадутся и тем молодым, начинающим моим коллегам, которые теряются, не выдерживают первых испытаний в школе, слишком быстро расписываются в своей педагогической беспомощности, непригодности — и бегут из школы куда глаза глядят. Не скрою: вузовский диплом — не патент на вечные времена, не индульгенция от будущих упущений и трудностей. Кое-кому действительно полезно вовремя уйти, переменить профессию. Но и поспешность тут ни к чему. Надо самому будить, растить в себе педагога.

Впрочем, я снова отвлекся. Веселое окончательно определило мою дорогу. Преподавал в школе, учился заочно в педагогическом институте. Прошел по всем ступенькам школьной и наробразовской лестницы: завуч, директор школы, инспектор районо, заведующий районным отделом народного образования в Петропавловском районе. В июне 1939 года Верховный Совет наградил меня медалью «За трудовую доблесть». В октябре меня

принимали в ряды большевистской партии.

Богатым событиями для меня оказался 1939 год. Прошло несколько дней после партийного собрания — и меня вызвали в обком, а затем в Центральный Комитет КП(б)У. В Киеве узнаю: рекомендуют в город Львов на руководящую работу в органы народного образования. Так я стал заведующим Шевченковским районо. Летом 1940 года меня избрали депутатом Львовского горсовета, а вскоре назначили заведующим отделом народного образования города Львова.

Мне много не хватало тогда во Львове: опыта, знаний, умения разбираться в людях. Но многое компенсировалось молодостью, энтузиазмом. Львовяне жадно потянулись к знаниям. Только за последние предвоенные месяцы мы открыли во Львове десятки новых школ, два педучилища. Впервые за много лет в древних стенах университета снова зазвучала украинская речь. Меня хватало и на приемы, и на инспектирование школ, ина совещания — заседали мы часто и подолгу, и на многочисленные депутатские обязанности, и на прогулки по ночному Львову. Незадолго до начала войны подружился я с замечательным журналистом и человеком — Кузьмой Пелехатым. С ним бродили мы по притихшим ночным улицам. Неутомимый ходок и рассказчик, Кузьма как из рога изобилия одаривал меня былями и легендами древнего города.

Было трудно, чертовски трудно в довоенном Львове, и все же город молодел прямо на глазах. Открывались новые театры, клубы. Охотно приезжали на гастроли прославленные театральные коллективы Москвы, Киева, Харькова, Одессы. Помню длинные очереди на концерты Утесова и Лемешева, на «Запорожца за Дунаем» с участием Паторжинского и Литвиненко-Вольгемут. Театр оперы и балета, эту вотчину польских магнатов и австрийских баронов, где раньше никогда не звучала украинская речь, куда и не ступала нога мастерового или «хлопа», заполнили рабочие львовских заводов и фабрик, студенты, дети тех же рабочих и галицких крестьян. На спектакли, случалось, приезжали из сел целыми семьями в домотканых одеждах и брилях. Степенно усаживались в обитые бархатом кресла. Я видел, как плакали эти люди, услышав со сцены «панского» театра выстраданную, долгожданную родную речь. Во Львове побывали Корнейчук, Рыльский, Тычина, Сосюра, Бажан, Яновский. На одной из встреч местных писателей с киевлянами Кузьма Пелехатый познакомил меня с человеком, чья жизнь почти целиком соответствовала пословице: «Прошел Крым, Рим и медные трубы».

Не знаю, довелось ли напоследок Петру Карманскому

побывать в Крыму. Что же касается Рима и медных труб, то тут все правда. И даже не символическая. Сын хлебороба, плотника, он учился в Ватикане, лично знал двух римских пап, встречался со многими высшими сановниками католической и униатской церкви, долгие годы оставался в близких отношениях с митрополитом Шептицким, представлял «правительство» Петлюры при Ватикане и дослужился чуть ли не до министра в ЗУНРА (так называемая «Западноукраинская Народная Республика»).

Карманский долгие годы считался своим человеком на националистическом Олимпе как политик, дипломат, поэт-декадент. Бывал он по поручению господ-самостийников и за океаном, в Бразилии. Очищал там души, а заодно и кошельки своих же околпаченных братьев-гречкосеев, эмигрантов-галичан. Правда, не нажил на этом крестьянский сын Петро Карманский ни палат каменных, ни крупного счета в банке. Собранные деньги тут же исчезали в бездонных карманах националистической братии. Долгим, трудным был путь Карманского «крізь темряву», как он потом писал в одной из своих книг, — к свету. Обо всем этом поэт рассказывал нам при последующих встречах, рассказывал с юмором, а порою зло, беспощадно обнажая свое прошлое.

При первом знакомстве Карманский представился учителем из Дрогобыча. Вскоре, однако, принятый в Союз писателей СССР, он переехал во Львов, одно время преподавал украинский язык в университете имени Ивана Франко. Забегая вперед, скажу, что Карманский в годы оккупации ничем не запятнал себя. Бывших своих «опекунов» всячески избегал, а чтобы не умереть с голоду, одно время работал в Кракове на железной дороге. После войны мы снова как-то встретились на собрании городской интеллигенции. Я с удовольствием пожал руку человеку, приобретшему, пусть не сразу, пусть после долгих мучительных блужданий, ясную веру и чистую совесть.

* * *

Меня часто спрашивают, особенно в молодежной аудитории: «Неужели вы не чувствовали приближения грозы? Ведь от Львова до демаркационной линии, за которой стояли пограничники рейха, было совсем близко». Львов, по сути, и до вероломного нападения Гитлера оставался прифронтовым городом. И все же на вопрос ответить не так-то просто. Конечно, мало кто из нас верил Гитлеру и Риббентропу, их обещаниям на Советский Союз не

нападать. Мы-то знали, что творилось за Саном, на оккупированной вермахтом территории. Многие польские интеллигенты, чудом вырвавшись «оттуда», нашли в советском Львове кров над головой, работу, верных друзей. Их рассказы об увиденном, пережитом будили гнев и тревогу. Доходили слухи о концентрации войск на границе, о маневрах, напоминающих боевые действия. На улицах города я встречал офицеров вермахта, представителей разных военных и полувоенных миссий, комиссий и подкомиссий. Продолжалась репатриация за Сан лиц немецкого происхождения. Одна такая комиссия облюбовала кладбище. Отсюда репатриировались nach Heimat, бренные останки лиц немецкого происхождения. Комиссия эта, очевидно для камуфляжа, не прекращала своей деятельности даже в июне 1941 года. Чем занимались члены других комиссий, я не знал, да и не интересовался этим тогда. Теперь, конечно, нетрудно предположить, сколько немецких разведчиков забрасывалось во Львов под разными официальными вывесками. Обстановка осложнялась и тем, что в городе осталось немало старых гитлеровских агентов — буржуазных националистов. Одни из них затаились, другие спешно перекрашивались в розовый, даже красный цвет и ждали.

Но городу, казалось, не было дела ни до членов комиссий, упорно называвших Львов «Лембергом», ни до мышиной возни националистов. Мне больше всего помнится Львов ликующий, поющий, празднующий на улицах и площадях свою вторую молодость. Безработица была вечной спутницей старого Львова. До сих пор перед моими глазами счастливые лица учителей, получающих назначение в школу. Какие только не приходилось при этом выслушивать истории от коллег с университетскими дипломами! Люди годами работали официантами, а случалось, не находили и такой работы, получая нищенское пособие.

Город упивался свободой, и это праздничное настроение не могло не захватить и нас, партийных, советских работников, прибывших из восточных областей.

А между тем шел июнь 1941 года. В школах города успешно завершались выпускные экзамены. Мы посоветовались в горкоме и решили отметить окончание учебного года большим учительским праздником. Долго подбирали помещение, пока не остановились на вместительном актовом зале 25-й средней школы.

В субботу вечером 25-я школа, праздничная, нарядная, принимала учителей города. Я зачитал приказ о премировании большой группы педагогов грамотами, ценными подарками, путевками в дома отдыха. Я видел на глазах у многих слезы.

Награжденные выступали. Говорили о печальном, порой трагическом прозябании украинского учителя-интеллигента в Австро-Венгрии, буржуазной Польше. Потом пели песни: знаменитую «Катюшу», «Повш, вире, на Вкрашу», шевченковский «Заповгг», красные песни рабочего Львова. И был, как говорят в таких случаях, большой праздничный концерт, пир на весь мир. Домой я возвращался уже 22 июня на рассвете. Только лег — звонок из горисполкома: «Собирайся, высылаем машину. Есть новости…».

Надолго запомнилось мне это утро, точнее, первые его минуты рассветной тишины, покоя. Мы уже подъезжали на дежурной «эмке» к массивному зданию горисполкома, когда воющий, тревожный звук заполнил небо. Самолеты на большой высоте сделали круг над городом.

— Кружат коршуньем. И что здесь Гитлеру надо? — длинно и замысловато выругался шофер, все еще не придавая особого значения случившемуся. Но тут мы заметили: от самолетов отделяются и медленно, словно нехотя, падают какие-то черные предметы. Раздались взрывы. Ударили зенитки. Надрывно завыли сирены. Мы бросились через площадь в горисполком.

— Говорят, провокация. Москва еще вчера предупреждала: и такое возможно, — ответил на немой наш вопрос председатель горисполкома Еременко. — Только какая же это провокация? Звонили из Военного округа: на границе идут ожесточенные бои. По всему видать: война, товарищи, война.

Во дворе горисполкома нам выдали оружие. Мы, рядовые и ответственные работники городского и областного исполкомов, стали бойцами объединенного истребительного отряда. Я узнал, что командиром нашего отряда назначен мой земляк, хороший знакомый по совместной работе в Петропавловском районе, начальник управления стройматериалов Алексей Середа.

Вскоре отряд по тревоге посадили на полуторки: в Винниках, в десяти километрах от Львова, высадился вражеский десант. Все, однако, обошлось без нас. Десант окружили и обезоружили местные комсомольцы. Тут я в первый день войны увидел пленных гитлеровцев. В своих разрисованных желто-зеленых комбинезонах они походили на огромных лягушек. И вначале вызывали скорее любопытство, нежели гнев и ненависть.

Странно вели себя первые пленные. Словно не они, а мы у них в плену. Держались самоуверенно, шутили, похлопывали конвоиров по плечу. Переводчиком неожиданно объявился Кармазин — выдвиженец из рабочих, заместитель председателя горсовета, депутат Верховного Совета УССР. Но и без его перевода я понял, что старался втолковать нам высокий,

тонкошеий ефрейтор:

— Во Львове армия фюрера будет завтра. Через несколько недель Москва. Большевистен, комиссарен, юден — капут. Украина — хорошо.

Он предложил всем нам «оказать содействие» ему и его «камрадам». Гарантировал «за помощь солдатам фюрера жизнь, культурное содержание в лагере для военнопленных».

Мне бросились в глаза его руки, мозолистые, натруженные, руки мастерового, рабочего человека. Я так верил в немецких пролетариев, в «Рот фронт». Сколько раз говорил своим ученикам: начнется война, и руки рабочих, протянутые друг к другу, объединятся, схватят Гитлера за глотку.

— Арбайтер? — спросил я, неожиданно вспомнив нужное слово.

— Дойче! — презрительно процедил в ответ ефрейтор.

Тут подошли машины. Пленных увезли. Мы возвратились во Львов. 23 июня впервые появилось в сводках Совинформбюро «Львовское направление». В городе зачастили одинокие выстрелы бандеровских «кукушек». Всю ночь на двадцать четвертое мы уничтожали документы, отбирая для эвакуации только самое важное. 24 июня выехали на полуторке спецдетдома. Помню, были с нами директор спецдетдома Яша Мигердичев, Степанов — первый секретарь Сталинского райкома Львова, заведующий горфинотделом Гороховский. К счастью, на нашей полуторке оказался и Степан Петровский — директор обувной фабрики, единственный среди нас фронтовик, участник финской кампании, кавалер ордена боевого Красного Знамени.

Мы ехали по дороге, забитой машинами, подводами, беженцами. Армейские части двигались и на запад, и на восток, что еще больше усиливало неразбериху и панику. Выехали на центральную, мощенную булыжниками улицу городка, когда сверху, прямо с неба затарахтел пулемет. Степан сидел рядом с водителем. Он что-то сказал ему. Полуторка рванула в сторону, прижалась к стене. Тут и я заметил: стреляли с колокольни старого костела.

— Не высовываться! — приказал Степан, а сам боковой улочкой побежал к ограде костела, мы — следом. На какое-то мгновение дуло его автомата высунулось над оградой. Мы даже не расслышали очереди. Только короткий вскрик — и тишина. Черная фигурка вывалилась из колокольни, повисла, зацепившись за что-то. Полчаса спустя, прихватив свой первый и единственный трофей — бандеровский пулемет, мы двинулись дальше. Теперь уже во главе с признанным всей группой командиром — Степаном Петровским.

Нам здорово везло в тот суматошный день первой эвакуации. Дважды попадали под бомбежки. «Юнкерсы» пикировали с диким воем: сбрасывали не только бомбы, но и пустые бочки из-под бензина.

На обочине шоссе горели машины, повозки. Мы подобрали трех раненых и, словно заговоренные от осколков и пуль, продолжали путь.

Тут случилось то, на что вся наша группа больше всего надеялась. Первые признаки мы заметили на дороге. На восток теперь держали путь только беженцы, а встречный поток военных машин, повозок, орудий на полной тяге, пехотинцев заметно усилился. В Золочеве узнаем, что наши части под Львовом перешли в контрнаступление. Тут же нас догнал приказ: эвакуацию приостановить, всем партийным и советским работникам возвратиться во Львов.

Всю ночь мы ехали без приключений. Утро двадцать пятого я встретил в своем кабинете. Мы все ходили именинниками. Как я верил в тот день, что самое страшное позади, что только теперь начнется настоящая война — не на нашей, а на вражеской территории.

— Львов есть и будет советским. Рассеять панику, восстановить нормальную советскую жизнь, — таким был наказ горкома.

Снова открылись магазины, заработали столовые. На улице Сапеги (имени Сталина) по распоряжению гороно развернули ремонт 1-й украинской школы. Начали завоз топлива. Часть школ, правда, пришлось срочно передать госпиталям.

Двадцать седьмого к вечеру город снова залихорадило. Я дневал и ночевал в горисполкоме. Решил на всякий случай прихватить самые необходимые вещи: полотенце, чистую рубашку, бритву. На рассвете наш шофер Яша повез меня Русской улицей на Теотинскую, 37. У самого подъезда по машине резанула автоматная очередь. Одна, другая. Мы с Яшей выскочили из машины, бросились в подъезд. На выстрелы уже бежали красноармейцы.

В этот же день немецкие мотоциклисты ворвались на окраину города со стороны Перемышля. Мы успели проскочить на горисполкомовской машине. До самого Тернополя надеялись: и на этот раз тревога окажется ложной.

…О многострадальные дороги 1941 года! Столько о вас рассказано, столько написано. Мне и теперь снится разбомбленный эшелон в Золочеве. Перевернутые вагоны, крики, стоны раненых. Все смешалось, перепуталось. И только одни глаза вижу отчетливо, словно между нами не три десятилетия, а

единый миг. Эти глаза преследовали меня всюду: и в краковской тюрьме, и на Бескидах. Они и сегодня снятся мне — васильковые, смышленые глазенки, сопящий носик, сосущие губы хлопчика и запекшиеся рыжие пятна на груди мертвой матери.

В Тернополе у нас забрали машину. До Волочиска — старой границы — добирались пешком, на попутных подводах. В Подволочиске меня и Яшу Мигердичева приняли за… шпионов. Хлопцы из погранотряда нас обезоружили, отобрали документы, повели к командиру. Но… нет худа без добра. Командир во всем разобрался. Приказал накормить. И даже помог устроиться на тендере с углем.

В Киев приехали ночью. Вокзал, обычно веселый, празднично освещенный, стоял сумрачный, темный. Смутно белели газетные полоски на окнах. В затемненном пассажирском зале тускло светили синие лампочки, на скамьях, на полу сидели, лежали, спали эвакуированные, красноармейцы, матросы. Пахло шинелями, махрой, железом, ружейным маслом.

Тут же, на веревках, натянутых между скамьями, сушились пеленки. К счастью, водопровод в эти часы работал. Мы кое-как привели себя в божеский вид, постиранные рубашки надели на голое тело, чтобы быстрее просохли. Хотели тут же отправиться в город, но встреча с патрулями в комендантский час ничего, кроме неприятностей, не сулила. Утром, не дожидаясь трамвая, мы пошли пешком на бульвар Шевченко, где тогда размещался Народный комиссариат просвещения УССР. Солнце уже хорошо прогрело воздух. Я узнавал и не узнавал знакомые улицы, утопающие, как в добрые мирные дни, в зелени каштанов. О войне напоминали только огромные железные уши звукоулавливателей да длинные, нацеленные в небо стволы зениток.

Наркома, Сергея Максимовича Бухало, я не застал: ночью его срочно вызвали в ЦК. В коридоре встретил непосредственного моего начальника. Он спросил, что с Львовскими архивами. И тут же сослался на страшную занятость. Неожиданную помощь оказал человек совсем, как говорится, не моего ведомства — начальник Управления детдомами. Мне и Мигердичеву она выделила из каких-то фондов несколько пайков, чистое белье, в котором мы после нашей поездки на тендере весьма нуждались. Помогла связаться по телефону с инструктором ЦК КПУ по школам. Тот выслушал мой не очень связный рассказ, поинтересовался моими планами и посоветовал немедленно выехать за назначением в Днепропетровский обком партии.

В Киеве я пробыл еще два дня. Шла вторая неделя войны. Уже началась эвакуация вузов, университета, отдельных учреждений,

но никто из тех людей, с которыми я встречался, не придавал этому трагического значения.

— Гитлеру Киева не видать, как своих ушей.

Выли сирены противовоздушной обороны, но редко кто убегал в убежище. В кинотеатрах крутили «Чапаева». Песня Лебедева-Кумача вырывалась из черных тарелок репродукторов, звучала на площади Богдана Хмельницкого, где проходили обучение солдаты и ополченцы. Но пели ее теперь строже. Тот же мотив, да слова другие. Не «Если завтра…», а уже «Наступила война…».

Уехал Яша Мигердичев — мой неунывающий, веселый, верный друг. Он увозил на восток группу испанских детей, увозил от верной смерти, от второй войны в их маленькой жизни.

Я встретил его двадцать семь лет спустя на… страницах «Правды» (№ 15 за 1968 год).

«Дети Мигердичева»… Я пробежал глазами первые строки очерка и сразу вспомнил Львов, 1941 год, эвакуацию. Дороги войны потом забросили моего друга на берега Волги — в город Вольск.

Была война. Были сироты — дети войны, и отцом их, наставником, другом на всю жизнь стал Яков Антонович Мигердичев — в прошлом комсомолец, слесарь трамвайного депо, сын одесского водопроводчика, теперь коммунист, заслуженный учитель РСФСР, очень уважаемый человек.

У бывших его воспитанников уже свои дети. И бывшие и настоящие — четыреста мальчишек и девчонок из Вольского детского дома называют своего директора — попробуй не позавидовать! — дорогим отцом, батей.

…Утром я проводил Яшу. А вечером отправлялся мой эшелон на Днепропетровск. По дороге на вокзал я забежал в Наркомпрос к своей доброй знакомой в Управление детдомами — проститься. Голос у начальницы охрипший, лицо бледное, желтое от недосыпания, а глаза сияют.

— Уже едете? Новость слыхали? Сообщение Информбюро. На пикирующем бомбардировщике, да-да, на «Юнкерсе» приземлились четыре немецких летчика. Сбросили бомбы в Днепр, а сами сели неподалеку от Киева, на колхозном поле. Сбежались ребятишки, милиционеры, но летчики и не думали отстреливаться. Сдались добровольно в плен. И обращение написали к своим: дескать, следуйте, братья летчики и солдаты, нашему примеру. Немецкие рабочие, крестьяне, бросьте убийцу Гитлера. — Маленькая женщина ликовала. — Я говорила, говорила, что Гитлер сломает себе шею. И в этом ему помогут немецкие рабочие. Не может пролетариат Германии воевать

против своих же братьев по классу. У себя дома Гитлер всех крепко зажал в кулак: гестапо, концлагеря, казни. А на фронте — вот помяните мое слово — будут к нам тысячами переходить. Этот «Юнкере» — только первая ласточка.

Я слушал, а перед моими глазами стоял ефрейтор-парашютист с руками металлиста и головой, начиненной гитлеровским бредом, его спесь, неистовый фанатизм. Но я не стал о нем рассказывать женщине с пожелтевшим от бессонницы и тревог лицом. Да и самому хотелось верить: тот ефрейтор-парашютист — досадное исключение, а летчики-перебежчики, о которых сообщает Информбюро, типичны.

Такими мы были в первые дни войны. Охотнее верили хорошим слухам, нежели плохим. Желаемое нередко выдавали и принимали за реальную действительность. Тогда мы еще не представляли себе, насколько глубоко гитлеровский яд проник в сознание немецкого народа, какой дорогой ценой придется платить всем нам за победу над фашизмом.

Сказанное выше ничуть не умаляет подвига экипажа «Юнкерса-88». Наоборот, с высоты пережитого виднее, каким мужеством нужно было обладать, чтобы в первые дни войны, в угаре гитлеровских успехов, когда лавина вермахта, казалось, неудержимо катилась на восток, решиться на такой шаг. Недавно, перечитывая первые военные сводки Совинформбюро, я узнал имена четырех летчиков-антифашистов:

«25 июня вблизи Киева приземлились на пикирующем бомбардировщике «Юнкерс-88» четыре немецких летчика: унтер-офицер Ганс Герман, уроженец города Бреславля в Средней Силезии; летчик-наблюдатель Ганс Кратц, уроженец Франкфурта-на-Майне; старший ефрейтор Адольф Аппель, уроженец города Брно в Моравии, и радист Вильгельм Шмидт, уроженец города Регенсбурга.

Все они составляли экипаж, входивший в состав второй группы 51-й эскадрильи. Не желая воевать против советского народа, летчики предварительно сбросили бомбы в Днепр, а затем приземлились неподалеку от города, где и сдались местным крестьянам.

Летчики написали обращение «К немецким летчикам и солдатам», в котором говорят:

«Братья летчики и солдаты, следуйте нашему примеру.

Бросьте убийцу Гитлера и переходите сюда в Россию»»[4].

Привожу эту сводку с надеждой, что кому-то известна дальнейшая судьба экипажа, а может — чего не бывает! — кто-то из них и сам откликнется.

С Киевом я расставался успокоенный, полный радужных

надежд. Еще немного, и мы их остановим.

Горький, разъедающий глаза дым. Вой сирены. На привокзальной площади повозки, орудия, санитарные автобусы с большими красными крестами на крышах. На носилках в запекшихся от крови грязных бинтах живые мумии. С черными, полусожженными лицами. Кто без рук, кто без ног. Это тяжелораненые ждут отправки. Я попал в Днепропетровск после очередного налета. В обкоме встретил старого знакомого — Георгия Гавриловича Дементьева.

— Что явился в родной обком — молодец! Кадры нам во как нужны.

Георгия Гавриловича знала вся область. Не по годам подвижный, в неизменном френче цвета хаки, он в горячую пору посевной или уборки становился вездесущим.

Георгий Гаврилович и на этот раз куда-то спешил. Мне обрадовался, затащил в кабинет, где стояли снопы пшеницы и кукурузы, очевидно, прошлогоднего урожая.

— Я тоже в действующую армию просился — не пускают.

— Меня пустят. Сегодня же пойду в военкомат.

— Не спеши. Мы с тобой коммунисты. Партия всегда учила нас смотреть в лицо правде. Положение серьезное. Захвачены почти вся Прибалтика, западные районы Белоруссии, Украины. Гитлеровцы прут и прут. Товарищ Сталин как сказал: «Дело идет о жизни и смерти Советского государства». О жизни и смерти… Понял? А призыв создавать в занятых врагом районах партизанские отряды, диверсионные группы? Думаешь, это нас не касается?

— Неужели Гитлер и сюда доберется?

— Судя по последним сводкам, нужно быть готовым ко всему… — И совсем доверительно — Есть решение обкома. Приступаем к организации партизанских отрядов, подполья. Так вот. Буду рекомендовать тебя на подпольную работу. Согласен? С ответом не спеши. Дело не шуточное. Подумай, взвесь, посоветуйся сам с собой, а завтра приходи. Крыша на одну ночь найдется?

— Могу остановиться у сестры.

— С одним условием. О нашем разговоре — ни слова!

* * *

Сестра очень удивилась, узнав о моем новом назначении: направляли меня в Петропавловский район учителем — заведующим в двухкомплектную начальную школу на хуторе

Николаевка.

— Ходил в больших начальниках. И на тебе — учитель начальных классов. Что они? В такое время десятиклассницу не могут подобрать? А как же, Евгений, с армией?

Что-то промямлил насчет здоровья. Врачи, дескать, говорят: со зрением плохо. Сестра недавно проводила мужа на фронт, и я готов был сквозь землю провалиться. Но рассказывать ей о настоящем своем назначении не мог, не имел права…

* * *

Колесо завертелось. В Петропавловке я только раз был в райкоме. Принимал меня в своем кабинете второй секретарь Кривуля.

— Все знаю — с обкомом разговор был. Иди в военкомат, в районо — оформляйся. Выезжай в свою Николаевку. У тебя, Евгений Степанович, задача особая: легализоваться. Врастай, вживайся. И жди. В райкоме больше не показывайся. Нужно будет — сам навещу. Квартиру мы тебе подыскали. Люди верные. Просись к Калюжным — не откажут.

В тот же день мне выдали «белый» билет. Подвели под статью, не помню какую, но выходило, что для строевой службы никак не гожусь. Вечером я уже был в Николаевке. Начиналась новая жизнь. Занялся ремонтом школы, заготовкой топлива. Присматривался к своим хозяевам, хуторянам. Кривуля слово сдержал. Раза три приезжал ко мне. 1 сентября, как обычно, начались занятия в школе, а через несколько дней Кривуля привез печатную машинку «Ленинград», множительный аппарат, радиоприемник, центнера два бумаги, две большие пачки листовок, отпечатанных в районной типографии, но уже за подписью подпольного райкома.

— Вот твое хозяйство, товарищ член подпольного райкома партии. В составе райкома останется и Борисенко — директор петропавловской средней школы номер два. Через него будешь поддерживать с нами связь. Явка — мельница в селе Дмитриевка. Где думаешь устраиваться с типографией?

— У Калюжных.

— Держать все хозяйство в одном месте опасно.

— Уже готов тайничок. Сам смастерил. Место сухое, надежное. Будем хранить там листовки, бумагу.

— Ну смотри. Скоро встретимся.

Это «скоро» растянулось почти на двадцать лет.

* * *

Около двух лет находился я на временно оккупированной врагом Днепропетровщине.

Жизнь дается один раз, и каждый прожитый день, даже минуту, нельзя повторить. Они все больше удаляются от тебя, а ты от них. Теперь, когда я пишу эти строки, все отчетливее с высоты прожитых лет вижу наши просчеты. Да что теперь, еще в разведшколе я не раз ловил себя на странном желании снова хоть на короткое время оказаться в Николаевке. Сколько можно было бы сделать, умей я десятую, сотую долю того, что узнал в школе. Слабая подготовка — вот ахиллесова пята в нашей работе.

Да, были и потери и просчеты, но недаром за одного битого двух небитых дают. Многому научили годы подполья. Не теряться, находить выход из, казалось бы, безвыходного положения, распознавать людей, следуя правилу: не все то золото, что блестит. И верить людям.

В годы Днепропетровского подполья медленно, порой слишком дорогой ценой добывались те крупицы опыта, которые так пригодились мне впоследствии, когда и обстоятельства, и масштабы задач оказались иными.

В послевоенном Киеве я часто встречался с Георгием Гавриловичем Дементьевым, первым секретарем Днепропетровского обкома партии. Партия не раз направляла Георгия Гавриловича на трудные участки. Был председателем облисполкома, в последние годы, до самой смерти, работал в Киеве в аппарате ЦК.

Георгий Гаврилович — мой крестный по разведшколе.

Было так.

В освобожденный Днепропетровск мы добрались утром на попутной машине. Догорали отдельные здания. По улице Карла Либкнехта, по проспекту Карла Маркса шли какие-то странные машины. Под брезентом угадывались очертания не то ящиков, не то стволов. Это были, как я вскоре узнал, наши знаменитые «катюши».

В парке имени Чкалова пахло дымком, солдатской кашей. На жухлой траве, поближе к походным кухням, на плащ-палатках, прижавшись друг к другу и укрываясь шинелями, спали солдаты. Горели костры. И отблески огня падали на грязные, уставшие, удивительно знакомые, прекрасные лица.

В этот день уцелевшие жители и те, которые уже успели вернуться, собрались на проспекте Карла Маркса у здания полусгоревшего оперного театра. Было нас не густо: что-то около трех-четырех тысяч человек. Подъехал «Виллис». Рядом с

водителем — полковник. Гляжу и глазам не верю. Не удержался, закричал:

— Товарищ Дементьев, Георгий Гаврилович!

Он или не он? Грезил этой встречей. Столько раз видел ее во сне и наяву, а тут растерялся. Но Георгий Гаврилович, похудевший, помолодевший, скинувший с плеч добрый десяток лет, уже шел ко мне:

— Здравствуй, Евгений. Какими судьбами? Что в Петропавловке? После митинга ко мне, в обком. Не забыл дорогу?

Вечером я сидел в кабинете первого секретаря Днепропетровского обкома партии. Это по рекомендации Георгия Гавриловича обком оставил меня в тылу врага. Ему мне предстояло отчитаться за проделанную работу.

Я рассказал секретарю обкома о том, как искал рацию, связь с партизанами, с фронтом, о своей работе.

— Ну, что же, — сказал Георгий Гаврилович, когда я закончил подробный рассказ, — готовь подробный отчет. И приступай к обязанностям. Жидковато у нас с кадрами. А у тебя опыт, область знаешь. С этой минуты ты наш работник — инструктор обкома.

Я встал. Георгий Гаврилович оглядел меня с ног до головы. На мне рваная рубаха, потрепанный пиджачок — вид аховый.

— Просьбы, пожелания есть?

Я промолчал.

Секретарь улыбнулся:

— Что без амбиции — это хорошо, а без амуниции — плохо. — Вызвал адъютанта. Час спустя я получил бушлат, китель офицерский, белье, сапоги и, что не менее важно, талон на питание в обкомовской столовой.

…Проработал инструктором месяца три. Занимался информацией, ездил по освобожденным районам области. Вместе с заведующим оргинструкторским отделом Общиным подготовил доклад о злодеяниях немецких оккупантов. Дел хватало по горло.

Тут ко мне в обком зачастили гости. Мои посетители все расспрашивали о моей работе в тылу врага. Однажды спросили:

— А вы бы не хотели поработать во Львове?

— Так ведь Львов оккупирован.

— Вот именно. Мы и предлагаем вам работу в оккупированном Львове. Одним словом, командировку в тыл врага можно продлить.

— Я многого не умею…

— Знаем. Научим.

В конце декабря я выехал в Москву. Как было сказано моим товарищам по работе, родным, «в длительную служебную

командировку». Только Георгию Гавриловичу был известен конечный пункт ее — школа разведчиков.

Новый год застал меня в пути. Мела поземка. Наш поезд то подолгу простаивал на затемненных полустанках, то проскакивал станции, оставляя за собой клубы дыма, искры, снежную пыль. Я ехал навстречу новой, пока еще неведомой мне жизни.

Товарищ Михал

Пора, однако, возвратиться в Санку.

Предстояло решить, кому чем заняться. Валерия умела, как никто, исчезать и вовремя появляться. На этот раз она пришла не сама.

Средних лет, несколько флегматичный мужчина с львиной гривой волос крепко пожал мою руку.

— Михал Зайонц. Секретарь подпольного обкома. — Поинтересовался — Посты выставлены?

В наших условиях это был не праздный и отнюдь не лишний вопрос. Мы, однако, все предусмотрели. На огороде копали картошку старый Врубль и его дочки Рузя и Стефа. В лесу с утра «собирали грибы» телохранители Ольги — Метек и Казек. Было условлено: если что заметят — закукуют кукушкой. Я в общих чертах познакомил наших польских друзей с просьбой командования: максимально расширить разведработу, систематически снабжать Центр детальной информацией о воинских перевозках всеми видами транспорта, о дислокации на этой территории немецких войск. Я почти дословно передал слова Павлова: «Советское командование полно решимости любой ценой сохранить Краков — древнюю столицу Польши. И очень надеется на помощь польских друзей. Мы должны охватить разведсетью район Кракова. По предварительным данным, здесь строятся мощные оборонительные сооружения».

Перешли к практическим задачам. Первоначальный план наш трещал по швам. Нечего было и думать о моей легализации в Кракове. Мои снимки, приметы и отпечатки пальцев, надо полагать, уже разосланы в местные отделения гестапо. Беспокоила и радиоквартира у Врублей. Рацию могут засечь, а может, уже засекли: слишком долго сидим на одном месте. Я поделился своими опасениями, планами перебазировки.

— Решение своевременное и правильное, — поддержал нас Зайонц. — Мы поможем вам, капитан Михайлов, перебазироваться вместе с радисткой в один из наших партизанских отрядов. Оттуда и будете руководить группой. Алексея устроим в Кракове. Есть у меня на примете один очень надежный товарищ — Юзеф Прысак. Кличка — Музыкант. Он у

нас скрипач. С ним и работать Алексею.

Все становилось на свои места. Радисткой останется Ольга. К ее почерку в Центре привыкли. У Грозы все шансы легализироваться в Кракове. Груше вряд ли удастся найти свою рацию, а документы у нее надежные. Зайонц согласно кивнул:

— Груше, пожалуй, лучше заняться сбором разведданных. В Кракове теперь много женщин с Востока. Затеряться нетрудно. Мы подберем ей что-то подходящее.

Осталось решить последнее: как связаться с партизанами? На следующее утро Гроза в сопровождении Метека отправился в Бескиды — в польский партизанский отряд, который должен был стать и нашей базой. Вскоре связной из Кракова принес первое донесение Груши. Михал сдержал свое слово. Анка устроилась горничной на улице Рынковой, 10 у мадам Гофф — супруги вице-прокурора Кракова. Готовила обеды, стирала, убирала комнаты. Очень старалась. К Гоффу частенько приходили видные гитлеровские чиновники, офицеры вермахта. Многим из них нравилась аккуратная, хорошенькая горничная, с приветливой улыбкой, в накрахмаленном фартуке. При ней не стеснялись, говорили обо всем. Гости любили плотно и вкусно покушать. И Груша чуть не каждое утро отправлялась с большой корзиной на базар. Шла не спеша, с достоинством, как и подобает горничной дома такого влиятельного лица. Цепкие глаза разведчицы привычно отмечали: мотоколонна численностью до полка. Знаки: ромб и квадрат.

…К концу недели возвратился с Бескид Алексей. Деловую часть рапорта свел к одному слову: ждут.

Потом со свойственным ему темпераментом пошел живописать Бескиды. Если где есть рай на земле, то это там.

«За горами гори, хмарою повиті! А в горах буки, сосни до самого неба. В лесах водятся олени, косули…» Словом, расписал так, что хоть курорт открывай.

Бескиды всего в тридцати-сорока километрах от Кракова. Командир отряда поручик Тадеуш Григорчик — Тадек — производит отличное впечатление. Базу отряда он разместил в самом труднопроходимом районе Подгалья.

Скомский

С Юзефом Скомским меня познакомила Ольга. Ее рекомендация была краткой и исчерпывающей:

— Молод. Образование среднее. Ни в какой партии не состоит. Сын местного помещика. Ненавидит оккупантов. Работает в немецкой адвокатуре. Уже не раз давал нам ценные сведения.

— Но ведь помещик, классовый враг, — возразил я. — Можно ли доверять?

Ольга улыбнулась:

— Во-первых, не помещик, а сын помещика. Хозяин поместья — старый Скомский. Во-вторых, дворяне тоже разные бывают. Мы еще в школе проходили. Одного Муравьева, декабриста, царь казнил, а другой Муравьев — генерал, палач, хвастал: «Мы не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, кто сами вешают».

Оказалось, с тех пор, как Ольга у Врублей, молодой Скомский добровольно и добросовестно исполняет обязанности интенданта радиоквартиры. Приносит продукты, снабжает деньгами. Ольгу поддержал татусь. На старого Скомского всю жизнь батрачил, а молодого похвалил: «Панского семени, а чловек». (Чловек — человек — в устах Врубля звучало высшей похвалой.) Я решил встретиться с молодым Скомским лично. Договорились через Врубля о месте встречи. В сумерках забрался в густой ельник, принадлежавший Скомским. Вскоре услышал шаги. Ко мне приближался парень в охотничьей куртке, в офицерских бриджах. Его походка, одежда — все говорило об умении держаться непринужденно и естественно. Губы припухшие, как у мальчика. Глаза дерзкие, насмешливые и какая-то особая, я бы сказал, вольтеровская улыбка, свидетельствующая об ироническом складе ума. Я свистнул, как было условлено.

— Пан капитан, приветствую вас на польской земле.

— Эту землю еще надо освободить.

— Будем освобождать ее вместе.

Я не спешил с ответом. Стал расспрашивать о старом Скомском, о планах на будущее, исподволь выяснял потенциальные возможности Юзефа. Оказалось, в доме Скомских часто останавливаются офицеры вермахта. Не обходили они и соседние имения. В помещичьих домах, в фольварках размещались штабы полков, дивизий. И почти в каждом в радиусе тридцати-сорока километров были у Юзефа друзья-приятели.

Еще один приятный сюрприз: в Кракове, на улице Голембя, у Скомских собственный дом. Там постоянно живут родственники Скомских, по словам Юзефа, патриоты.

Сам Юзеф на будущее смотрел трезво:

— Прежней Польше не бывать. Землей Скомских владеть Врублям. Оно и справедливо.

Говорили мы на смешанном русско-польском жаргоне. И тут открылся еще один секрет: второй год молодой Скомский упорно изучает русский язык, в библиотеке отца читает в оригинале (старый Скомский до революции учился одно время в Одессе) Пушкина, Тютчева. Краснея, запинаясь, прочитал четыре

тютчевские строчки (к моему стыду, я слышал их тогда впервые):

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить!
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Мы расстались с Юзефом в сумерках. Договорились: связь через Врубля, почта — дупло в старой сосне.

По-прежнему наезжая к приятелям, Скомский завел знакомство с одним гитлеровским асом. Благодаря этому знакомству, отличному знанию немецкого, умению быстро сходиться с людьми Юзеф стал своим человеком даже в ресторанах с объявлениями: «Собакам и полякам вход запрещен». Он научился глубоко, в самых сокровенных тайниках сердца прятать свою ненависть, свои чувства. Обхаживал своего аса, поил его отборнейшим коньяком, пока в дупле старой сосны не оказалась схема — расшифровка аэродрома и одной летной части. Расшифровку мы отправили в Центр. А несколько дней спустя в Кракове со всеми подобающими воинскими почестями хоронили обгоревшие останки гитлеровского аса. Он погиб во время массированного налета советских бомбардировщиков, не успев оторвать от взлетной полосы свой «Хейнкель».

Всю ночь пылали машины на отлично замаскированном аэродроме. Огромными хлопушками рвались бочки с бензином. Выли сирены пожарных машин. О налете Юзеф узнал от приятелей аса и несколько дней ходил именинником.

16 сентября

В ночь на 16 сентября мы работали допоздна, готовя донесение Центру. Накануне получили новое задание:

«Примите все меры разведки танков, частей на окраине Кракова, установите нумерацию частей, места штабов».

Отовсюду продолжали поступать информации. В одних говорилось об усиленном продвижении железнодорожных грузов в сторону станции Кобежице, в других — об отличительных знаках, номерах на танках и машинах. Предстояло просеять, сверить, сравнить, проанализировать десятки фактов, чтобы отжать несколько скупых строчек радиограмм:

«Восточная окраина Кракова (Кобежице) прибывают войска дивизии СС».

«Из Словакии прибыла танковая дивизия. 160 танков, преимущественно «Тигров», 20 бронемашин расквартированы в предместьях Кракова. Танки были в боях».

Текст передал для шифровки Ольге. В схроне тепло, пахнет чабрецом, мятой и… не спится. Как ни хорошо у Врублей, надо уходить. В эфире находимся полтора-два часа ежедневно, работая по одним и тем же позывным, в одно и то же время. Это просто чудо, что нас до сих пор не засекли. Что-то изменить пока трудно: радиопитание на исходе, слышимость — один-два балла. Выйдешь не в свое время — забьют. Пора в Бескиды, к Тадеку. Завтра же — к Тадеку.

Только под утро задремал. И тут же услышал голоса, топот ног, тревожный, предупреждающий крик Стефы. Выглянул в щель. В пяти метрах стоял немецкий солдат с автоматом наготове. Схватился за пистолет, но двор уже был забит гитлеровцами. Поддаться голосу чувства, броситься сломя голову в огонь или подчинить себя долгу, задаче?

Где Ольга? Может, успела уйти? Что со Стефой, Рузей, татусем? Но тут появился ефрейтор с нашей рацией. Следом тащили Ольгу в наушниках. Видно, схватили за работой. Как же все произошло? Вот что рассказывала потом Ольга:

— Шестнадцатого сентября тысяча девятьсот сорок четвертого года я, как и всегда, поднялась на чердак, чтобы связаться с Центром. Начала передавать радиограмму. Поглощенная делом, не слышала, как немцы окружили дом.

Поняла все только тогда, когда меня схватили за волосы и к спине приставили ствол автомата. Потом меня за волосы стащили вниз. Внизу я увидела страшную сцену: в углу двора лежала лицом вниз с разведенными в стороны руками дочь хозяина Стефа. К ее голове был приставлен ствол автомата. В другом углу в той же позе лежал отец девочек.

Вокруг дома стояли солдаты с автоматами. По углам были установлены пулеметы. Мне приказали встать к стене, за которой находился капитан. Там было укрытие, которое мы с хозяином подготовили для него. Михайлов слышал все. Я решила вести себя так, чтобы немцы поскорее ушли: хотелось спасти жизнь командиру. На все их вопросы отвечала смело.

От капитана меня отделяла всего-навсего стенка из досок, и я очень боялась, чтобы он чем-нибудь не выдал себя.

На допросе, как это ни удивительно, мои ответы и ответы хозяина совпали. Наконец обыск кончился, и нас повели. Все это время меня мучил вопрос: кто мог нас выдать? Желая дать знать капитану, что опасность миновала, я запела. Когда мы вышли на дорогу, я увидела пеленгаторы. Мне сразу стало легче: я поняла, что никто из моих друзей не совершил предательства. Всех нас посадили в машину. Хозяин держался очень хорошо, даже улыбался, а у девочек вид был растерянный. Я снова запела песенку из фильма «Актриса», вставляя в нее свои слова, в которых просила хозяина держаться мужественно и не выдавать капитана. Он понял меня.

…Топот сапог. Шумит сено. Кажется, начали сбрасывать. Вот-вот доберутся. Лежу затаившись. Малейший кашель, движение, вздох — и конец.

Из дома тащат все: продукты, одежду. Гоняются за курами. Голос Ольги: «Вам только с курами воевать».

Сколько это длится? Час? Полтора?

Слышу: «Фойер, фойер!». Поджогом угрожают. Дом, стодола — все вспыхнет мгновенно.

«И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим…» Не сгорим… Не сгорим.

Топот. Шаги. Тишина. Чуть приподнял доску: никого! А может, засада? Но и оставаться больше нельзя. Могут возвратиться, поджечь дом, как грозились. На мне майка, трусы. Главное, добраться к лесу, предупредить Грозу, Грушу, польских товарищей.

* * *

В лесу тихо. Только осины гудят. Млеет под сентябрьским солнцем папоротник. Лежу в густых зарослях, подвожу невеселые итоги дня.

Схвачены Врубли, Ольга. Рация в руках у гитлеровцев. Но… обыскивали небрежно. Значит, охотились только за рацией? Запеленговали? Возможно. Почему не сожгли дом Врублей? Оставили как западню?

Спокойно… Спокойно. Главное, восстановить связь с группой, с польскими товарищами, всех предупредить. И тут я вспомнил… Скомский. На сегодня у меня назначена с ним встреча.

А может, он и выдал? Сын помещика. Кого привлек? Где твое классовое чутье, Михайлов?

Спокойно… Спокойно. Ведь он давал информацию. Ценную информацию. Дорого обошлась она вермахту. И Михал любил повторять: «Хоть и панского семени, а чловек». Нет, не похож Скомский на предателя. А может?..

Шаги… Он. В той же охотничьей куртке. Чем-то встревожен. Я тихонько, как было условлено, крякнул уткой.

— Юзеф?

— Капитан? Живы?

Скомский уже знал о нашей беде. Видел крытую немецкую машину с антеннами: два кольца, вдетые друг в друга. За ней в сторону Кракова промчались еще две машины, набитые солдатами. Из одной — не привиделось ли? — слышен был голос Ольги Совецкой. Думал, что и меня схватили… Уже не надеялся.

Постой… Постой… Машина с антеннами. Значит, не предательство — запеленговали. Случилось то, чего я больше всего боялся. Впрочем, окончательные выводы делать рано.

— Вам нельзя здесь оставаться, пан капитан. Немцы могут возвратиться с собаками.

Юзеф изложил свой план. На опушке леса ждет наш связной Генрих Малик. Он и принесет мне одежду от Скомского. Сам Юзеф будет ждать меня в своем саду: дом Скомских пока вне подозрений.

Вскоре примчался Генрих. Притащил брюки, куртку, шляпу. И все пришлось впору. Мы с Юзефом почти одного роста. Генриха отправил к Упартому. Пусть немедленно поставит в известность товарища Михала. А тот уже найдет способ предупредить Грозу, Грушу, своих людей. Эту ночь я провел у Скомских. Как сквозь сон запомнились старый Скомский, сад, большой помещичий дом с застекленной верандой.

На «пожарной» квартире

«Господин Тегель!

В субботу 16 сентября в селе Санка на квартире крестьянина Врубля гестапо из г. Кшешовице арестовало русскую радистку Ольгу. Мне известно, что вы, как здравомыслящий человек, давно потеряли надежду на успех Германии в этой войне. Вы неоднократно высказывали свое неудовлетворение властью Гитлера.

Мне также известно, что Нойман из гестапо является вашим приятелем и другом. Вместе с ним вы часто проводите время. Вот поэтому я решил обратиться к вам с деловым предложением: договоритесь с господином Нойманом и организуйте побег Ольги. Если это невозможно, сообразите иной способ ее освобождения. Если вы сделаете это, я гарантирую вам и вашей семье жизнь, обещаю, что вы займете должное место в новой Германии. Если в этом окажет вам помощь Нойман, с ним поступим также.

Если же вы не сделаете этого и попытаетесь задержать подателя настоящего письма, я обещаю вам и Нойману немедленную смерть.

В вашем районе имею достаточно сил для вооруженной расправы с Кшешовицким гестапо, а также и с вами. Срок исполнения моей просьбы устанавливаю 24 сентября сего года.

Командир партизанского отряда

подполковник Красной Армии

Васильев».

Это письмо я написал в местечке Чернихув под самым носом гестапо.

Было так. От Скомских я ушел на рассвете. В лесу на условленном месте меня уже ждал предупрежденный Владеком Метек — бывший телохранитель и адъютант Ольги.

Метек сообщил: арестов больше не было, товарищ Михал уже знает о провале, принял меры. В Чернихуве, на конспиративной квартире меня ждут.

Ночь застала нас в пути. Лес казался бесконечным. Метек по одним только ему ведомым ориентирам шел и шел впереди. В полночь вышли на окраину местечка. Тыльными дворами, задворками подошли к одной усадьбе. Я знал: где-то здесь жандармский пост, комендатура.

Куда же ведет меня Метек? Вошли во двор усадьбы. Смотрю: обыкновенный колодец — сруб с барабаном.

— Проше пана в студню…

Заглянул. На глубине двух-трех метров темное зеркало воды. Раз приглашают — значит надо.

Нащупал носком ботинка лесенку, спустился примерно на метр. Слева замерцал, позвал огонек. Я нырнул в боковой люк и оказался… в комнате. На столе — пишущая машинка, радиоприемник, по углам — автоматы, нары. Мне навстречу поднялась Янка — партизанская связная. Рядом с ней какой-то незнакомый мужчина.

— Вильк, — представился он, — окружной комендант пляцувки ППР. — И добавил: — Это наша «пожарная» квартира. В случае опасности работники партии могут пробыть здесь не один день.

Обсудили обстановку, всевозможные причины провала.

Сомнений не было: Ольгу запеленговали. Случись предательство — аресты и обыски прокатились бы по многим местам.

Что удалось узнать об Ольге, Врублях? Пока немногое. Их привезли прямо в Монтелюпихе. А ведь не прошло и трех недель, как я сам чудом вырвался оттуда. Второй такой удаче не бывать. Как спасти Ольгу? Чем помочь Врублям?

Тут и выплыло имя Тегеля, шефа каменоломни.

— Гестаповец Нойман — давний его приятель, — делился вслух своими соображениями Вильк, — Тегель, нам это достоверно известно, уже не верит в победу рейха и готов любой ценой спасать свою шкуру.

Серьезно продумали все детали. Я тут же написал письмо. Польские друзья перевели текст его на немецкий язык. Договорились, что 19 сентября вечером Метек сам заявится с этим письмом к Тегелю. Забегая несколько вперед, расскажу, чем кончилась эта история.

Шефа каменоломни визит подпольщика удивил и напугал. Но Метек был невозмутим:

— Это в ваших интересах, господин Тегель. В интересах вашей фрау и ваших киндер.

— Никто еще не бежал из Монтелюпихе! — простонал Тегель. — Да и господин Нойман не из таких, кто выпускает птичек из клетки.

Под конец Тегель все же пообещал навести справки и сделать то, что в его силах, для спасения радистки.

На следующий день, как было условлено, снова встретились. На этот раз по настоянию Метека на лесной поляне.

— Вашей радистки нет в Монтелюпихе, — выпалил Тегель, как только увидел нашего связного. — Сегодня утром ее вывезли в неизвестном направлении.

Бвскиды

В это время я был далеко от «пожарной» квартиры. Накануне в Чернихуве состоялось еще одно, очень важное знакомство. В ночь на 19 сентября мы было уже собрались в дорогу, когда в схрон спустился Вильк.

Он принес хорошую новость. Тадек — командир партизанского отряда — предупрежден, ждет. А в лесу бойцы из диверсионной группы Калиновского. Возвращаются с задания. Курс тоже держат на Бескиды. Так у нас появились попутчики. Да еще какие!

Калиновский, судя по молве, появился в Бескидах сравнительно недавно. Но имя его уже тогда стало почти легендарным.

На счету группы Калиновского были крупные диверсии, взорванные мосты. Впрочем, как всегда в таких случаях, благодарная народная молва приписывала отряду Калиновского и действительное, и желаемое.

Но то, что за голову Калиновского оккупанты официально обещали пятьдесят тысяч рейхсмарок и двадцать гектаров земли, было не мифом, не вымыслом, а фактом. Я своими глазами видел афишку с немецко-польским текстом. Незадолго до злополучного 16 сентября ее принес старый Михал. От него, Малика, Скомского я слышал много хорошего о «совецком Калиновском».

Смел. Вездесущ. Осторожен. Появляется с хлопаками всегда неожиданно, там, где его меньше всего ожидают.

С его-то разведчиками мы отправились в горы. Шли по компасу. К трем часам ночи подошли к месту, где, как мы считали, располагался отряд Тадека. На наш сигнал никто не отвечал. В горах, в лесу гробовая тишина. Решили дожидаться утра. Утро вечера мудренее. Здесь, в партизанском краю, мы чувствовали себя как дома. Утром пришел к нам командир отряда Армии Людовой имени Варыньского[5]. Молодой человек, лет двадцати трех — двадцати четырех, с воинской выправкой. Лицо мужественное, волевое. Познакомились. Тадек пригласил нас в лагерь. Это было 21 сентября 1944 года.

За завтраком я ближе присмотрелся к Тадеку.

Худощавый, подтянутый, в кожаной куртке. Офицерская планшетка. На груди бинокль. Спокойные, серые, прощупывающие глаза. В партизанском лагере образцовый порядок. Отряд расположился на горной поляне, у ручья. Тут же кухня. У дневальных работа кипит. Кто чистит земняки — картошку, кто рубит мясо, кто моет собранные травы и крапиву. Подальше от кухни, под елями, спят после ночной смены бойцы из диверсионной группы. Лошади, коровы — все живое хозяйство отряда — в лесу, в надежном укрытии.

Я уже знал из донесения Грозы, что на базе отряда работает радист Мак — тоже разведчик.

Мы познакомились с ним в первое же утро. Мак — Иван Рудницкий — забрался со своей рацией на самую вершину горы. Его охраняли автоматчики Тадека. Застал я его за работой. Он развернул станцию и упорно выстукивал позывные. Представился. Просил передать Центру от моего имени срочную радиограмму:

«16 сентября во время работы немцами арестована Комар. Комар, рация, хозяева квартиры находятся в гестапо. Причина ареста — пеленгация. Голос находится в отряде ППР. Гроза, Груша в Кракове. Сеть сохранилась. Приняты меры предосторожности. Прошу выслать оружие, взрывчатку, рацию. Жду указаний».

23 сентября в отряд пришел Алексей, он принес информацию о воинских перевозках через Краковский узел, некоторые данные о гарнизоне. Алексей передал привет от Михала и Музыканта. Надо было восстановить регулярную связь с Центром. Поэтому я дал Алексею тысячу пятьсот злотых на приобретение радиобатарей, рассчитывая, что можно будет временно пользоваться рацией Мака. Просил немедленно прислать Грушу в отряд. Двадцать четвертого Алексей отправился в Краков. В этот же день я получил через связного записку от Калиновского:

«Тов. капитан!

Мои бойцы кое-что сообщили о вашем положении. Если вы нуждаетесь в помощи, прошу зайти ко мне. Постарайтесь это сделать не позже 25.IX. 26-го передислоцируюсь.

С приветом *Калиновский*».

С наступлением сумерек двадцать четвертого отправился к Калиновскому. Ночь была темной. В горах, в лесу стоял густой туман. Шли буквально на ощупь, только безукоризненное знание местности проводниками выручило нас. В полночь подошли к железной дороге, надо было пройти мост через реку Скавина. Мы не знали, охраняют ли его немцы. Пятьдесят-семьдесят метров проползли по-пластунски. Охраны не было. Поднявшись во весь рост, быстро перешли мост. И вдруг резкий гортанный крик: «Хальт, хальт!». Автоматная очередь. Пришлось залечь и нам. Трассирующие пули огненными пунктирами прошили небо. Лежали молча. Не хотелось подымать шум на основной партизанской магистрали.

Снова тишина. Мы углубились в лес. С рассветом подошли к

месту дислокации отряда Калиновского. Это был временный лагерь. Мы не заметили здесь ни привычных партизанских землянок, ни бункеров. Бойцы Калиновского жили в палатках, сделанных из парашютов. Их цыганские шатры походили на грибы.

Как старых знакомых встретили нас Николай и другие бойцы, с которыми мы форсировали Вислу. Познакомился с Калиновским.

Примерно моих лет, а может, на два-три года старше. Лицо волевое, энергичное. Глаза занозистые, хваткие, все примечающие.

— Капитан Михайлов.

— Подполковник Калиновский. Обеде вашей наслышан. Времени у нас в обрез, так что выкладывайте прямо, в чем нуждаетесь. Подбросим. Чем богаты, тем и рады.

Передал нам два десятка гранат, два ящика с патронами, ящик с тушенкой, не то двадцать, не то тридцать пачек папирос. Выделил комплект радиобатарей. Мне на прощанье подарил пистолет.

Пока шли деловые разговоры двух командиров, Николай блеснул своим кулинарным искусством.

В командирской палатке вкусно запахло дымящейся бульбой, грибным супом.

— Надо бы за нашу встречу, — улыбнулся Калиновский, — выпить, да уж извини, капитан, у нас сухой закон. Встретимся после войны. Вот тогда уж.

Встретиться? Но как? С кем? Я многого не знал, но в одном был уверен: мой знакомый — такой же подполковник Калиновский, как я капитан Михайлов. К тому же вскоре после встречи, о которой мы только что поведали, вокруг имени Калиновского вились самые противоречивые слухи.

Помню краковские газетки, где подробно описывался «полный разгром банды Калиновского». Не раз и не два с торжеством сообщалось из «достоверных» источников об очередной его гибели.

Мы знали цену и этим сообщениям, и «достоверным» источникам, но кто был в те годы застрахован от вражеской пули?

И как мы радовались, когда после очередных «достоверных» сообщений о «гибели Калиновского» летели в воздух мосты, эшелоны и снова угадывался в смелом, неожиданном налете почерк его отряда.

В последний раз Калиновский таким образом подал свой голос в канун нового, 1945 года. Взлетел стотридцатипятиметровый мост через горную стремительную

Скаву, по которому в сутки проходили десятки вражеских эшелонов. Диверсионные группы — и наши, и польские — давно зарились на этот объект. Да орешек оказался крепким. Мост усиленно охранялся. Эхо дерзкой, удивительно удачной операции докатилось до нас, обрадовало. А потом снова появились слухи о гибели Калиновского.

В шестьдесят четвертом, когда мы (Ольга, Гроза да автор этих строк) впервые после войны оказались в Кракове, нас часто спрашивали, известно ли нам что-нибудь о знаменитом Калиновском.

Мы, увы, тоже ничем не могли помочь польским друзьям.

Рукопись уже готовилась в печать, когда в «Известиях» (31.X.70 г., № 258) появилась статья «Мосты Николая Казина».

Читаю:

«Семеро приземлились в районе Кракова, в местных предгорьях Малых Бескид… это было 27 июля 1944 г.

В опаснейших диверсионных операциях отличился бывший балтийский моряк Николай Ильичев, узник Освенцима. Руководителем одной из групп был назначен русоволосый бородач младший лейтенант Николай, тоже бежавший из Освенцима».

Может, один из двух Николаев и был моим проводником в Бескиды?

И дальше: «Кто вы, Калиновский?».

Так двадцать шесть лет спустя мы снова встретились.

Калиновским оказался… Николай Алексеевич Казин, сын рабочего, бывший шахтер, затем инженер.

В Польше о нем писали, говорили как о национальном герое. Его имя, подвиги обрастали все новыми легендами, но… его считали погибшим. А он все эти годы жил в родном городе Кадиевке на Украине, строил, реконструировал угольные шахты.

О том, что его ищут (нашу группу после войны тоже долго разыскивали польские друзья), он сам узнал совершенно случайно из польской газеты «Жолнеж вольности» («Солдат свободы»).

Я написал Николаю Алексеевичу, напомнил ему о нашей встрече. Вскоре из Кадиевки пришел ответ.

…Спасибо, товарищ Калиновский, за помощь в трудную минуту, за память, за доброе слово.

А нам снова пора в Бескиды — в лагерь Тадека.

По просьбе Калиновского мы захватили с собой людей диверсионной группы капитана Собинова. К утру 26 сентября

пришли к Тадеку. Вечером того же дня перебазировались всем отрядом на Горную поляну.

На эту поляну нам должны были сбросить груз. Двадцать седьмого с наступлением темноты приготовили костры и стали ждать.

Возвращение комара

Выписка из справки РО фронта

«Голос через радиостанцию Мак в телеграмме № 19 от 22.9.44 г. сообщил, что радистка Комар 16.9.44 г. арестована через пеленгацию. Сеть сохранилась. После этого 18.9.44 г. Комар сообщила: 14.9 Вилк Восточная окраина Краков — Кобежице… Примечание: во всех радиограммах радистка Комар дает сигнал провала.

25.9 связь с Комаром прекратилась».

Мы ждали самолет с обещанным грузом. Мак, Тадек и я. Ординарец Тадека притащил тулуп. Нам его вполне хватило на троих. Рядом смутно чернели пирамиды хвороста. Я лежал молча, вслушиваясь в тишину ночи. Тут-то и разыскал меня связной из пшедковицкой пляцувки, явки, Яшек.

— Товажиш капитан, товажиш капитан, я спровадзил тутей Ольгу.

Ольга, какая Ольга? Тут я услышал шаги. Легкие, стремительные, очень знакомые. Это была наша Ольга. Схваченная гитлеровцами, вывезенная в неизвестном направлении. Та самая, которую мы уже мысленно похоронили. Стояла передо мною живая, невредимая. И до самого рассвета Комар рассказывала свою одиссею:

— Всю ночь я не смыкала глаз. Прощалась с жизнью. Читала надписи на стенах, слышала ужасы той страшной ночи. Тогда же решила сказать немцам, что у меня якобы назначена встреча в каменоломне. Все тщательно обдумала и на допросе заявила об этом. Приняла решение бежать.

Немцы ухватились за эту мнимую встречу и повезли меня в каменоломню. Но когда мы отъехали от Монтелюпихе, и я увидела грузовики с вооруженными солдатами, мои планы рухнули. Мы вернулись в Краков ни с чем. Немцы перевели меня из тюрьмы в отдел абвера. Я очутилась в руках немецкой контрразведки.

Сразу догадалась, что привезли меня для радиоигры. По разведшколе отлично знала, что это такое: берутся твои позывные, твой шифр, твоя рация и в Центр посылается дезинформация, изготовленная и соответственно приправленная на абверовской кухне.

«Как быть? Что делать? Не соглашаться? Тогда — конец. Снова Монтелюпихе. И уже никакой надежды. А тут хоть и солдат полно, но возможностей для побега больше.

А что, если попробовать? Вступить в игру — еще не значит проиграть».

Меня ввели в радиорубку. Сосед слева, рыжий радист в новеньких наушниках, придвинулся ближе, подмигнул, как старый знакомый, и запел, насвистывая: «Сиб… Сиб… Сиб…».

Мои позывные. Но у каждого радиста свой «почерк». Вот почему им нужна именно Ольга. Что ж, играть так играть.

В «дезотелеграмме» я сообщила Центру заранее обусловленный аварийный сигнал, сигнал провала.

«Омар, Омар», — отстукивала я ключом, пропуская, как было предусмотрено, первую букву своих позывных, и Центр понял: Комар в беде, Комар в руках врага, все, что передает Омар, — деза. Начальником отдела был капитан, а его заместителем — немец, выходец из России, Отман. После бесед с ним у меня возникла мысль склонить его к сотрудничеству с нами. Я начала осторожно прощупывать его. Он действительно понимал, что близок конец, и ему придется отвечать за все преступления, совершенные во время войны. Наконец мне удалось убедить его в том, что, сотрудничая с нами, он сможет частично искупить свою вину.

25 сентября, когда на дворе стемнело, я бежала. Перебралась через шоссе и бросилась к лесу. Как долго я бежала, не помню. Знаю только, что бежала, пока не кончился лес, а он был большой, тянулся километров на пять-семь. И лишь когда я оказалась на опушке леса и увидела впереди Модльничку (в тот момент я не знала, что это за местность), только тогда пришла в себя. Крадучись подошла к какому-то домику, стоявшему на отшибе. Хозяева впустили меня, накормили, но проводить отказались: сказали, что кругом немецкие патрули.

На рассвете они показали мне, как идти дальше. Вскоре я добралась до Рыбне. Там меня переодели, спрятали в копне ржи и установили наблюдение за дорогами. Ночью отправилась к партизанам. Там встретилась с Алексеем. От него узнала, что меня ждут, что все живы и здоровы, что дела идут хорошо. Значит, Врубль и его дочери никого не выдали. Ночью со Сташеком ушла в горы. Утром мы встретились со своими. Какая это была радостная, сердечная, волнующая встреча!

…Побег, вербовка контрразведчика из абвера.

Фантастично, неправдоподобно. Слишком гладко, слишком хорошо все обошлось. Поверит ли Центр? Поверят ли люди Тадека? А ты сам? Я слушал Ольгу и ловил себя на странной мысли: случись все это месяц тому, мог и не поверить. Нет худа без добра. Сам прошел через это. Сам благополучно выбрался из

гестаповской петли. Но Отман… Можно ли ему верить? Видно по всему, опытный, тертый. Не исключено: вся история с побегом — начало широко задуманной провокации. Втереться, войти в доверие, наладить связь и одним ударом покончить с группой, со всей агентурной сетью.

А если не провокация? Заполучить заместителя начальника армейской контрразведки. Когда еще случится такая возможность? В руках у Отмана пока одна-единственная ниточка — адрес Тарговского. Его дом назвала Ольга. Я поручил Грозе усилить наблюдение за явочной квартирой и временно свести до минимума контакты с ее хозяином. Теперь оставалось только одно: ждать.

Как Отман стал Правдивым

Гроза успешно легализовался в Кракове. Как агент по снабжению беспрепятственно разъезжал по городу, наведывался и в соседние села. Его главный участок работы — военные объекты, система оборонительных укреплений. Гитлеровцы, доносил Гроза, ежедневно вывозят из города поляков в направлении Бохни и Мохова — на рытье окопов, противотанковых рвов.

Правой рукой Грозы стал Музыкант, Юзеф Прысак, глава уличного оркестра, точнее, семейного трио (сам Юзеф, его жена и дочь). Случалось, к оркестру присоединялся и Алексей с аккордеоном. Тогда трио становилось квартетом. Стася, младшая из Прысаков, тоненьким голоском выводила жалобные солдатские песни про фатерланд и фрау. Плакала скрипка Прысака. Иногда оркестр приглашали в военные казармы и рестораны «только для немцев». Жили Прысаки в предместье Кракова, Броновице.

Комитет партии помог Юзефу устроиться ночным сторожем на железной дороге. По ночам Музыкант охранял сады и огороды, примыкающие к магистрали, что связывала Краков с Силезией. Место службы оказалось исключительно удачным. Мы регулярно получали информации о военных перевозках. Сообщения Прысака с каждым днем становились все точнее, лаконичнее: сказывалась школа Грозы. Гроза между тем сообщал: ничего подозрительного наши люди, наблюдавшие за квартирой, куда мог явиться Отман, не обнаружили.

«Товарищ капитан, 6.X.1944 г. перед вечером на квартиру Игнаца явились абверовцы. Они, предъявив пароль, переданный им Ольгой, требовали встречи с вашим представителем. На 9.X назначена встреча с ними. Прошу указаний.

С приветом Л.».

Вот какую записку я получил от Грозы 7 октября. Принес ее из Чернихува наш связной Збышек. Он остался ночевать в отряде, чтобы на рассвете отправиться с ответом.

Не торопиться. Главное — не торопиться. Взвесить все «за», все возможные ходы противника. Прежде всего отвести удар от Игнаца, создать на время встречи максимальную безопасность для наших людей.

Медленно складывались строки письма-инструкции:

«9. X пошли на встречу Метека. Пусть он передаст им следующее:

1. Квартира, избранная Ольгой для встречи с ними, ненадежная. Игнац симпатизирует немцам и может легко продать всех. (Это чтобы выгородить Игнаца, если они окажутся провокаторами.)

2. Командир отряда не пожелал встретиться на этой квартире и назначает встречу на 12.X в лесу у местечка Чернихув (определи сам точное место встречи).

3. Командир отряда желает знать, какие услуги они могут оказать Советской Армии, что просят от нас.

а) …в таком духе проинструктируй Метека и пошли его на встречу.

Будь осторожен. Метек не должен знать, где ты. Он ни в какие иные переговоры не должен вступать. Если дадут согласие, пойди на эту встречу сам. Возьми с собой три-четыре человека с автоматами. Выбери новое место встречи. Прими все меры предосторожности.

После встречи немедленно приходи ко мне с обстоятельной информацией.

Если первые переговоры и встреча произведут на тебя положительное впечатление, бери подписки, давай клички, обусловливай дальнейшую связь.

С приветом *Василий».*

…Алексей явился в отряд ночью. Разбудил меня. По сияющим глазам я понял: удача. Он все проделал по инструкции. Встречу назначил у лесной дорожки. В 10.00 по московскому времени приплыла первая рыбка — Владимир Комахов[6], учитель математики. Из военнопленных. Завербован Отманом осенью 1941 года. С тех пор с ним не расставался. Готов кровью искупить свою вину. И вот пришел.

Отмана Алексей узнал по Ольгиным описаниям. Приземистый, плотный, лысый. В руках новая широкополая

шляпа. Явился на место встречи, как условились, один. Видно, стреляная птица. И цену себе знает. Отман не скрывал: главная цель его — выжить, спасти семью.

— Дайте гарантию, что оставите меня и семью в живых. В моих руках такие источники информации, которые вам, молодой человек, даже не снились.

Алексей рассмеялся:

— Нам, герр Отман, подавай товар лицом. Как говорит один мой приятель, поживем — увидим.

— Поживем — это хорошо.

Расстались, договорившись о новой встрече в Кракове.

Донесения Правдивого, Молнии

«Бывший командующий фронтом «Северная Украина» генерал-фельдмаршал Модель переведен на Западный фронт. На его место назначен начальник штаба фронта генерал Гарпер. Начальник 1-го отдела — подполковник Стефанус. Начальник контрразведки — майор Гамерьер. Начальник оперативного отдела — полковник генштаба Ксаландер. Штаб расквартирован в Кракове, улица Пилсудского, угол аллеи Мицкевича. Завербованы работники военной контрразведки фронта Курт Отман (кличка — Правдивый), русский — Комахов Владимир (кличка — Молния). Данные в дальнейшем будут перепроверяться Грозой. Гроза встречается с ними. Голос имеет переписку. Есть основания их данным верить. Голос».

Донесения, поступающие от Грозы, Музыканта, полностью подтверждали достоверность информации гитлеровского контрразведчика (отсюда и кличка Правдивый).

«24.11. Павлову. На № 29.

Правдивый, Молния. Работники контрразведки немцев. Правдивый помог Комару уйти из-под ареста. Комар доложила мне, что они очень обеспокоены судьбой после войны и готовы сделать все, что угодно, для своей реабилитации. Я написал им письмо и поручил Грозе вести переговоры с ними. Кончилось тем, что они дали согласие работать. Теперь мы получаем от них информацию, по мере возможности перепроверяем данные. Они просят меня в случае бегства немцев, чтобы я забрал их к себе. Голос».

Немедленно последовал ответ Центра.

«Голос. Потребуйте от работников КРО честной работы на нас, что обусловливает прощение. Пусть составят списки всех известных им агентов гестапо. Павлов».

Правдивый целую неделю работал над списками. Ряд агентов нам и нашим польским друзьям удалось уничтожить накануне освобождения Кракова. В январе — мае 1945 года наши чекисты и сотрудники польской контрразведки обезвредили большую группу шпионов, диверсантов. Списки, столь добросовестно составленные Правдивым, и тут пригодились.

Теперь в гитлеровском абвере, в одном из его подразделений, у нас были постоянные глаза и уши.

Подразделение Правдивого находилось в Кшешовице, но обслуживало Тенчинек, Рыбне, Чернихув, Пшетковице и подчинялось непосредственно своему управлению в Кракове. Правдивый, как это было с Ольгой, допрашивал арестованных, а иногда сам вел следствие.

Отман отлично выполнял новые задания. От него мы получали ценную информацию.

1 ноября мы передали Центру:

«Донесение Правдивого. В сентябре в Кракове арестован радист Кнашкецкий, теперь дает Центру дезу. В районе Кракова пеленгация ищет рацию, которой переданы сведения о личном составе штаба Североукраинского фронта. Шифр этой станции расшифрован КРО».

В этой же радиограмме:

«Прошу передать поздравления с праздником и привет родственникам и родным. Голос, Гроза, Комар, Груша.

Сообщите, что имеете от наших родственников».

На второй день я получил молнию Центра:

«Голос. Уточните фамилию арестованного в Кракове радиста, подробности ареста. Приметы радиста. Павлов».

Правдивый выполнил и это задание. Деза сломленного Кнашкецкого уже не могла никого дезинформировать.

Свадьба

Янек, Хитрый — полковник польской Армии Крайовой[7], образование высшее, поляк, тридцать восемь лет. Имею личные встречи. Голос. *(Из радиограммы Центру).*

Третьи сутки стоим в Козлувке. Расположение хутора очень удачное. К ближайшим селам — Гарбутовице, Сукловице, Ясенице — расстояние вроде и небольшое, полтора-два километра, а добираться надо два-три часа. Красота кругом неописуемая. Осенним золотом горят лиственные леса. Синеют сосновые боры. Шумят горные ручьи. На юге белеют покрытые снегом вершины Карпат. В бинокль отчетливо виден Краков. Я, Тадек, все радисты разместились в одном доме. Тадек взял на себя охрану хутора, послал разведку в ближайшие села. К двенадцати часам дня прибыл связной из польского отряда Побука. Он принес записку. В ней сообщалось, что в 17.00 в селе Ястшембя меня ожидает полковник польской Армии Крайовой. Я был крайне заинтересован в этой встрече. Полковник, по агентурным сведениям, легально проживал в Кракове. Имел своих людей в воинских частях, в комендатуре, на железной дороге.

Несмотря на усталость, решил пойти на встречу. Вызвались в спутники Мак и капитан Собинов. Мы надели польские плащи, шляпы, захватили автоматы, пистолеты, по паре гранат и вслед за проводником двинулись в путь. Вот и Ястшембя.

Мы остались в роще. Проводник-связной тут же исчез и вскоре возвратился к нам. За ним шли Побук и неизвестный мне мужчина, низкорослый, похожий на колобок.

— Господин подполковник, — обратился ко мне Побук. — Имею честь представить вам полковника Янека.

Янек тут же стал приглашать нас на квартиру, чтобы, как он говорил, в домашней обстановке обсудить некоторые вопросы нашего сотрудничества в борьбе против швабов. Сказал, что квартира, избранная для встречи, во всех отношениях безопасна. Во-первых, она принадлежит вуйту — доверенному лицу оккупантов. Во-вторых, у хозяина дома свадьба: появление гостей — дело естественное. В-третьих, хозяин квартиры предупрежден, что своей головой отвечает за благополучный исход нашей встречи.

Переступили порог празднично убранного дома и сразу очутились в компании разодетых женщин и чрезмерно учтивых мужчин.

У нас были отличные легенды. Мы не боялись неожиданных вопросов. И все же, откровенно говоря, чувствовали себя вначале не в своей тарелке. Какой-то странной казалась эта обстановка после лесной жизни. Вуйт пригласил нас в отдельную комнату. Сюда никто из гостей не заглядывал. Здесь мы оставили свои автоматы, сняли плащи. Сели играть в преферанс. За игрой неторопливо обсудили все интересующие нас вопросы. Полковник дал мне два рекомендательных письма к своим людям, работающим на железнодорожной станции. Его сообщения о Краковском гарнизоне подтверждали данные нашей разведки. Мы договорились о постоянной связи, о координации и согласованных действиях наших диверсионных групп.

Тепло попрощались и отправились в обратный путь.

Была непроглядная темень. Проводник, чувствовалось по всему, плохо знал местность. Мы шли степной тропинкой, в юго-восточном направлении. Проводник этот мне не нравился. Я видел его впервые, но что-то отталкивающее было в его угодливых движениях, ответах, репликах. Подошли к небольшому селению. Мы с капитаном Собиновым под каким-то предлогом отправили проводника. Зашли в первый попавшийся дом. Хозяин охотно согласился проводить нас в лесничевку — к партизанам. К своим мы явились только к часу ночи.

Мы снова ждали груз из Центра. Три ночи подряд, с 10 по 12 октября, на поляне, возле Козлувки, дежурили бойцы, несколько раз зажигали костры. Но самолета не было. Пришлось изменить координаты. Ведь немцы могли сообразить, что здесь ожидается груз. Не исключалась и возможность проникновения гестаповских агентов в расположение наших отрядов.

13 октября к нам прибыл командир соседнего польского отряда Зенек. Сообщил, что к его отряду прибилась какая-то русская десантная группа.

Мы договорились о встрече. К вечеру пришли десантники. Их группу выбросили западнее намеченного района. На второй день группа вынуждена была принять бой с немцами. Один из разведчиков, Гришка, был тяжело ранен. Командир группы капитан Павлик согласился впредь до получения приказа командования остаться с нами.

Мы становимся самостоятельными

В ночь на 19 октября мы ушли от Тадека. Нельзя было больше злоупотреблять гостеприимством польских друзей, подвергать их постоянному риску. Немцы, охотясь за нашей рацией, могли в любой момент засечь расположение отряда.

В трех-четырех километрах от Козлувки ждем груз из Центра. Для самостоятельных действий нужны люди, оружие. Мы разместились в двух домиках, расположенных на склоне горы, у самой опушки леса. Хозяева, видно, запуганы немцами. На все наши вопросы, увещевания отвечают одним и тем же заученным голосом: «Ниц нима, ниц нима. Вшисько герман забрав».

Пришлось наложить на всех «домашний арест». Без моего разрешения никто не мог выйти за пределы хутора. Все «приблудшие» задерживались и тщательно проверялись нами.

20 октября на рассвете меня разбудил часовой. Доложил, что приближается группа вооруженных людей. Мы приготовились к неожиданной встрече. Плотный туман долго не позволял рассмотреть людей. Сначала мы услышали хриплое дыхание, кашель, похожий на лай, и только на расстоянии шести-семи метров увидели на старых пилотках звездочки, красные ленты. К нам прибыли вооруженные польскими винтовками, трофейными автоматами, «вальтерами» бойцы и офицеры Красной Армии, военнопленные, бежавшие из немецких лагерей смерти.

Многие были ранены, истощены, многих бил озноб. Ночью группе дважды приходилось преодолевать горные ручьи. Люди шли, спотыкаясь о валуны, не чувствуя холода. Шли на последнем пределе.

Все это я узнал уже в первые минуты знакомства. Я приказал накормить людей, разместить по землянкам на отдых. Пригласил в свою землянку старшего группы — Евсея Близнякова.

Белорус. Родом из Могилевской области. Накануне войны работал в Куйбышеве, потом призвали на действительную службу. Воевал. Командовал пулеметным взводом.

В июне 1942 года, контуженный, попал в плен. В концлагере заставили работать на военном автозаводе. В мае 1943 года бежал в польский партизанский отряд. Организовал из военнопленных, бежавших из лагерей, диверсионную группу. Район боевых действий польского отряда — Липник, Бескиды. Узнал об отряде капитана Михайлова. Решил присоединиться.

Все было похоже на правду. Я составил запросы на Близнякова и двух летчиков: они утверждали, что выбросились из горящих самолетов, пробираются к своим.

Послал радиограмму:

«27.10. Павлову. Создана боевая разведгруппа. 22 человека. Русские, большинство военнопленных, два летчика, приземлившиеся во время катастрофы в начале октября. Кроме агентурной разведки, начинаем добычу «языков». Голос».

Ночью Ольга принесла расшифрованный ответ Центра:

«Боевую группу для разведданных использовать можно и нужно, но учтите, что добывать данные о противнике главным образом вы должны агентурным путем. Будьте осторожны. Подробно доложите о летчиках. Павлов».

Мы выполнили приказ Центра. Вскоре пришло подтверждение: все показания Близнякова и летчиков подтверждаются.

В последующие дни я познакомился и со всеми остальными бойцами группы Близнякова.

…«Голос» стал интернациональным: русские, украинцы, белорусы, поляки, башкир. И у всех одно желание, одно стремление: бить врага. За муки, перенесенные в лагерях смерти, за сожженные города и села, за миллионы замученных советских людей.

Собрав бойцов, я зачитал приказ о зачислении всех в боевую разведдиверсионную группу. С первых дней Ольга, Груша, ребята из группы Павлика подружились с новичками. Митька и Евсей Близняков были отличными подрывниками, мастерами диверсий. Абдулла стал у нас Сашей и вскоре всех покорил своими кулинарными способностями. Он и остался шефом кухни.

Так мы превратились в своеобразный гибрид — боевую единицу агентурно-разведывательного и диверсионного характера.

Нас было четверо, стало двадцать семь. Двадцать семь очень разных по характеру, но связанных одной целью, одной задачей.

Самолета с грузом все не было. 27 октября Евсей, Митя-Цыган, Саша, Белый ушли на задание. Решили раздобыть продовольствие, а заодно потревожить немцев в селе Пцим. В 23.00 послушали последние известия. Я проверил посты. Здесь, в лесу, в Горной долине, было тихо.

Туман висел плотной, непроглядной стеной. Горы, селения гуралей слились с темнотой, растворились в ней. Но в полночь туман начал редеть и вскоре совсем рассеялся. Передо мной открылась сказочная панорама. Вдали в лунном сиянии сверкала серебристыми зубцами длинная цепь хребтов. Напряженно вслушиваюсь в ночь — ни звука. Прилетит или не прилетит?

Молчит безоблачное небо. Молчат зеленые звезды.

Не дают ответа.

Удивительная ночь. Удивительная тишина. Совсем мирная.

Я знал, как она обманчива, готовая взорваться автоматной очередью, гранатой, коротким вскриком. Но в ту ночь чувство

близкой, непосредственной опасности как-то отодвинулось. Спать не хотелось. И все же как-то незаметно задремал. Отчетливо увидел перед собою мать. Она умерла, когда мне было пятнадцать лет. Образ ее как-то стерся в памяти. Родное лицо то приближалось ко мне, то уплывало, чем-то встревоженное.

«Трудно тебе, сынку», — услышал я грудной певучий голос и проснулся от протяжного гула. Совсем низко над нами кружил самолет. По звуку определил: «Дуглас». С охапкой сена выскочил из землянки. Поднялись хлопцы. Зажгли факелы. Со всех сторон тащили сено, солому, дрова. В одно мгновение вспыхнули три больших костра. В горах снова висел густой, плотный, хоть ножом режь, туман.

«Дуглас» сделал четыре-шесть кругов. Мы так и не увидели самолет. Ни единого парашюта никто не засек в воздухе. Сделав последний, по-видимому, прощальный круг, самолет ушел на восток. Мы потушили костры.

Бойцов пришлось разделить на четыре группы. Каждая получила свой квадрат. С первым донесением примчался Гриша. Отрапортовал: «Товарищ капитан, мешок с грузом найден, цел и находится в ста — ста пятидесяти метрах от нашего лагеря». Ожили, повеселели наши девчата. Помогли втащить в дом первый мешок. Радостное оживление воцарилось в нашем лагере. Через полчаса все мешки были найдены. В них оказалось то, в чем мы и наши польские друзья больше всего нуждались. Новая рация, радиопитание, автоматы, пистолеты, патроны, тол и продукты: сахар, сало, консервы, шоколад, печенье и т. д.

А к рассвету вернулись хлопцы Близнякова. Задание выполнили. Не обошлось, однако, без ЧП. С обрыва свалилась повозка. Ранило Митю. Внесли Цыгана. Его основательно помяло. Он не мог держаться на ногах, стонал. Требовалось срочное вмешательство врача.

— Товарищ капитан, — заторопился Близняков, словно боялся, что я откажу ему в этой просьбе. — Разрешите, сбегаю к нашим соседям-полякам. Одна нога здесь, другая там. Есть у меня там знакомый доктор — Ян Новак.

Ян Новак

Справка

«Настоящим подтверждаю, что гр. Новак Ян (кличка — Хентный) работал доктором в польском партизанском отряде Гардого.

Вылечил двух тяжело раненных бойцов моей группы и оказывал медицинскую помощь всем нуждающимся бойцам.

В связи с освобождением территории, где действовал партизанский отряд, доктор Новак со своей женой отправлен на место своего жительства в город Домброва-Гурнич.

Комендант боевой группы капитан Михайлов.

Подпись капитана Михайлова свидетельствует начальник РО полковник Чернов».

Он пришел к нам из отряда Гардого, как только узнал от Евсея о ранении Митьки. Когда нас познакомили, партизанскому доктору было уже под тридцать, но он оставался Янеком, вечным студентом. В отряде Гардого его так и называли: пан студент-доктор.

Война застала нашего Яна на третьем курсе медицинского факультета Варшавского университета. При немцах пришлось Новаку возвратиться на родину — в шахтерский городок Домброва-Гурнич — без диплома, так и не оправдав надежды матери. Сама неграмотная, она и во сне и наяву видела сына дипломированным, настоящим доктором.

Тут в Катовицком воеводстве, как, впрочем, и по всей Польше, заварилось такое, что стало уже не до дипломов. Местный врач назначил Новака своим помощником по хирургии. Людям пришелся ко двору пан студент-доктор: рука легкая, язык как бритва, брал за визиты самую малость. Но с лета 1943 года стал пропадать на два-три дня. Появлялся в родительском доме (отец работал электромехаником) так же внезапно, как и исчезал. Мать потихоньку плакала, отец ни о чем не расспрашивал, но, видно, догадывался.

Однажды, когда Янек снова было собрался в лес, отец молча сунул в саквояж сына кусок сала: им там нужнее.

Так Ян лечил наездами раненых партизан из отряда Гардого, а в ноябре 1943 года совсем перекочевал к партизанам. В отряде встретился с Ингой — Ингиборой. Будущая пани Новакова, работая сестрой в госпитале, стала подпольщицей, связной. Я видел ее в бою и могу засвидетельствовать: Инга была метким стрелком. И нашего Янека она тоже сразила, как говорится, с первого выстрела. Ив октябре 1944 года, когда состоялось наше знакомство, Ингибора еще не была пани Новаковой только по вине ксендза.

Сам Янек не верил ни в бога, ни в черта, ни тем более в благословение святого пастора, но Инга стояла на своем, требовала, чтобы все было «как у людей». Янек — любишь смородину, люби и оскомину — уже было согласился. Да тут заартачился ксендз из соседнего села. Он оказался настоящим крючкотвором-бюрократом, ксендз Дуда из села Двужец, что

возле Вольброма. Требовал какие-то свидетельства, справки, а как их раздобыть в столь суровое время? Янек на наших глазах таял как свеча. И тогда инициативу в свои руки взял пан комендант поручик Гардый. Он выделил невесте и жениху кортеж — тридцать хлопаков с автоматами. Пригласил и меня в свидетели. Ночью мы приехали в Двужец. Деликатно разбудили Дуду, и поручик Гардый провел с ним политбеседу. Объяснил, что к чему. Потом мы с оплывающим воском в руках вступили в гулкое здание старинного костела.

Неровное пламя билось в наших пальцах, фантастические тени прыгали на горящем пурпуре мантии, на вырезанной из дерева фигуре святого Петра, на печальных, удивленных лицах других апостолов, на партизанских автоматах.

Венчание прошло без приключений, в темпе. Ксендз расщедрился. На прощание притащил из своего тайничка бутыль преотличного церковного вина. И мы распили его за «вольну народову польську», за новобрачных. Больше всех пил Дуда. Опьянев, стал жаловаться на «неблагодарную» паству.

Мы расстались с Яном и Ингиборой 24 января 1945 года в деревне Тшебиня, встретились почти двадцать лет спустя в Кракове. Наш Янек мало изменился. И в 1964 году я его увидел таким же веселым, жизнерадостным, каким он был в суровые военные годы. Острил, сыпал новыми шутливыми стишками собственного сочинения, а между тем уже тогда был болен, но скрывал это. Я узнал обо всем позже из письма Ингиборы.

«Янек был снова в санатории Техотинце в ноябре. Доволен. Ему лучше. Но представляете: Ян, наш Ян, прикован к креслу. Делаю все, что могу, лишь бы избавить Яна от плохого настроения, что мне частично удается.

Вот пишу вам такое грустное письмо, а жизнь такая короткая — тут ничего не поделаешь. Этот месяц у нас проходит под девизом польско-советской дружбы, и многие от вас приезжают в Польшу для встречи с друзьями.

Может быть, и наш капитан Михайлов снова заглянет к нам? Для Янека лучшее лекарство — встреча с боевыми друзьями.

Только глядя на детей, видим, сколько прошло лет. Это, как говорит Янек, наши живые метрики. Наш Андрей на третьем курсе. Средний, Адам, по-прежнему не очень хочет учиться. Рвется в военную школу. А Ева, к счастью, учится хорошо. Все больше успевает по русскому языку. Можете к нам смело писать по-русски, так как дети уже самостоятельно переведут, без чужой помощи. Пишите нам. Каждое ваше письмо представляет для нас

большую радость».

Зная характер Яна, я верил, что он мужественно преодолеет все свои беды, и мы с ним еще поднимем не один келишек украинской горилки с перцем и вудки выборовой.

И словно в воду глядел.

Пять недель лежал наш Ян парализованный, ослепший. И все эти недели Инга, верная Инга, ни днем ни ночью не отходила от его постели. Каждый день купала, каждые полчаса переворачивала отяжелевшее тело.

В Казимеже Велькой все, от мала до велика, знали, любили доктора Новака, но никто уже не верил в его воскрешение.

Никто, кроме Инги.

Когда Ян начал поправляться, пришла бабка, одна из многих его благодарных пациентов. Увидела — заплакала.

— Чего ты плачешь, бабка?

— Третий раз прихожу на твои похороны, сынок. Видать, жить тебе долго, долго. Да хранит тебя святая дева над девами, мать страждущих.

Живет, ходит. Работает главным санитарным врачом.

И мы пили с ним настоянную на бескидских травах вудку выборову и подняли келишек горилки за Ингу, за верность, за любовь, перед которой бессильна даже смерть.

— Да, было времечко, — вспоминал Янек. — Под Новый год свалила меня ангина. Температура — сорок. Сам врач — сам и исцеляйся. На второй день только открыл глаза — смотрю: твои хлопаки. А на нарах ром, мед, конфеты. Принесли от Саши-повара даже жареную картошку. С тех пор жареная картошка по-русски самое любимое мое блюдо. И еще. Один, русоволосый, этакий леший с зелеными глазами, пел для меня «Катюшу», «Рябину», «Полюшко-поле». Удивительный голос.

— Я-а-анек, — говорит пани Новакова — мать Андрея, Адама и Евы, бабушка без пяти минут, таким голосом, что я даже немного завидую своему другу.

Хорошо у Янека. Да пора нам обратно в горы — в год 1944-й.

Явожв

Дожди. Холодные, осенние. Срочно соорудили шалаши из парашютов, веток. Кругом непролазная грязь. Решили уйти на хутор Явоже, занять его и там дожидаться погоды.

Хутор казался рядом: протяни руку — достанешь. В горах, однако, судить о расстоянии на глазок — дело гиблое. Два километра по полевой карте мы с трудом преодолели за четыре часа. На полпути нас снова накрыл дождь и уже не отпускал до

самого хутора. Тяжелые рюкзаки с боеприпасами, взрывчаткой, радиоаппаратурой давили к земле. Размокшая глина то и дело уходила из-под ног.

Так и застала нас ночь в дороге. Сбились с тропинки. Пошли напрямик лесом по азимуту, натыкаясь на пни, камни. Где-то впереди изредка вспыхивали и пробивались к нам сквозь пелену дождя холодные призрачные огоньки. Думали — хутор, оказалось — фосфоресцирующие гниющие деревья. И снова тьма-тьмущая. Чуть не прозевали Явоже, да выручили хуторские собаки: подняли такой лай, что и мертвому не устоять. Но сам хутор притаился. Мало ли кого может в недобрую пору принести война. Евсей Близняков первым догадался: показал гуралям коробку московских папирос с изображением Кремля и красной звезды.

Узнав, что мы русские, гурали жадно набросились на нас с вопросами: «Как Москва? Не очень ли пострадала от авионов Гитлера? Скоро ли придет Красная Армия?».

Оказалось, чуть ли не вся молодежь хутора ушла в лес, в «польску партизанку». Люди здесь давно ждали освобождения, молились за Советы, за Красную Армию.

Нам удалось разместить всех бойцов в хатах, стодолах, сараях. Пришлось, правда, немного потесниться жителям хутора. Да те на нас не были в обиде.

Я впервые увидел, как живут настоящие гурали. Беднее их, пожалуй, и не сыскать было в буржуазной Польше. Курные избы, описанные Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», здесь показались бы раем. В домах не то что дымаря — даже печи нет. Вместо печки посреди хаты — костровой круг, что ли, обложенный почерневшими от копоти камнями.

На костре готовят пищу. У костра греются, засыпают. В копоти, в дыму, случается, рядом с теленком или ягнятами, живут взрослые, старики, дети. Все они босые, полураздетые. И на все случаи жизни главное блюдо — земняки да мамалыга. Тем трогательнее была щедрость, сердечность, с которой гурали на следующее утро угощали нас.

Первую ночь наши разведчики проспали как убитые. Я только успел проверить посты и сам свалился, не чуя под собой ног.

Разбудил меня хозяин самым что ни на есть необычным образом. Я проснулся от какого-то подозрительного шороха. Вижу: гураль, лицо обветренное, все в морщинах, цвета старой бронзы. На нем накидка, расшитая цветными узорами. Брюки, тесно обхватившие жилистые ноги. Седой как лунь. В зубах — люлька. Может быть, еще прапрапрадедовская, а в руках… мой автомат.

Оказалось, наша «машинка» понравилась старому гуралю. За

завтраком он буквально умолял меня дать ему «машиновый карабин». Если нельзя «за так», то за овцу. Просил, чтоб я взял его шпицелем (солдатом) в свой отряд. А уж в отряде он себя покажет. И пусть пан товажиш капитан не глядит, что голова в снегу. И с хлопаками померяется.

Такой монолог довелось мне выслушать за завтраком. Старый гураль добыл из тайника вяленую баранину, пахучий будз (острый сыр из овечьего молока). Я вытащил из рюкзака банку тушенки, плитку шоколада. Пришлось по такому случаю нарушить мною же установленный сухой закон и выпить по сто граммов пропахшего дымом бимбера, местной самогонки.

А просьбу старого гураля мы сумели удовлетворить только наполовину. Выделили ему из наших трофеев немецкий карабин. И остался мой хозяин в своей хате не шпицелем, а связным, хозяином явочной квартиры. Наши разведчики, возвращаясь с трудного задания, всегда встречали тут радушный прием.

В Явоже проливной дождь продержал нас три дня. Первый день, как я уже говорил, мои ребята отсыпались.

Под вечер приходят, зовут в «клуб» — длинную кошару, покрытую соломой. Застал всю группу в сборе. Ночь впереди длинная. Дороги вокруг размыты. Посты расставлены. Лежу на соломе, думаю под шум дождя, что-то будет с отрядом с наступлением глубокой осени, зимы. Что предпринять?

Ребята пристают:

— Расскажите, товарищ капитан, что-нибудь интересное.

Тут я вспомнил книги из библиотеки моего учителя по разведшколе.

Было у него одно, как теперь говорят, хобби. В свободное время где только можно подбирал литературу из истории разведки. От Адама до наших дней. На разведполке в домашней библиотеке моего учителя нашлось место и Гомеру, и Библии, и Цезарю, и Плутарху. В беспристрастных рассказах историков порой таилось столько драматизма, в них крылись такие острые, захватывающие сюжеты, о которых авторы «шпионских» повестей могли только мечтать.

Приступая к рассказу о тайной войне, я преследовал чисто практическую цель. Конечно, методы, формы тайной войны меняются, но кое-чему полезному можно научиться и у предшественников.

Заговорила во мне, очевидно, и тоска по учительскому делу, по аудитории.

Как бы там ни было, «урок» затянулся далеко за полночь. Дождь лил не переставая. Уходили и возвращались боевые наряды. Много было потом в моей жизни и уроков, и лекций, и

публичных выступлений, а вот такого класса, такой аудитории, пожалуй, уже не будет.

…На снопах, на подстилках — разведчики. Одинокий огонек папиросы освещает на мгновение неясные очертания лиц.

В этой забытой богом кошаре под монотонный шорох дождя страница за страницей разворачивались баталии, эпизоды тайной войны, были, мифы.

Под рукой у меня не было ни первоисточников, ни элементарных записей. Тем более убеждался я в том, что тренировка памяти по системе моего учителя не прошла даром. Словно на экране, вспыхивали имена, даты, события, удачные уловки и просчеты.

Виновником гибели войска храброго Аристомена стал тайный агент Спарты — царь Аристократ. Александр Македонский в начале своих победоносных походов недооценивал разведку и за это чуть не поплатился жизнью, но зато потом первым использовал в разведывательных целях почтовую цензуру.

А Ганнибал, грозный враг Рима, давая этим пример полководцам и военачальникам грядущих времен, не только создал широко разветвленную, отлично информированную разведку (впереди армии Ганнибала всегда шли обученные и натренированные лазутчики), но и сам, натянув парик, преобразившись до неузнаваемости, не раз тайком проникал в стан римлян.

Ганнибалу принадлежит и другая военная хитрость, к которой полководцы частенько прибегали впоследствии. С большим успехом повторил ее на Желтых Водах Богдан Хмельницкий. По приказу Ганнибала к рогам волов привязали горящие факелы. Ночь. Таинственные факелы. Топот стада. Все это создавало у римлян иллюзию перемещения огромного войска. Чего и добивался хитрый Ганнибал.

И во времена Ганнибала, Митридата, Цезаря лазутчики прибегали к приемам разведывательной работы. Пользовались шифром, разными уловками. Донесения записывались на бритой голове «марш-агента», волосы затем отрастали. Для пересылки донесений приручались голуби, ласточки. Широко практиковалось мнимое дезертирство, пленение для дезориентации противника.

Далеко за полночь затянулся наш импровизированный экскурс в исторические дебри разведки.

— Ну, хлопцы, — пошутил я, — курс прослушали, готовьтесь сдавать экзамены.

А к утру распогодилось, за день просохли горные тропы. К вечеру мы покинули гостеприимный Явоже.

…Ольга принесла расшифрованную радиограмму Центра: противник перебрасывает на фронт вторую танковую дивизию. Желательно приостановить движение на железной дороге Краков — Закопане.

Почти не приказ — просьба: **желательно.** Впрочем, чрезмерная деликатность объяснялась очень просто. У нас в те дни не было ни грамма взрывчатки.

Пришел Евсей Близняков.

— Товарищ капитан, есть у меня одна идея. Мне бы только банки раздобыть из-под консервов.

Рассказал, что к чему, я план одобрил, хотя, признаться, без особой веры в успех. На следующий день мы радировали Павлову: задание выполнено. Движение на участке Краков — Закопане задержано на восемь-девять часов.

Было так. Евсей взял с собой трех хлопцев. У моста снял часового, «заминировал» мост в радиусе двухсот метров консервными банками, набитыми землей. Натянул провода — все как положено.

Остальное сделал Метек. Прибежал на ближайший полустанок — и к обходчику: так, мол, и так. Звони немцам. Убит часовой. Мост заминирован.

Гитлеровцы всполошились, забегали. Пока нашли саперов, пока пришла дрезина, пока вскрыли банки с «взрывчаткой», эшелон с немецкими танками стоял на запасном пути. Где нельзя было силой — взяли хитростью.

«Пауль» из Бухенвальда

Резко похолодало. Мокрый снег. Пронизывающий до костей, обжигающий ветер. Мы занялись строительством. Место выбрали удачное. Пологий склон горы под Явоже.

За несколько дней вырыли землянки. Натащили хвои, сена — и зимняя квартира готова.

В Явоже остался наш боец из военнопленных.

Андрей — поляк. Из-под Шепетовки. Знает хорошо и польский, и немецкий. Тадек по нашей просьбе уговорил местную вдовушку. Та ради общего дела дала свое согласие. Сыграли свадьбу. И остался Андрей в Явоже, вошел в роль. В доме молодоженов мы устроили явочную квартиру. Андрею я приказал в лагерь не являться.

— Товарищ капитан.

Открываю глаза — Андрей. По лицу вижу: случилось что-то важное.

— Почему нарушил приказ?

— Ночью заявились двое — мужчина и женщина. Мужчина

говорит по-немецки. Женщина переводит. Спрашивают вас. Просят, чтобы мы помогли переправиться в отряд.

Сон как рукой сняло. Беру Заборонека, Евсея — ив Явоже. Гости как раз завтракали. Вдовушка постаралась: выставила чуть ли не все припасы. Зажаренную на сале яичницу с аппетитом уплетал рослый мужчина. Одет прилично. На первый взгляд лет тридцать пять — сорок. Лицо волевое, решительное. На лбу — глубокий багровый шрам. Женщина значительно моложе. Увидев нас, встрепенулась, прижалась к своему спутнику. На пальце у нее я заметил обручальное кольцо.

Мужчина поднялся нам навстречу.

— С кем имею честь? Я — представитель советского командования.

— Товажиш совецкий, — обрадовалась паненка, — то добже, бардзо добже. Пауль не розумье ни по-польски, ни по-россиянски, Пауль — коммунист.

Из сбивчивого рассказа на польско-русском жаргоне вырисовывалось следующее.

Пауль Штумпф, заключенный № 13378, долгие годы находился в Бухенвальде. Прошел все круги ада: дорогу смерти, каменоломню, камеру-одиночку в бункере. Был «поющей лошадью». Тебя впрягают в огромный железный каток или в повозку, нагруженную каменными глыбами. Тащи бегом и пой, пока есть силы. Замолчишь, упадешь — смерть.

В 1943 году — как-никак немец — попал в лагерную канцелярию. Наладил связь с интернациональным подпольем. Многих обреченных спас от смерти, меняя номера, отличительные знаки. От номера, от знака, намертво пришитого к лагерной одежде, нередко зависела жизнь.

Случилось так, что начальник Пауля получил новое назначение — в Освенцим. Взял с собой заключенного № 13378. Ценил за почерк и аккуратность.

— В Освенциме, — закончила свой рассказ паненка с кольцом, — мы встретились. Помогли друг другу бежать. Я люблю его.

Магда, так звали паненку, добавила, что у Пауля очень важные сообщения для советского командования. Она что-то шепнула гостю. Его невозмутимое лицо оживилось.

— Я, — заявил он, — видел Тельмана. Знаю, где он сейчас. Вождя немецких рабочих можно спасти.

— Но ведь было, — говорю, — официальное сообщение в немецких газетах: Тельман погиб в конце августа во время налета американской авиации.

Магда перевела. Пауль расхохотался:

— Обычная провокация наци, рассчитанная на простачков. Гитлер боится, а в нынешних условиях это естественно, каких-либо попыток спасти, освободить Тельмана. Поэтому и придумал утку с бомбежкой. Его держат, — настаивал на своем Пауль, — в одиночных камерах десять лет ради иной цели. Убитый Тельман станет раньше или позже знаменем новой Германии. Сломленный, предавший — ее позором.

— Что вы предлагаете?

— Я знаю, где его содержат в строжайшей изоляции, без имени, просто под номером. У меня есть план спасения.

Я сдерживал себя, задавал вопросы с подковыркой, но, честно говоря, все во мне ликовало: Тельман жив, Тельмана можно спасти.

Я вспомнил школьный митинг в Веселом после поджога рейхстага.

В этот день мы узнали об аресте Эрнста Тельмана. Горящие глаза ребят, сжатые кулаки: «Рот фронт!».

Тельман… Это имя стояло для меня в одном ряду с самыми дорогими именами.

— Хорошо, — сказал я Паулю, — постараюсь связаться с командованием. До ответа вы наши гости.

В лагере нас уже ждал Гардый. Я кратко изложил ему содержание нашего разговора с Паулем. Гость Гардому почему-то не понравился:

— Не верю швабу.

Гардый ушел и час спустя возвратился в сопровождении долговязого рыжего парня. Оказалось, тот тоже побывал в Бухенвальде. Пауль обрадовался камраду. На все вопросы отвечал обстоятельно, со знанием таких деталей, которые могут быть известны только человеку оттуда. Вспомнил аппельплац, одиночную камеру, стальную могилу в бункере, надпись на воротах «Каждому — свое».

Я вышел проводить Гардого и Рыжего.

— Ну как?

— Был он, был в лагере. Мне даже лицо его кажется знакомым. И эти поперечные шрамы на лбу. Где я его видел?

Гардый стоял на своем:

— Не спешите. Езус Мария, только не спешите с запросом командованию. Надо проверить.

Немногим раньше мы получили такую радиограмму:

«Голос. Предупреждаем, что гестапо забрасывает в партизанские отряды и разведгруппы своих агентов, переодетых в гражданскую форму или под видом советских военнопленных.

Будьте осторожны. Павлов».

Неужели Пауль и Магда тоже провокаторы? Не верится. Держатся очень естественно. Но почему Пауль так не нравится Гардому? И Ольга твердит: «Не верю, не верю».

Вызвал Метека. Бывший телохранитель Ольги ходил у нас в связных. Лишь утром пришел от Грозы.

…Пауль и Магда весь день просидели в землянке, которую мы им отвели. Вечером я пригласил их в свою землянку поужинать. Метек, как было условлено, только и ждал этой минуты. Залез под пары Пауля, притаился. Возвратились гости навеселе. Тут же уснули. Метек было тоже задремал. Проснулся от сердитых голосов. Магда шепотом распекала Пауля. Тот отвечал… по-польски.

Утром наш повар позвал гостей на «сниданье». Метек бросился ко мне. Мы взяли их во время завтрака, сытых, уже поверивших в свою счастливую звезду. Прибежал Гардый:

— Отдай их нам, капитан Михайлов. У меня на провокаторов нюх. Люблю с ними разговаривать.

Сначала «наши гости» возмущались арестом, повторяли свои ответы. Первой заговорила Магда. Да, агенты гестапо.

На очных ставках грызлись, словно саранча в банке, и, все еще на что-то надеясь, топили друг друга.

Пауль действительно был и в Бухенвальде, и в Освенциме, но не заключенным, а надзирателем, потом начальником отдела. И по совместительству — подсадной уткой в польском блоке. Под Данцигом когда-то учился в польской школе, отлично знал язык. Избитого, его подсаживали на недельку в блок к новичкам, не очень искушенным в тонкостях лагерной жизни. К концу недели из польского барака в бункер переводили всех, кого заносил в свой список Пауль.

Уводили и его в тот же бункер, камеру-комнату. Пауль предпочитал жить рядом со своими жертвами.

Ночью он выходил из своей комнаты, надзирательским ключом открывал соседнюю камеру и представал перед вчерашним «пшиятелем» по бараку в эсэсовской форме. Тащил ошеломленную жертву в свою камеру, аккуратно вешал мундир. Любил Пауль медленную, мучительную смерть, вопли, хрипы, затянувшуюся агонию.

Магду Пауль встретил в лагерном публичном доме. Она тоже становилась подсадной уткой в женском бараке. Обрабатывал Магду тот же Пауль. Однажды поляк, побывавший в бункере и чудом вырвавшийся оттуда, узнал Пауля в бараке и успел сообщить об этом новой партии заключенных, участникам

Варшавского восстания. В первую же ночь Пауля связали, избили. Утром его нашли полузадушенным. Спас железный организм. После этого случая начальство решило использовать Пауля с его напарницей на новой работе.

Мы судили их именем польского и советского народов.

Мне первому пришлось объявить приговор на русском языке. Гардый прочитал на польском. Рыжий по поручению двух отрядов объявил:

— Цум тод!

Пауль сам вырыл яму. Себе и Магде. Поставили их к двум соснам. Магда в последнюю минуту обхватила голову руками. И пуля пробила «обручальное» кольцо.

Гроза работает на фюрера

«Павлову. Есть возможность через Правдивого устроить Грозу на работу в КРО. Если разрешите, я сделаю немедленно. Голос».

«Голосу. Грозу устроить в КРО. Задача — полная легализация. Используя легальное положение, добыть данные о гарнизоне в Кракове, Сосновце. Донести немедленно, в качестве кого он там будет работать, его обязанности в КРО, кто его начальник, доложите, кто и какие документы ему даст дополнительно. Как будет организована связь с ним? Жду выполнения задач, поставленных вам ранее.

Проверьте Правдивого и Молнию еще раз. Радиопитание через Правдивого. Павлов».

Мы с нетерпением ждали этой телеграммы. Гроза больше месяца регулярно встречался с Отманом в Кракове и Кшешовице.

Встречались в кавярнях, ресторанах. О делах в публичных местах разговоры не велись. Разыгрывали закадычных друзей, которых, кроме выпивки и веселой офицерской компании, ничего не интересует. Потом усаживались в автомобиль Отмана и отправлялись за город «проветриться». «Инс грюне» — на зелень, лоно природы, как говорил в таких случаях Отман-Правдивый. Он был хитер, осторожен, боялся каверзных штучек подслушивания в своей собственной машине.

Забирались в глушь, выходили «инс грюне», и тут только начинался настоящий разговор. О всех встречах мне постоянно докладывал Гроза.

У нас не было оснований жаловаться на Правдивого. Отман каждым донесением подтверждал свою кличку.

Он работал много. Дотошно, с чисто немецкой пунктуальностью собирал и передавал разведданные о 1-й и 4-й

танковых, о 17-й полевой армии. Наши донесения фронту в те дни нередко начинались так:

«Павлову. Правдивый сообщил: штаб 17-й армии в Скоциме. Состав армии: 59-й стрелковый корпус, штаб в Недомице, 11-й мотострелковый корпус СС, штаб в Либуше. Состав 59-го корпуса: 371-я и 359-я пехотные дивизии, 544-я фельдгренадерская дивизия. Состав 11-го корпуса: 78-я и 546-я фельдгренадерские дивизии, 208-я и 96-я пехотные дивизии. Дислокация дивизий в радиограмме № 76».

Несколько дней спустя Комар передала в эфир:

«Павлову. Взят в плен обер-ефрейтор Пленкер Юзеф, радист штаба 59-го корпуса. Согласно его показаниям, в состав корпуса входит 359-я, 371-я, 544-я гренадерские дивизии. Командир корпуса генерал Горихт, штаб корпуса остановился в селе Зембжице.

Голос».

Показания гитлеровского радиста оказались для нас и РО фронта очень ценными. Они подтверждали точность сообщений Правдивого. И вот теперь разрешение-приказ. Он радовал, но не глушил тревогу. Не окажется ли Гроза в мышеловке?

Одно дело — поддерживать связь с контрразведчиком-абверовцем, встречаться с ним, другое — проникнуть в само логово, пройти хитрейшую и — не исключается — жестокую систему испытаний, проверок.

Но игра стоила свеч: полная легализация, положение, пропуск, возможность бывать в укрепрайоне Кракова — такое могло только присниться.

Мы все взвесили с Алексеем, продумали предстоящее «прощупывание» Отмана.

— Надумал я, — сказал Алексей при встрече Отману, — поступить (они уже были на «ты») к тебе на работу. Как ты на это смотришь, Курт?

Надо сказать, что будущий шеф Грозы — он же его подчиненный — был большим любителем афоризмов, острых словечек. Когда дела шли хорошо, Отман сыпал ими как из рога изобилия. Например, он говорил о себе: «Муха, которая не желает быть прихлопнутой, безопасней всего чувствует себя на самой хлопушке».

На этот раз Правдивый только улыбнулся в ответ:

— Как говорят в подобных случаях французы: «Смело, но легкомысленно».

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Почему?

— Ты можешь поскользнуться в нашей конторе. Провалишь и меня. Кому это выгодно? Фюреру?

— Боишься?

— А ты как думал? Впрочем, как говорят у вас, двум смертям не бывать. Попробуем.

Тут же Отман потребовал, чтобы Алексей срочно раздобыл себе надежные документы, кенкарту на новое имя.

— Срок — два дня.

О последующих событиях Гроза доложил мне при первой встрече. Было так. Расставшись с Правдивым, Гроза, соблюдая осторожность, отправился к товарищу Михалу. Михал задумался:

— Хорошо. Завтра едем в Величку. Бохенек сделает тебе бумагу.

Гроза знал Бохенека как находчивого руководителя диверсионной группы, но не думал, не гадал, что Владек еще и мастер по изготовлению немецких паспортов и печатей.

На рассвете Михал, Валя и Алексей отправились на краковский вокзал, чтобы поездом добраться в Величку. Михал и Гроза направлялись к Бохенеку. У Вали был свой маршрут. Но в этот день мы напрасно ждали ее со свежими разведданными. Случилось несчастье. Сначала все шло хорошо. Им удалось смешаться с толпой. Подошли к вокзальному киоску, чтобы купить газеты, и… попали в облаву. Искали уклоняющихся от рытья окопов. Грозу и Валю отпустили, поверили справкам, а Зайонца задержали: что-то в нем полицаю не понравилось. В нем или в его документах.

Грузовик с арестованными медленно катил по площади. Алексей предложил возвратиться в город. Что-то немедленно предпринять.

— Сейчас мы ничего не добьемся, — сказала Валя. — Искать моего мужа в полиции нет смысла. Сегодня у них день облав. Нас и слушать не станут.

Поехали к Бохенеку.

В Краков Гроза возвратился с кенкартой на имя Георгия Владимирова, с полицейским листком и другими необходимыми документами.

А друга нашего, как и предполагала Валя, действительно задержали случайно, но обвинили в уклонении от работы. Это тоже пахло Освенцимом. Валя узнала: каждое утро Михала с другими арестованными водят из тюрьмы на окраину Кракова, к скале Твардовского. Дробить камни. В огромной каменоломне

каждый день гибли люди. О побеге нечего было и думать.

Но Валя не растерялась. Нашла нужного человека — сговорчивого и влиятельного фольксдойча. Тот потребовал десять тысяч злотых.

Гроза связался со мной, сообщил обстановку, попросил помощи. Близняков, узнав, в какую беду попал наш Михал, пришел с готовым планом.

В общих чертах план сводился к налету на станцию Строне. Сложность заключалась в том, что у нас тогда не было взрывчатки, к тому же я как раз ломал себе голову над тем, где можно побыстрее раздобыть деньги на освобождение Михала. В любой день его могли отправить в Освенцим. Мог смениться надзиратель, с которым вела переговоры Валерия.

А что, если налетом на Строне сразу убить двух зайцев?

Так определилась конкретная задача.

Группе Евсея в ночь на третье ноября совершить налет на станцию Строне — одну из крупнейших на линии Краков — Закопане.

Цель налета:

1) уничтожить селекторы, связь — телеграфную, телефонную, разрушить водопроводную колонку, развести рельсы. Таким образом вывести из строя станцию хотя бы на сутки;

2) экспроприировать железнодорожную кассу (линия Закопане — Краков обслуживала и местное население).

Наметился состав группы. Кроме Евсея, в налете участвовали Митя-Цыган, Заборонек, Отченашев, Семен Ростопшин, летчик Шипин.

События, как докладывал мне впоследствии Евсей, разворачивались таким образом.

Когда стемнело, группа подошла к поселку Строне и залегла на самой опушке леса.

Вскоре из разведки с хорошими новостями возвратились Семен и Шипин.

Как показал местный солтыс (мы ему доверяли), на станции несла службу группа охранных войск. Среди охранников были инвалиды, пожилые и безусые юнцы, вчерашние гимназисты. Охранников — человек сорок. Располагались они все в старой казарме у самой станции.

Вокруг казармы и станции — живая изгородь из кустарников, деревьев.

Луна, как назло, светила вовсю. Только в полночь группе Евсея удалось пробраться к железнодорожному полотну.

Залегли за насыпью.

По знаку Евсея первым через полотно ужом прополз Шипин,

следом за ним — Заборонек.

Часовой шел прямо на них, тихо насвистывая вальс Штрауса.

Шипин возник перед ним внезапно, как привидение. Тот и испугаться не успел, как оказался на земле, с надежным кляпом во рту. Шипин накинул шинель часового на плечи и — в казарму.

Смутно в два этажа серели нары, набитые немцами. Охранники, их было человек сорок, ничего не подозревая, дружно похрапывали. Один было поднял голову. Спросонья принял Шипина за своего и тут же снова захрапел. У прохода — два ручных пулемета, карабины, автоматы. На полу сапоги, с нар свисает одежда.

Шипин тихо свистнул. В казарме бесшумно, как тени, появились Евсей Близняков, Семен Ростопшин. Двое остались во дворе.

Близняков и Ростопшин прикипели к пулеметам. Шипин — с гранатой. Казарму взяли без единого выстрела. Охранников, ошеломленных, вздрагивающих от холода, в одних подштанниках, вывели во двор. К пленным приставили двух конвоиров. Словом, чисто сработали. Начальника станции, дежурного, кассира — всех удалось взять без шума. За полчаса вывели из строя водокачку, систему диспетчерского управления, развели рельсы. Тут, как и было договорено, подоспели три подводы из соседнего отряда Армии Людовой. Подводы загрузили трофеями. Два ручных пулемета, двадцать карабинов, десятки гранат — таким был наш праздничный подарок друзьям по оружию.

Пленные во дворе уже было приготовились к смерти.

Евсей обошел колонну, осмотрел, удовлетворенно хмыкнул:

— До ручки дошел Гитлер, инвалидов да сопливых мальчишек набирает. — Приказал всю раздетую команду запереть в казарме.

Шипин от себя прибавил:

— Не советую подымать шума, казарма заминирована. Взорвем к чертям собачьим! Шлафен, шлафен, майне либе. — Дескать, досыпайте, дорогие. И пусть вам снятся приятные сны.

Выручка в кассе оказалась неплохой — двадцать пять тысяч злотых. Деньги внесли, и на девятый день после ареста Михал оказался на воле. Фольксдойч, к слову, явно продешевил. Да и мог ли он знать, что за «бандита Зайонца, живого или мертвого», гитлеровцы пообещали в награду двадцать тысяч немецких марок.

В ночь на седьмое ноября группа Евсея совершила не менее дерзкий налет на станцию Воля-Радзишевска. На этот раз своевременно добыли тол (выручил Тадек). Мите-Цыгану удалось первому пробраться к мосту. Снял часового. За ним прополз

Семен Ростопшин. Вдвоем один из «быков» начинили взрывчаткой. Вложили килограммов сорок шесть. Накормили «быка» досыта.

Потом на митинге, посвященном двадцать седьмой годовщине Октября, Евсей докладывал: железнодорожный мост взорван, пущены под откос воинский эшелон, четыре платформы с техникой, три вагона с солдатами, убито и ранено более шестидесяти гитлеровцев. Движение на участке станции Воля-Радзишевска прервано по крайней мере на сутки. Таков наш салют Октябрю.

Отман между тем обещание свое выполнил. Он вообще старался, Отман. Знал за собой грех — в Белоруссии его подразделение принимало участие в карательных экспедициях против партизан, и пытался любой ценой спасти себе жизнь, добиться прощения.

В случае с устройством Грозы Отман действовал очень осмотрительно. Все рассчитал так, чтобы ни у кого ни малейшего подозрения не могло возникнуть.

Гроза по новой «железной» кенкарте, изготовленной Бохенеком, — Георгий Владимиров, бывший полицай, бежавший от большевиков из Львова, — вполне устраивал Отмана, начальника 3-го отделения войсковой контрразведки (абвера) в Кшешовице.

Подбор кадров как раз входил в обязанности Отмана. Тщательно проверив документы Владимирова, он дал делу обычный ход, направив его своему шефу. Потянулись тревожные дни ожидания. Гроза не бросал своей работы на строительстве оборонных сооружений. К тому времени он даже получил повышение — из простых рабочих перешел в учетчики, что давало ему как разведчику немалые преимущества.

Неделю спустя Отман через Комахова вызвал Алексея в Кшешовице. В своем служебном кабинете поздравил Георгия Владимирова (шеф одобрил выбор) с поступлением на службу в абвер.

Вдвоем определили круг деятельности Владимирова, весьма, к слову, удобный для Грозы: в Кракове и вокруг него выявлять разведагентуру, прежде всего советскую, следить за польскими патриотическими группами, связанными с нашей разведкой. Отман — хитрая лиса — наставлял нового сотрудника:

— Наши пеленгаторы обнаружили передатчик на улице Смош. Подключайся и ты. Если ваш — предупреди своих, пусть сматывают удочки. Потом разверни бурную деятельность, жалуйся на неповоротливость службы безопасности, была, мол, рация, да проморгали.

Гроза-Владимиров, получил свидетельство сотрудника абвера. Ему выдали пистолет системы «вальтер», пропуск с правом проезда по всем зонам краковского укрепрайона в дневное и ночное время. Определили ему и жалованье: пятьсот марок в месяц.

Отпала надобность в ресторанах, в «инс грюне».

С Отманом, своим начальником и подчиненным в одном лице, Гроза теперь встречался почти ежедневно в служебном кабинете. Тут же ставил своему «шефу» новые задачи. Радиус деятельности Грозы неизмеримо расширился. Кроме военных объектов, нас интересовала агентура, засылаемая гитлеровской контрразведкой в советский тыл и в самое сердце Краковского подполья.

Вскоре Грозе удалось ухватиться за ниточку, которая привела нас в гитлеровскую разведшколу. Но об этом в следующей главе.

Скавина

Скавина — первое серьезное дело Молнии.

Я не очень доверял ему.

Что я знал о нем? Владимир Комахов — учитель математики. До войны преподавал в одной из сельских школ Краснодарского края. Бывший командир Красной Армии. Из военнопленных. В абвер, утверждает, пошел с единственной целью: служить Родине. Уверяет: никакого вреда своей стране пока не причинил, присматривался к Отману, искал человека, кому можно довериться, через кого можно наладить связь со своими. А тут Ольга. В нее поверил сразу.

Многое в показаниях Комахова звучало правдоподобно. Я знал, каким мучительным, трудным в годы войны становился порой и для кристально честного человека путь к своим. Окружение, контузия, ранение, плен, не всегда предусмотренное приземление на оккупированной территории, вражеская тюрьма, лагеря смерти…

Путь к своим для многих превращался в длительный поединок с врагом. Исход поединка нередко решали не только личное мужество, стойкость, но и умение обыграть, перехитрить, обмануть опытного, жестокого, коварного врага.

А твой приход к нам, Владимир Комахов, мой коллега, школьный учитель, что это — порыв патриота, проснувшаяся совесть или расчет шкурника, игра двойника?

Нет такого рентгена, с помощью которого можно было бы прочитать мысли человека, увидеть его насквозь. Но кое-что делалось. Из РО фронта были посланы соответствующие запросы в Краснодарский край. Нашлась школа, где преподавал Комахов.

Там его считали пропавшим без вести. Однако информация, которой аккуратно снабжал нас Молния, хоть и достоверная — мы тщательно проверяли каждое его донесение, — особой ценности не представляла. Сомнения оставались сомнениями… Двойная игра со стороны Комахова по-прежнему не исключалась. Догадывался ли он сам о наших сомнениях? Возможно. Как бы там ни было, Скавина, повторяю, стала первым его настоящим делом, серьезнейшим экзаменом.

Первые сигналы о какой-то разведшколе мы получили от Отмана. В Краков, передал он нам через Грозу, прибыл майор немецкого генштаба для проверки людей, которых готовят для заброски в советский тыл.

Нужда в кадрах была столь велика, что гость из Берлина потребовал ускорить выпуск группы курсантов.

Гитлеровцы готовили кадры и для продолжительной подпольной борьбы против Советского Союза на тот случай, если после поражения рейха третья мировая война между Западом и Востоком волею судеб окажется отодвинутой на годы. В будущей подпольной войне матерые волки абвера делали особую ставку на антисоветское националистическое отребье любой масти. Абвер лихорадочно укреплял, усиливал старые связи с «бульбашами», выкормышами Петлюры — бандеровцами, мельниковцами и их службой СБ, с латвийскими айзсаргами, литовскими шуцманами — «лесными братьями», готовыми вступить в сделку с каким угодно антикоммунистическим дьяволом, торговать родиной оптом и в розницу и по первому приказу новоиспеченных хозяев залить ее кровью.

Гость из Берлина, старый знакомый Отмана, нервничал, спешил: времени оставалось в обрез. И на экзамены группы он по рекомендации Правдивого прихватил с собой в качестве переводчика Комахова. Так Молния, что и было запланировано нами, оказался в заброшенном фольварке, в приземистом неказистом одноэтажном здании канцелярии филиала берлинской разведшколы.

Одного за другим приводили курсантов, порой развязных, порой угодливых, случалось, с непроницаемыми лицами.

Что привело их в разведшколу? Как, кем, при каких обстоятельствах были завербованы?

Комахов сам прошел через это. Он неоднократно рассказывал о различных абверовских приемах вербовки. Приемов было множество. Так, намеченный объект в лагере изводили в течение нескольких дней наказаниями, доводили до отупения, одури: бесконечные приседания, стояние по команде «смирно» и т. д. Затем пленного бросали в бетонный гроб — камеру штрафного

блока, где нельзя было ни присесть, ни прилечь, только стоять.

И вот тут-то, когда муки становились нестерпимыми, когда исчезала последняя надежда на спасение, начиналось главное действие заранее задуманного, давно отработанного спектакля. Жертву извлекали с того света, из гроба, мыли, отпаивали, кормили, вывозили к женщинам и ставили перед выбором: мучительное умирание в гробу или роскошная жизнь. Плата известная — измена Родине. Многие, очень многие предпочитали камеру, гроб. Когда становилось невмочь, бросались на проволоку под током, под огонь пулеметов. Были и такие, которые сознательно шли в немецкую разведку с единственной целью — перейти к своим.

Гость из Берлина на экзамене порой морщился, словно от зубной боли, не скрывал своего недовольства демонстрируемым материалом. Экзамены растянулись на четыре дня. За это время Комахов дважды по поручению майора ездил к Отману. Отман отправил в служебную командировку Грозу, и зашифрованные донесения Молнии вскоре оказались в моей командирской землянке:

«Павлову. Личным осведомителем Молния, Скавина школа 202, курсы контрразведки. Обучается 70 немцев, власовцев для заброски в советский тыл, разбиты на группы по 10 человек. Каждая группа имеет рацию. Днями кончат обучение. Действие группы рассчитано в районах размещения бандеровцев. Задача: разведка и руководство диверсионной работой бандеровцев. Голос».

Радиограмма ушла в эфир, но мысль вновь и вновь возвращалась к Скавину, к воспитанникам шпионской школы. Как обезвредить предателей, оборотней, своевременно вырвать у них ядовитое жало? И помочь другим, что, может быть, еще важнее, вновь обрести себя, Родину? Взорвать изнутри змеиное гнездо? Как?

А что, если с помощью Молнии подсунуть берлинскому гостю нашего человека? Пусть сами немцы и перебрасывают «агента» через линию фронта.

На рассвете мне принесли ответную радиограмму:

«Голосу. Предложите Правдивому, Молнии немедленно направить к нам своего доверенного из агентов, подготовленных школой Скавина для шпионажа, и через него сообщите:

а) подробно о шпионах в тылу и частях Красной Армии,

б) о подготовленных агентах, кто они, где живут, кто хозяева

квартир. Пароль для перехода «Доставьте меня к Киевскому». Павлов».

Успех операции во многом зависел от Комахова. И Молния, надо отдать ему должное, в Скавине потрудился немало. Он с разрешения майора взвалил на себя всю неблагодарную, черную канцелярскую работу. По ночам, когда берлинский гость отдыхал, тщательно просматривал дела курсантов. Утром, после завтрака, во время очередного доклада давал лаконичные, четкие характеристики экзаменующимся, вместе с герром майором уточнял конечные пункты высадки отдельных агентов. Он проделал немалую работу для нас, шифруя на клочках папиросной бумаги имена предателей, их будущие маршруты, адреса явочных квартир. Этим донесением, фотографиями курсантов и другими ценнейшими документами мы снабдили «агента».

Комахов, воспользовавшись отличным расположением духа берлинского гостя, под занавес предложил для отправки в тыл «своего», особо доверенного человека. По мнению Комахова, этот человек мог бы уже на советской земле осуществить слежку за агентами, вызывающими подозрение. Подозрение же у майора — и тут не обошлось без влияния Молнии — вызывали все. «Я и себе, — мрачно шутил майор, — верю только раз в году». Майор обратился к Отману. Правдивый, предупрежденный Алексеем, подтвердил отличную характеристику особо доверенному агенту: почтителен, смышлен, хладнокровен, проверен на акциях и карательных экспедициях.

«Агент» оказался на высоте и на экзамене, устроенном майором. Его отправили на Восток с последней группой.

Город должен жить

Во второй половине декабря работа нашей группы осложнилась. Острее ощущались — нас стало почти в восемь раз больше — перебои с продуктами. Наш Абдулла (Саша) хитрил, делил дневную норму крупы, жиров, мяса на два, а то и три дня. И все же припасы были на исходе. Главное, не хватало патронов, гранат, взрывчатки. Мы радировали Павлову:

«17. XII.44 г. Обстановка исключительно тяжелая, немцы проводят облавы в крупных масштабах большими силами в районе Кракова. Убедительно прошу быстрее выслать груз. От этого теперь зависит наша работа и судьба. Неужели снова будете медлить? Слушайте нас с 20 до 22. Голос».

Было трудно. Чертовски трудно. Однако круг нашей деятельности расширялся: агентурная разведка, привлечение новых людей, разведка боем, диверсии.

Тут мы узнали такое, что внесло серьезные изменения в наши планы. Стояли мы тогда под Козлувкой, в тридцати пяти километрах от Кракова. День начался удачно. Утром из отряда Гардого — там уже знали о наших бедах — прибыла в сопровождении Яна Новака и двух партизан повозка с провизией. «Капитану Михайлову от пана поручика». Мешок муки, полмешка картошки, баранья тушка. Абдулла повеселел: запахло настоящей едой. А тут еще Ян развеселил всех очередной выходкой. Осмотрел наших больных, поменял повязку раненому Андрею, попрощался со мной. Стал собираться в обратный путь: в отряде Гардого его тоже ждали раненые. Идет к повозке, а навстречу ему наша неразлучная троица: Близняков, Отченашев, Ростопшин. Обрадовались:

— Здоров, Ян!

— Как поживает пан студент-доктор?

— Партизанскому эскулапу физкульт-привет!

— Приветствую вас, о доблестные Панове мушкетеры, — отвечает Новак в тон троице. — А заодно послушайте, коханы, одну притчу.

Шел по дороге старец. Ему навстречу три молодых человека. Говорят они старцу, прямо как по Библии шпарят:

«Приветствую вас, пан Авраам!»,

«Что слышно, пан Исаак?»,

«Как поживаете, пан Иаков?».

Молодые люди, очень довольные своей шуткой,

расхохотались. Старец и глазом не моргнул, спокойненько отвечает:

«Я не Авраам, не Исаак и не Иаков. Я сын старого Адама, у которого на днях пропали три осла. О, какое счастье, что я наконец встретил их!».

Наши мушкетеры ничуть не обиделись на Яна. Давно уже привыкли к его шуткам, притчам. В этот день они раз пять разыгрывали в лицах «сцену с Янеком». И неизменно вызывали гомерический хохот.

После обеда неожиданно, не в свой день появилась в сопровождении Метека Валерия. Я никогда раньше — ни до, ни после — не видел ее такой. Лицо бледное — ни кровинки, в глазах — тревога, боль, надежда.

— Капитан Михайлов, — сказала она, когда мы остались одни в командирской землянке, — я принесла вам чрезвычайно важное сообщение. Товарищ Михал просил передать на словах: над городом нависла беда. Краков может погибнуть, есть неопровержимые доказательства преступных намерений оккупантов.

…Мы и раньше кое о чем догадывались. Увы, наши худшие предположения подтвердились.

— Как сообщают наши люди, — продолжала Валя, — работа в городе ведется солдатами специальных команд днем и ночью. На перекрестках улиц, на центральных площадях строятся бетонные бункеры. Подпольщики насчитали на улицах Кракова двести сорок железобетонных столбов, вкопанных в последние дни. Достаточно свалить их, чтобы они превратились в противотанковые заслоны. В закрытых машинах подвозится динамит. Вес взрывчатки порой превышает несколько тонн. Динамит закладывается под фундамент старинных зданий.

Они, капитан Михайлов, задумали такое, от чего кровь стынет в жилах. Город буквально начинен взрывчаткой.

Называла объект за объектом: Вавель, Сукеницы, университет, «Дом под баранами», банки на улице Баштовой и на улице Яна, театр Словацкого.

— Краков для нас, капитан Михайлов, — это не просто город. И даже не только «глава и матерь» отечества, как говорят наши историки, не только «польские Афины», это душа Польши, ее живая история.

Я вспомнил полученное недавно сообщение Грозы. Партизаны Армии Людовой, державшие под своим контролем железную дорогу и шоссе Краков — Катовице, доложили Зайонцу: от конечной трамвайной остановки (Броновице) в западном направлении справа от шоссе роется глубокий ров. Все работы —

ни одного поляка к ним не допускают — ведутся исключительно организацией «Тодт». Для каких целей?

Я попросил тогда Грозу усилить наблюдение за ходом работ. Теперь через Валерию Алексей и Зайонц сообщали: на дне рва почти полутораметровой глубины гитлеровцы укладывали кабель диаметром четыре сантиметра. Уложенные участки кабеля тут же засыпались. Видимо, немцы старались сохранить все в тайне.

Немцы дотянули кабель до места, откуда шла дорога к Ойцуву. Рядом стояли крестьянские домики. В одном из них жил знакомый Прысака-Музыканта. Однажды повалил снег с дождем. Случилось так, что во время перерыва на обед немцы вошли в дом этого крестьянина погреться. Хозяин, предупрежденный Музыкантом, пытался завести с ними разговор о рве и кабеле. В первый раз ничего не получилось. Немцы пришли и на второй день. По совету Прысака хозяин угостил «гостей» самогоном-первачком. Выпили. Закусили. Понравилось. Приглашение прийти и погреться в непогоду приняли с большой охотой.

Холод не унимался. Подпольщики снабдили хозяев бутылью самогона. Попросили добра этого не жалеть. Клюнуло. Немцы из организации «Тодт» снова зашли в приглянувшийся им домик. Стопки наполнялись беспрерывно, «гости» захмелели, развеселились. Хозяин, как было договорено, жестами, на ломаном немецком дал им понять: в Краков скоро войдут русские, а он, дескать, боится Советов.

— Онайн! — крикнул один из них. — Вр-р-р-рум! — Он вскинул вверх руки и вытаращил глаза.

Что это могло означать, догадаться было нетрудно: взрыв. Взлетит, мол, город в воздух вместе с русским Иваном.

Тонны динамита под Вавелем, университетом, Сукеницами и этот таинственный кабель — звенья одной цепи. В эту цепь нанизывалось еще одно звено: донесение Правдивого. В форте Пастернак, сообщал он, расположен подрывной пункт. От форта прокладывается кабель. Кабель, за которым наблюдали Алексей и наши польские друзья, протягивается навстречу ему, по направлению к Пастернаку — пригороду Кракова. Кольцо замыкалось.

— Немцы продолжают копать — товарищ Михал просил передать вам это: они продолжают копать.

…Валерия обычно не задерживалась у нас. Такая служба у связных: с дороги в дорогу.

Но на этот раз я упросил ее остаться. Валя — это нетрудно было заметить — очень нуждалась в отдыхе, а мне надо было еще и еще обдумать тревожное сообщение, собраться с мыслями.

Пришел Абдулла. Принес прямо-таки царский ужин: плов из

баранины, поджаренную до хруста картошку. Видно, очень хотелось ему сделать что-то приятное для нашей Вали. Я ненадолго оставил ее. А когда возвратился минут через пять, то застал следующую картину: еда нетронутая, Валя как сидела, так и застыла с вилкой в руке. Сморил сон. Я укрыл ее кожаной курткой. Приказал часовому не будить, не тревожить связную до утра. Сам перебрался к Евсею Близнякову, улегся на нары. В соседней землянке тихо запели:

Дивлюсь я на небо,
Тай думку гадаю.
Чому я не сокт,
Чому не лггаю?

Я узнал голоса Комара и Груши. Видно, взгрустнулось нашим девчатам. И вкладывали они в знакомые слова песни свой, особый смысл. Вскоре присоединился к ним юношеский тенор. Девчата замолкли. Метек, это был он, затянул какую-то незнакомую песню. Напрягая слух, я стал различать отдельные слова, строки. Партизанская. Рожденная войной. Их много знал Метек.

Сегодня, говорилось в песне, я прийти к тебе не могу. Ухожу в ночь и мрак. Не выглядывай меня в окно. Не ищи меня во мгле. Я ухожу сегодня в лес. Я больше сидеть так не могу. Там ждет меня братва лесная… Так пел Метек.

Я слушал и думал о своем, вспоминая дневной наш разговор, слово за словом, интонацию, взволнованный голос, жесты. Валерия говорила о городе, как говорят о живом человеке. Очень родном и близком человеке, которому угрожает смертельная опасность. Ее тревога передалась и мне.

Вслед за ней я шел по улицам и площадям, где прошло ее детство, где многие мои польские друзья встретили свою боевую молодость. Сон окончательно оставил меня. Я вышел из землянки. Широко вдохнул морозный горный воздух.

Ночь была лунная, безоблачная. Зеленые звезды стыли над Бескидами. Внизу одиноко вспыхивали огоньки. Напряженно вглядывался в ночь, пытаясь рассмотреть смутные очертания Кракова. И тут на какой-то миг я увидел то, что запечатлелось подсознательно после побега из Тандеты.

Читатель, вероятно, помнит: ночь я провел тогда в кустах сирени, за монастырской оградой. Как мы уточнили потом по карте, это был Белянский монастырь, расположенный на холме, на левом берегу Вислы, в пяти-шести километрах от Кракова.

Меня разбудило солнце. Много рассветов встречал я потом в дороге, в горах, в лесу, в чистом поле, но такой, как в то утро,

редко выпадал на мою долю.

Августовский воздух был чист и прозрачен. Ни выстрелов, ни пожаров. Ничто не напоминало о войне. Необычная, мирная тишина. Город лежал внизу как на ладони. Красная черепица крыш пылала на солнце. Четко выделялся в зеленом полукольце Плянт, бульваров, старый Краков: массив готического Мариацкого костела с высокими башнями, мощная громада Сукениц, ратуша, устремленная ввысь, стрельчатые крыши Ягеллонского университета, огромная квадратная рыночная площадь, от которой отходили в разные стороны прямые широкие улицы с поперечными переулками и кольцевой магистралью. Кафедральный собор и королевский замок на Вавельском холме казались совсем близкими, поднятыми богатырской рукой над Вислой, над городом.

Все это запечатлелось мгновенно, будто на негативной пленке. Тогда не до красот было. Сообщение друзей, рассказ Валерии, ее тревога подействовали как проявитель. И город — такой, каким я увидел его с Белянского холма, — ожил, вошел в мое сердце.

Как обманчива тишина на войне. Ночь ли, рассвет ли взорвутся от грохота и боли. И с городом повторится то, что уже было с Киевом, Варшавой, с многими городами за эту войну.

Понадобились века, сотни тысяч, миллионы рук, труд и пот народа, гений зодчего, чтобы поднялся над Вислой этот город. И достаточно нескольких дней, часов, даже минут, злой воли какого-нибудь фюрера и слепого рвения преступных исполнителей, чтобы все превратилось в пепел.

…Сладковатый чад поплывет над пепелищами, с каменным однообразием потянутся пустоглазые коробки, угловатые остатки взорванных, сожженных, разрушенных зданий.

Так может быть.

Так не должно быть.

Город должен жить.

Возвратился в землянку. При тусклом свете трофейного фонарика стал писать шифрованные письма Алексею и Михалу.

На рассвете Валерия и Метек ушли в город.

Курт Пвквль

Тревожное предупреждение наших польских друзей подтверждалось сообщениями Правдивого, Молнии. С августа планомерно готовилось уничтожение Кракова. Навязать наступающим частям Советской Армии уличные бои, завлечь в мышеловку, начиненную многими тоннами аммонала, и взорвать город — таков был план гитлеровского командования.

В своих радиограммах Центр просил сообщить характер и систему вражеских укреплений Кракова. Мне тогда, естественно, неизвестны были дальние, стратегические замыслы командования, но чувствовалось: назревают большие события.

Бросилась в глаза новая тактика генерал-губернатора Польши Ганса Франка.

— Что-то уж очень подозрительно, — делился своими опасениями Алексей, — заигрывание палача со своими жертвами. Старая политика кнута и пряника. Этакое представление «Кот и мыши».

С одной стороны, усиливаются репрессии, облавы, на улицах хватают людей, бросают в тюрьму, трудовые лагеря. С другой — приемы в Вавельском королевском замке. На эти приемы впервые демонстративно приглашаются поляки — представители местной администрации и интеллигенции. Франк выступает на этих приемах в роли отца-благодетеля, заступника польского народа, призывает поляков оказывать всемерную помощь «несчастным» беженцам из сожженной Варшавы, запугивает «большевистским нашествием» и обещает отстоять европейский древний город от «диких орд Востока».

В подтверждение Алексей притащил целый ворох газет. «Ганец Краковский» широко освещал приемы в резиденции генерал-губернатора, его речи, призывы, запугивания, заклинания.

Мы с Алексеем пришли к тому же выводу, что и польские наши товарищи: Франк и его администрация, помимо прочих целей, пытаются усыпить бдительность местного населения, до последней минуты скрывая в строжайшей тайне план уничтожения города.

Что могло спасти Краков? Только стремительность, могучий и точный удар по врагу, исключающий изнурительные, опасные для города уличные бои. Но для этого надо было знать, и знать точно, все уязвимые участки обороны, заполучить детальный план минирования города.

Алексей возвратился в Краков. Вскоре пришло от него новое тревожное сообщение:

«Противник сильно укрепляет Краков. Замурованы окна первого этажа главпочтамта. В остальных — амбразуры, оборудован дот… Оборонительные работы ведутся днем и ночью».

Мы радировали в Центр:

«Павлову. Один пьяный немецкий офицер сообщил Зайонцу: Краков, от улицы Смоча до Вислы построен небольшой тайный аэродром, из которого в случае опасности можно будет эвакуировать комсостав. Голос».

Аэродром готовился, как мы вскоре выяснили, для самого генерал-губернатора и его камарильи.

В середине декабря мы получили из штаба фронта задание особой важности:

«Установите точную численность войск и нумерацию частей в Кракове. Сообщайте о каждой новой части, прибывающей в город.

Точно установите расположение артпозиции, танков, пехоты, все мероприятия немцев по обороне Краковского района.

Данные молнируйте».

«Все мероприятия по обороне…» Вновь и вновь просматривал я последние донесения.

«В Кракове, на Гердерштрассе, 11, — сообщал Зайонц, — расквартирован личный состав первой эскадрильи 77-й эскадры бомбардировщиков — около двухсот человек. Аэродром эскадрильи — в Раковице. Штаб 8-го летного корпуса — в Витковице».

Алексей подтверждал наши предварительные данные о строительстве дотов в районе электростанции. Отман уточнял:

«Командует обороной Кракова генерал-ортскомендант Китель. Гарнизон — три дивизии».

Отсеять второстепенное, сверить данные из разных источников, проанализировать, сжать донесения в скупые строки радиограмм — я уже находил вкус в этой черновой, несколько однообразной, повторяющейся изо дня в день работе.

Центр не выпускал нас из виду ни на день, чутко реагировал на деятельность группы.

«Ваши данные, — говорилось в одной из радиограмм, — исключительно ценные. Всеми силами сосредоточьте внимание на оборонительных обводах Кракова и инженерных сооружениях вдоль левого берега Вислы».

Все сводилось к одной, теперь главной для нас задаче. Нужна цельная картина обороны Кракова. А ее у нас не было.

Тут я получил записку Алексея:

«Инженерная часть укрепрайона дислоцируется в селе Рачеховице. Командует ею генерал-майор».

Генерал-майор… Ему-то наверняка известен если не весь план, то уж, во всяком случае, часть плана укрепрайона. А что, если?..

Я — к Гардому, командиру польского отряда. Ему мой план вначале показался фантастичным. Однако обещал все разведать. С польским связным Метеком пошел Митя-Цыган. На третий день группа возвратилась. Цыган доложил обстановку. В Рачеховице полным-полно немцев. За селом, в лесу, расположилась танковая часть. «Наш генерал-майор уже с месяц живет в доме одной польской семьи. Точнее, польско-украинской. Хозяйка сама родом из Тернополя, родной язык помнит, германа ненавидит. Генерал часто бывает в разъездах. Его ахиллесова пята — хозяйская дочка».

— Красна, пся крев, як та крулевна польова, — коротко охарактеризовал ее Метек.

Родной дядя этой «крулевны», вскружившей голову генералу, оказался связным польских партизан. Люди Гардого установили с ним контакт. Постепенно начал вырисовываться план операции. Вызвались на опасное дело Евсей Близняков, неразлучные друзья-танкисты Дмитрий Ильенко и Семен Ростопшин. Все они должны были появиться в Рачеховице как земляки хозяйки, беженцы-полицаи. Обжиться, примелькаться. Главная роль отводилась дяде. Ему поручили деликатно объясниться со всеми героями предстоящей «премьеры», за исключением, конечно, «жениха» — генерала. Сошлись на следующем. Евсей Близняков и Семен Ростопшин ночью бесшумно снимают часового. «Жениха» и «невесту» вместе с хозяевами «умыкают», увозят в неизвестном направлении. Таким образом, и овцы останутся целы (семье было обещано надежное убежище в горах), и волк окажется в капкане.

Увы, самые идеальные планы не всегда сбываются, порой проваливаются из-за пустяка или непредвиденного случая. По соседству с Рачеховице неожиданно появился крупный отряд Армии Крайовой. Нашего «жениха» — генерала, когда он возвращался из служебной поездки, обстреляли. Он отделался легким испугом, но стал осторожней, затребовал в свое распоряжение бронеавтомобиль. Утроил охрану. У дома появился бронетранспортер. Отченашев — связной группы — однажды утром неожиданно появился в моей землянке. Доложил обстановку:

— Так и так: с «женихом» дело швах. Но вы, товарищ капитан, не сумлевайтесь: не выходит с журавлем — возьмем синицу. Есть у нас один ученый майор на примете. Главный инженер укрепрайона.

Я подумал и дал добро. Через несколько дней мы радировали Центру:

«Павлову. Нами взят в плен инженер немец Курт Пекель. Он руководит участком строительства укреплений в 6 км от Кракова по направлению Варшавы. Его показания будут переданы. Голос».

Рассказ Евсея Близнякова о том, как брали майора Курта Пекеля, я записал сразу после выхода из вражеского тыла. Привожу эту запись с небольшими сокращениями.

«…Трое суток следили мы за «нашим» инженером. Уточнили его маршрут, режим дня, привычки. Пекель — большой любитель шнапса во всех видах, польской кухни и слабого пола — ежедневно с часу до двух отдыхал и развлекался в доме одной разбитной вдовушки. Майор — птица стреляная, из осторожных. Уходит, приходит среди бела дня, когда улицы забиты солдатами. Правда, хата вдовушки стоит особняком, на самом краю села — отделена от других домов небольшой рощицей.

Бродим по селу постоянно втроем. Я, Митя-Цыган, Семен Ростопшин. Навеселе. Местные жители на нас косятся: не то беглые полицаи, не то бандеровцы. Митя — с аккордеоном. На нас шляпы, плащи. Из карманов выглядывают бутылки. Гуляем, горланим песни. Нам что — море по колено.

Вот и рощица. Расстелили плащи. Расставили бутылки, закуску. Разлеглись. Ждем. Наконец-то… Наш толстячок. Роста среднего. Белобрысый. Маленькие глазки блестят, предвкушают удовольствие. Заметил нас. Насторожился. Смотрим: улыбается. А нам тоже улыбок не жалко.

Встали вразвалку, окружили:

— Шнапс битте, тринкен. Выпьем, герр майор, за компанию.

Замахал руками: дескать, данке шен, некогда.

Митя, вежливо так, пистолет майору под бок. Я бутылку в зубы. Вылили мы в борова поллитра первосортного шнапса: чего не сделаешь для хорошего человека. Подействовало. Смотрит осовелыми глазками, шатается. Мы на его мундир плащ накинули, натянули шляпу на самые глаза. Добавили еще стакан. В лесу нас ждал Отченашев с повозкой. Майор было пришел в себя, закричал. Мы ему кляп в зубы, легонько, чтоб не задохнулся. Он у нас, миленький, на мягком сене сразу захрапел.

Так и довезли. Принимайте гостя дорогого, товарищ капитан».

Гость оказался действительно дорогим, с богатой начинкой.

При обыске мы обнаружили у него билет члена нацистской партии за № 10340, выданный владельцу в 1925 году. Билет в красной обложке со свастикой, с тиснеными буквами.

В моей землянке Пекель, окончательно протрезвев, сразу сообразил, что к чему. Заявил, что как старый партейгеноссе он по билету с таким номером имел право беспрепятственного входа в рейхсканцелярию самого фюрера и в резиденцию генерал-губернатора.

— Мы сидели с Гансом Франком за одним столом. И это такая же правда, как и то, что я стою перед вами.

Я разложил перед Пекелем карту.

— Нам нужен план оборонительных сооружений укрепрайона. Весь план. И по возможности с мельчайшими деталями. Не думайте ссылаться на забывчивость и слабую память. Все будет перепроверено нашими людьми. За каждый объект, господин майор, отвечаете головой. Только добросовестная работа гарантирует вам жизнь. При первой возможности перебросим вас в Москву.

Пекель склонил свой стриженый ежик в знак согласия. Попросил глоток шнапса и чашку кофе для окончательного похмелья. Мы предоставили ему и то, и другое. Пекель до самого ужина просидел над картой, не разгибая спины.

«Павлову. Пленный Курт Пекель показывает: в сентябре 1944 г. бывший командующий Краковским гарнизоном генерал-лейтенант Китель издал приказ и инструкцию в части строительства оборонительных сооружений района Кракова. Общее название системы сооружения «Группен систем». Бункер на 10 солдат квадратного сечения 4 на 4, глубина 3 м 60 см. Голос».

«Павлову. Продолжение.

Выше уровня поверх на бункер насыпается земля, 25–30 см, тщательно маскируется соответственно местности. Кроме настоящих бункеров, насыпаны кучи земли, плохо замаскированы с целью дезинформации артиллерии. От бункера в сторону ров глубиной 1,8 м, ширина 80 см, расчленяется подобно оленьему рогу, на 2–3 концах которого пулеметные гнезда. Бункера окружены проволокой со всех сторон на 30 м, среднее расстояние между бункерами 200 м. Много бункеров в жилых домах, сараях. На шоссейных дорогах строят бетонные столбы высотой 3–5 м, в диаметре 1,5 м. Их ставят с обеих сторон дороги и минируют, в случае приближения противника заваливают дороги. Голос».

Это были самые горячие дни для Ольги. Она передавала Центру план оборонительных сооружений по квадратам. Центр в течение нескольких дней запрашивал уточнения на отдельных участках, особенно на тех, где противником сооружались мнимые бункеры с целью дезинформации артиллерии.

В лагере все привыкли к майору. В первые дни на правах военнопленного он щеголял в своем мундире с Железным крестом. Затем Пекель выпросил у Семена Ростопшина телогрейку. И сам вызвался помогать повару Абдулле, проявив при этом немалые кулинарные способности.

Курт Пекель, кроме уже известных присущих ему слабостей, обладал еще одной: любил поговорить, удариться в воспоминания. А вспоминать старому партейгеноссе было что. Съезды, сборища в Нюрнберге, ночные шествия с факелами, исступленное, завораживающее лицо фюрера.

— Я верил в него как в бога, даже больше. А бог оказался дьяволом. И я даже рад, что война для меня так неожиданно кончилась. Готт, майн готт! Теперь я почти уверен, что снова увижу свой родной Магдебург, майне либе фрау, киндер.

Впрочем, старший сын Пекеля, офицер танковых войск, по его словам, пропал без вести «где-то под Ростовом».

«Война не приносит никакой радости», — твердил майор.

Не знаю, что его толкало на подобные откровения. Теперь он всю верхушку, всех гитлеровских бонз называл «грязной, вонючей бандой».

Многие из его партейгеноссен, как и он, начинали простыми штурмовиками, рядовыми функционерами фашистской партии, но далеко обошли его по служебной лестнице.

— Толстый Герман — этот кокаинист — стал рейхсмаршалом, вторым лицом в государстве.

А гауляйтер Франконии оказался напоследок подонком, растлителем малолетних арийских девушек. Пошли жалобы. И кому, подумайте только, Гитлер поручил разбор этого дела? Герману Герингу — этому жирному борову, этой грязной свинье в рейхсмаршальском мундире.

Я и Франка знал в молодости. Продувная бестия. В двадцать третьем, когда судили фюрера за мюнхенский путч, Ганс взял на себя защиту Адольфа. И не прогадал на этом дельце. Фюрер умел ценить такие заслуги. Безвестный адвокатишка стал рейхслейтером партии по правовым вопросам, президентом германской Академии права. Затем — имперский министр юстиции, генерал-губернатор Польши. И подумать только, в двадцать седьмом году на съезде партии мы с ним сидели на

одной скамье, пили пиво, можно сказать, из одной кружки.

Я тут, в Польше, почти всю войну провел. Все строил: казармы, лагеря, укрепления. Я — солдат, мое дело маленькое: бефель — приказ — и никаких возражений. Генерал-губернатора видел и в Варшаве, и в Вавеле, и в Кшешовице. Зазнался. Сначала, бестия, не узнал своего партейгеноссе. В июле, не то в августе 1943 года — уже после Сталинграда и Курской дуги — вызвал нас, старых функционеров, в Краков на тайное совещание. Тут Франк сам ко мне подошел, пожал руку, похлопал по плечу, вспомнил старые, добрые времена: «Ничего, дружище, пока к нам русские Иваны доберутся, мы из этих поляшек фарш наделаем». Вот какие речи произносил Франк. Теперь с поляками заигрывает, а Краков, выполняя приказ фюрера, начинил взрывчаткой, как колбасную кишку фаршем. В плену этот адвокатишка будет юлить, хныкать, валить все на фюрера, на гестапо. Я его подлую натуру знаю. — И майор Пекель, несколько похудевший за последние дни, в старой кацавейке, снова склонял свой седой ежик над картой. Что-то по нашим требованиям уточнял, наносил по данным наших разведчиков схему минирования.

План «Группен систем» — линии оборонительных сооружений Краковского района, — набросанный майором Пекелем, выборочно, по квадратам, тщательно проверялся нашими разведчиками и людьми Зайонца. Проверка от РО фронта шла и по другим линиям. Все подтверждалось. Под Новый год мы получили благодарность Центра.

* * *

Новый, сорок пятый год группа наша встречала шумно, весело. Евсей Близняков со своими хлопцами накануне совершил удачный налет на обоз гитлеровцев. Захватили колбасу, сало, бочонок меда, какие-то итальянские кубики — грибные супы, ящик с ромом. Гардый передал охотничьи трофеи: дикого кабана, косулю. Через Метека до нас дошли рождественские подарки Волка — молодого Скомского. Сашка-Абдулла, наши девчата старались вовсю. В полночь самодельные столы во времянках ломились от яств.

В командирской землянке народу набилось много. Прижавшись плечом друг к другу, сидели Гроза и наша дорогая гостья из Кракова — бесстрашная Валерия, Ольга-Комар, Ася-Груша, поручик Гардый, его боец Рыжий — бывший узник Бухенвальда, партизанский доктор Ян Новак и его сияющая половина — Ингибора, друзья-мушкетеры Митя-Цыган и Семен

Ростопшин. В полночь в землянку ворвался праздничный гул Красной площади, мелодично и торжественно ударили куранты. Я встал, поднял кружку (на эту ночь мы отменили сухой закон).

— Товарищи, друзья! С Новым годом! Выпьем за нашу дорогую Родину, за новую, свободную Польшу, за Победу!

«Козлувска валька»

Как-то польские друзья переслали мне еще пахнущий типографской краской журнал «За вольносць и люд». Журнал — исторический. Из номера в номер ведется в нем беспристрастный (только факты) рассказ о различных этапах борьбы против фашизма за вольную, социалистическую Польшу. Есть что-то в сообщениях, в самом стиле журнала от хорошо памятных сводок военных лет — «от Информбюро».

Впрочем, пусть судит об этом сам читатель.

«В Бескидах и на Подгалье. Козлувска валька (битва в Козлувке).

Дальше на северо-запад располагался 2-й большой партизанский район.

Действовали там: отряд имени Варыньского под командованием Тадека (тов. Григорчик), батальон Армии Крайовой под командованием Гардого (Герард Возница), советский отряд под командованием подполковника Калиновского и советская десантная группа капитана Михайлова (Е. Березняк).

Одно из самых тяжких испытаний выпало на долю батальона Гардого и группы капитана Михайлова.

10 января 1945 года значительные силы немцев окружили большой лесной массив и сначала небольшими силами начали испытывать силы партизан. Командиры партизанских отрядов и групп поддерживали постоянные контакты. Партизанские дозоры несколько раз завязывали перестрелку с немцами и не позволяли им проникнуть в глубину леса.

Ночью вышел из окружения отряд имени Варыньского (Тадека), а 12 января немцы начали наступление со стороны Гарбутовице. В нескольких местах немцам удалось прорвать оборону партизан, они ворвались в расположение отряда Гардого и советской группы Михайлова (Березняка).

Гардому и Михайлову пришлось организовать круговую оборону. В этом бою особенно отличилась советская группа под командованием капитана Михайлова.

Немцы потеряли 92 убитыми, 120 ранеными».

Мне эта страница напомнила самый счастливый и самый драматический день для группы «Голос».

В ночь на 12 января мы с Гардым проверяли усиленные дальние дозоры. Тогда нам еще не было известно, что весь огромный лесной массив Подгалья окружен плотным кольцом гитлеровцев, но «гостей» мы ждали.

В начале января Павлов настойчиво предупреждал:

«По имеющимся данным, гитлеровцы готовят карательную экспедицию против партизан в районе Кракова. Примите меры предосторожности».

О скоплении карателей в районе Бескид сообщил и Гроза. «Гостей» мы ждали на рассвете.

Но ночь и рассвет прошли спокойно. Мы с Гардым сняли дальние дозоры. Выставили ближние. Я забрался в свою землянку. Приказал разбудить в 14.00, с наслаждением растянулся на нарах и тут же уснул, словно провалился.

— Товарищ капитан, товарищ капитан! — слышу сквозь сон ликующий голос Близнякова. Открываю глаза: у Евсея счастливая улыбка до ушей. — Началось, — говорит, — товарищ капитан! Началось. Только что Ольга приняла радиограмму: войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление.

Мы — на «улицу». Хлопцы обнимаются, смеются, пляшут. Пахнет чем-то вкусным. Абдулла со своим подручным майором колдуют над котлом. Рядом Митя-Цыган. Стоит, широко расставив пружинистые ноги. Щурится от ярких солнечных лучей и такого же яркого, ослепительного снега. Глаза у Мити — веселые, сияющие: праздник.

…Наступление. Все эти трудные недели, месяцы мы жили ожиданием, работали на этот день.

И у Гардого уже знают. От него связной:

— Пан поручик ждет с обедом «по случаю».

Возвращаюсь в землянку побриться. Неторопливо намыливаю щеку.

Граната рванула совсем рядом. Землянка вздрогнула от взрыва. Как был — с намыленной щекой — выскочил наружу.

— Ложись, капитан!

Падаю, чертыхаясь, в снег. Глубокий, рыхлый. Тут же залаял пулемет. По голосу узнаю — крупнокалиберный, «собака», как мы их называли.

Каратели поливают свинцом каждый метр. Место дислокации, хоть и неровное, покатое, простреливается со всех сторон. Пока спасают ели и буки. Но удержать окруженную

поляну вряд ли удастся. Немцы все ползут. Сколько их? Надо что-то предпринять. Не лежать же до тех пор, пока перебьют как щенят.

— Товарищ капитан, разрешите.

Это Ростопшин. С полуслова понимаем друг друга.

Сильным рывком Семен выбрасывает тело за бруствер траншеи, катится к дереву, затем, оставляя за собой глубокий след, ползет на частый, назойливый лай пулемета.

О том, что произошло в ближайшие минуты, Семен впоследствии рассказывал неохотно.

…Стало жарко. Снег набивался в рукава, таял. Нижняя рубашка прилипла к телу. Семен полз, не поднимая головы. Перевалил через бугорок, скатился в лощинку, начал подниматься наверх и вдруг замер. За буком прятался гитлеровец в маскхалате.

Немец вскинул автомат, но Семен опередил его, уложил первым выстрелом.

…Пулеметчик-эсэсовец — на снегу четко выделялась его офицерская кокарда — припал к пулемету. Лежал, широко раскинув ноги. Почуяв неладное, рывком обернулся. Выхватил пистолет.

Ростопшин поднялся и пошел на него, молчаливый и страшный.

— Иван, не стреляй!

— Не буду. Не буду, гад, не буду!

Ударил эсэсовца ножом.

…Я приказал всем сосредоточиться для прорыва, когда по цепи передали:

— Товарищ капитан, Ростопшин захватил пулемет. Бьет по флангу. Там дыра образовалась.

— Ильенко, Абдулла — к Ростопшину. Отченашев, предупредите Гардого. Не спускайте глаз с Пекеля. Рации — к выносу.

В бинокль хорошо видны перебегающие от дерева к дереву фигурки в белых маскхалатах. Хлопцы стреляют метко, берегут патроны. К тому же научены бить наверняка. Падают белые фигурки, но их не становится меньше. Зимний лес кишит карателями. Нахально лезут. Уверены: нам — крышка. Автоматные очереди с шипением вонзаются в снег. Сумеем ли продержаться до ночи?

А соседи — молодцы. Тоже не растерялись.

— Пан капитан, пан капитан! — горячий шепот рядом. Гардый. И как ему удалось проползти под таким плотным огнем? — Пан капитан. Товажиш Михайлов. Уходите с группой.

Мы вас прикроем.

Уходить! Другого выхода нет. Именно теперь, когда началось наступление, «Голос» особенно нужен Центру. Он не имеет права, не должен замолчать.

Обнимаю Гардого. Мы крепко подружились с ним за последние два месяца. А слов нет. Что можно сказать другу, готовому грудью заслонить тебя.

Гардый подсказал путь к отходу: еще выше, в горы, в труднодоступный для карателей, каменистый, изрезанный холмами район Бескид. Туда вела еле заметная, припорошенная свежим снежком тропа. Солнце спряталось за тучами. Это нам было на руку. Гитлеровцы продолжали поливать огнем позиции польского отряда и наш лагерь. Гардый с небольшой группой смельчаков отстреливался, каждый раз меняя позиции, перебегая из траншеи в траншею. А в это время его хлопаки уходили в брешь, пробитую Ростопшиным, вслед за бойцами нашей группы.

Поднялись на вершину. Сделали привал. Мне доложили, что потерь почти нет. Только исчез Курт Пекель и слегка ранен Семен Ростопшин.

— Где он?

— Здесь я, товарищ капитан, — ответил голос из темноты.

— Спасибо, Семен, выручил. Как рана?

— Та-ак, царапина. До свадьбы заживет. Вот, товарищ капитан, возьмите. На память о Козлувке.

На широкой ладони Ростопшина лежал именной, в белой костяной оправе «Вальтер-9».

Были жертвы и среди партизан. Как жил, так и умер — героем — наш Метек. «Телохранитель» Ольги, бессменный связной, Метислав Конек, прикрывая наш отход, держал оборону вместе с партизанами Гардого. Он навеки остался на одном из безымянных склонов Бескидских гор.

Хлеб — Варшаве

15 января нас застало в Явоже. Местные гурали встретили отряд как старых добрых знакомых. К вечеру подморозило. Я вышел во двор. С востока глухо докатывался гул артиллерийского боя. И не заметил, как рядом вырос Евсей Близняков.

— Товарищ капитан, товарищ капитан! Ольга зовет. Говорит: важное сообщение.

Я — в хату. Ольга сияет: вести хорошие. Протянула наушники. Я сразу узнал чеканный, торжествующий голос Левитана. Освобождена Варшава. Наушники наполнились грохотом, праздничными залпами, Москва салютовала Варшаве, солдатам-освободителям. В тот же вечер Ольге удалось поймать

Киев.

Обращение Совета Народных Комиссаров Украины Президенту Крайовой Национальной Рады Болеславу Беруту мне показалось настолько важным для пропагандистской работы, для наших дальнейших контактов с местным населением, что я записал его в свой блокнот. Привожу это обращение по своей записи.

«Просим принять сердечное поздравление от украинского народа, который вместе с польским народом торжествует по поводу освобождения славной столицы Польши — Варшавы.

Мы счастливы, что наша Красная Армия вместе с Польским Войском почти полностью освободила польскую землю от немецко-фашистских захватчиков.

Приближается день, когда знамя свободы заалеет над всей польской землей… Вборьбе и страданиях этой войны славянские народы ясно поняли, что, объединенные вместе, они всегда будут неодолимым препятствием для немецко-фашистских захватчиков, которые стремились поработить всех славян и уничтожить их.

Украинский народ в тяжелый период немецкой оккупации особенно хорошо понимает страдания братьев поляков, на протяжении пяти лет пребывавших под ярмом немецко-фашистских захватчиков.

Выражением нашего сочувствия благородному делу возрождения свободной, независимой, демократической Польши, залогом укрепления искренних, дружеских отношений между польским и украинским народами пусть станет наш скромный дар героическому населению Варшавы, а именно: 900 тысяч пудов зерна, 9 тысяч пудов подсолнечного масла, 6 тысяч пудов сахара, 300 пудов сухофруктов для детей.

Украинский народ с радостью несет польскому народу свой дар, который — пусть в малой мере — будет содействовать быстрейшему залечиванию ран, причиненных оккупантами, восстановлению Польши.

Пусть крепнет навсегда наша дружба!»

Я приказал собрать всю группу для политбеседы. Коротко передал сообщение Совинформбюро, поздравил разведчиков с освобождением Варшавы. Затем зачитал только что записанное сообщение Совета Народных Комиссаров Украины.

…900 тысяч пудов хлеба, 6 тысяч пудов сахара… Кто из нас не знал, как нужен был каждый пуд зерна, каждый килограмм сахара разоренной войной Украине. Так поступить мог только настоящий друг.

Я видел, как светлели лица Евсея, Мити-Цыгана, Отченашева. Да и как не гордиться такой Родиной, армией, несущей другим народам не гнет, а свободу, хлеб — голодающим, фрукты — детям.

Я знал, впереди бои не только с гитлеровцами, но и с националистическими бандами — заклятыми врагами новой Польши, Советского Союза, Красной Армии. И еще раз напомнил бойцам: каждым своим шагом, каждым действием, своим повседневным отношением к местным жителям нам следует показать, что мы — солдаты армии мира, армии Ленина, что мы пришли в Польшу как освободители, братья.

На рассвете мы оставили Явоже.

Последние дни

Из объяснительной записки РО фронта

«В начале января 1045 года я получил приказ Центра поручить Правдивому немедленно разведать гарнизон города Сосковец. С этой целью послал Правдивого и Грозу в город Сосковец.

…Наступление нашей армии застало их в Сосновце. Связь с ними я потерял. Как сообщил мне впоследствии Гроза, Правдивый вернулся из Сосновца в Кшешовице и сказал Грозе, что он поедет за женой и вместе с ней явится в нашу часть. Гроза сообщил ему пароль для явки. Вместе с Грозой до последнего времени был Молния. С ним Гроза расстался в Кшешовице. Молния, как предполагает Гроза, теперь находится в нашей контрразведке, скорее всего в 59-й армии. Голос».

Причудливы судьбы человеческие на войне. Так и затерялись следы Молнии. Все наши расспросы ни к чему не привели. Не исключено (Гроза, возможно, ошибся), что Молния, как и Курт Пекель, убит шальной пулей. Впрочем, с ним могли расправиться местные партизаны, и не подозревающие о его связях с нами.

А Правдивый? Жену свою он не застал в Кшешовице. Отмана задержали контрразведчики Белорусского фронта. Показания матерого абверовца прозвучали настолько фантастически, что в них в фронтовой спешке никто не поверил. Отмана, пока суть да дело, отправили на Урал в лагерь для военнопленных. А между тем его разыскивали. И не только мы.

В Белоруссии подразделение Отмана принимало участие в карательных операциях против наших партизан. Его судили в Минске как военного преступника, приговорили к длительному сроку заключения.

Несколько лет спустя, когда отыскались следы Отмана в одном из наших лагерей, я подтвердил показания Правдивого, его активное сотрудничество с группой «Голос». Советское правосудие, тщательно все взвесив, нашло возможным досрочно освободить Отмана из заключения.

Гроза встретился с советскими войсками в районе Санки. Его доставили в армейское отделение разведки. Обменялись паролями: Голос направляет меня к Павлову, Павлов принимает. Под вечер 19 января Алексей Шаповалов уже был в разведотделе штаба фронта.

Приступил к своим обязанностям секретарь Краковского городского комитета партии Юзеф Зайонц. Как-то на второй или

третий день освобождения в дверях его кабинета внезапно выросла знакомая фигура в новенькой шинели в лейтенантских погонах. Черные цыганские кудри. Улыбка до ушей.

— Алексей!

— Михаил!

Смотрели друг на друга, как люди, сбросившие с себя огромную тяжесть и ответственность.

А в это время наша группа, смешавшись с отступающими частями вермахта, все еще двигалась на запад, продолжая выполнять свою задачу.

«21.1. Павлову.

Наблюдением разведчиков моей группы 20.1 проследовало через Сулковице направление Вадовиц, через Будзув грузовых автомашин с живой силой 520, легковых 238, мотоциклов 113, танков 4, подвод 847, орудий 18. Разведчик группы застрелил немецкого солдата из числа ехавших в этом направлении Карла Гут, он принадлежал к 1085-му полку 545-й гренадерской дивизии. № 100 — Голос».

«21.1.1945 Г. Павлову.

Наблюдением с утра началось большое движение автотранспорта, подвод, пехоты Мысленице по шоссе через Стружа, Тшебуня, Бинькувка, Будзув. Движение через Сулковице, Гарбутовице продолжается. № 101 — Голос».

«21.1.1945 г. Ростопшин, Шиманский и я взяли в плен 9 немецких солдат, из них 2 обер-ефрейтора, все они приписаны к 344-й дивизии».

«21.1.1945 г. Житель села Гарбутовице Юзеф Каспак взял в плен радиста 59-го немецкого корпуса и привел его к нам».

Мы двигались в тот день по дороге, запруженной разбомбленной и просто брошенной немецкой техникой. Брошенной, пожалуй, было больше.

Орудия, броневики, перевернутые полуобгоревшие штабные машины. В кюветах — разбитые велосипеды. Встречались и целехонькие бронетранспортеры. То ли вышло горючее (где его добудешь в такой спешке), то ли замерзла вода, а отогревать ее некогда.

В Гарбутовице у деревенского студня — колодца — остановились на привал. Немцев в селе уже не было. Я — долой куртку, гимнастерку. Стою, по пояс обтираю себя снегом. Вдруг —

хохот, свист. Смотрю: дед, ростом маленький, седой как лунь, с бородой как у гнома. За ним мальчишки ведут мотоцикл. А впереди деда вышагивает с поднятыми руками долговязый верзила ефрейтор. Дед — ко мне:

— Прошу пана капитана принять шваба. А мне оставьте автомат и мотоцикл. В хозяйстве пригодится.

Из рассказа деда Каспака я понял следующее. Еще утром через село проходила колонна отступающих немцев. Ефрейтор — радист 59-го корпуса — драпал на мотоцикле. Заскочил во двор. Попросил напиться. Автомат повесил на руль мотоцикла. Дед когда-то служил в армии. На ходу оценил обстановку. Вынес из сеней глиняный кувшин, доверху наполненный домашним яблочным квасом. Ефрейтор жадно обхватил руками кувшин, припал к горлышку. Дед рванул автомат, наставил на «гостя»: «Хенде хох!».

Всю эту сценку дед раз пять продемонстрировал перед нами в лицах «на бис» под дружный хохот моих бойцов и деревенских мальчишек.

Ефрейтор бледнел, краснел, просил, чуть не плача, расстрелять, так как подобного позора немецкий ефрейтор пережить не может. Но мы вовсе не собирались его расстреливать. Показания радиста оказались весьма ценными и в тот же день были переданы.

«Павлову.

21.1 нами взято в плен 9 немецких солдат. Согласно их показаниям и документам все они принадлежали 374-й гренадерской дивизии. Эта дивизия сформирована в первых числах января в районе Тарнува из обслуживающего персонала аэродромов, выписанного из госпиталей. Солдаты мало обучены, деморализованы. Возраст от 17 до 55 лет. Командир дивизии полковник Лемперт. Дивизия занимала оборону под Тарнувом. Теперь разбитые ее части отступили на Краков через Бохню. № 102 — Голос».

К вечеру 22 января у нас было уже семнадцать пленных. Примерно столько, сколько людей осталось в нашей группе. Мы не знали точно, где, когда встретимся с нашими. Дороги, леса вокруг нас кишели отступающими немцами. Эта лавина могла подхватить нас, раздавить. По всем правилам древней игры надо было расстрелять пленных — балласт, опаснейший хвост при небольшой разведгруппе. Возможно, месяц назад я бы так и поступил. И немцы в первую минуту ждали смерти. Тоже, очевидно, понимая, что советским разведчикам некогда, просто

невозможно возиться с ними. Люди устали. Еле волочили ноги. Мы добрались до ближайшей поляны. Устроили привал. Пленные сбились в кучу, сидели, почесываясь, поеживаясь, с какими-то отрешенными лицами. Лишь один, постарше, отошел в сторонку, снял пропитанный потом мундир, рубашку. Аккуратно разостлал их на снегу, и снег за минуту посерел от паразитов. Насмотрелся за войну всякого, но на этот раз чуть не стошнило от такого нашествия. Подозвал бойцов.

— Возьми, Андрей, эту вшивую команду. За старшего пусть будет… этот.

Полчаса спустя на поляне запылал костер. Старший, видно, в этом деле был человеком опытным. По его команде пленные расселись вокруг огня. Разделись по пояс. И с каким-то остервенением, злорадством принялись уничтожать на своей одежде несметное «войско». Треск пошел по всему лесу. А когда наш Саша-Абдулла раздал пленным из отрядного НЗ по сухарю, по три кусочка сахара и котелку крепкого, настоянного на свекле чая, немцы совсем отошли, повеселели: раз поят чаем, да еще сладким, — расстреливать не будут.

Мы переночевали в лесу. Утром снова двинулись в путь. Пленные шли довольно бодро. Пожалуй, не меньше нас остерегались встречи со своими. И только парнишка лет семнадцати, долговязый, желтолицый, смотрел на нас, как загнанный в клетку волчонок. Пленные тоже не спускали с него глаз.

В полночь Ольга приняла последнюю радиограмму Центра:

«22.1.1945 г. Голос, направляйтесь г. Енджеюв коменданту города. Просите Павлова».

До Енджеюва мы не дошли. В полдень 23 января оказались в расположении 38-й армии 4-го Украинского фронта. Кончилось наше пребывание в тылу у врага. Пленных мы сдали под расписку в Мысленице. Молодому лейтенантику из контрразведки этого показалось мало. Потребовал: сдайте оружие!

Митя-Цыган было вскипел:

— Не ты, лейтенант, мне оружие выдавал, не тебе его забирать.

Запахло скандалом. Выручил нас начальник РО 38-й армии.

Передал привет от Павлова. Выделил в наше распоряжение «Виллис», «Студебеккер». Пригласил меня в свою хату.

— Вас ждут в штабе фронта. Поедете через Краков. Предупредите людей: дорога опасная. Из окружения прорывается немецкий танковый корпус, в лесах — разрозненные группы и

группки гитлеровцев. Особенно опасны эсэсовцы. Одним словом — смотреть в оба.

На рассвете 24 января, тепло попрощавшись с полковником, с Яном и Ингой Новаками, с Гардым и его бойцами, мы двинулись в путь.

Спасение города

«Фашистам не удалось реализовать свой злодейский план уничтожения большинства исторических памятников Кракова, а также большого числа промышленных предприятий. Об этом плане мы узнали накануне от нашей войсковой разведки, которая действовала в тылу врага. Я могу сказать, что благодаря деятельности этой разведки, благодаря помощи, которую оказывали нам патриотические силы польской общественности, информацию о приготовлениях гитлеровцев в районе Кракова мы получили еще тогда, когда стояли в районе Сандомира. Маршал Советского Союза Конев». *(«Дзенник Польски», январь 1965 г., № 14).*

Как удалось предотвратить преступный замысел гитлеровцев: взорвать Краков, уже занятый советскими частями?

Как был спасен город?

Возможно, мы кое-кого и разочаруем, но тут уж ничего не поделаешь: чего не было — того не было. Никто из группы «Голос» не взрывал своими руками смертоносный кабель. Никто не погиб. Больше того, наша группа — все, за исключением Грозы, — в день освобождения Кракова находилась далеко от города, продвигаясь по приказу командования дальше на Запад.

В своей книге[8] Зайонц рассказывает:

«Нас (Юзефа и Валерию Зайонцев. — *Евг. Б.*) навестили Прысак и Владек Бохенек с женами. Прысак вытащил из кармана небольшой сверток. Когда он развернул бумагу, я увидел… кусок кабеля с медными обрывками проводов.

— Это тот, за которым мы так следили. Его перерезали, наверное, советские солдаты».

Историю обезвреживания кабеля, кстати, лишь одного из многих, угрожающих городу, Зайонцу и мне поведал Гроза уже после освобождения Кракова. Ему удалось установить связь с головными частями Советской Армии, наступающими на город с Запада. Командиры этих частей хорошо знали рельеф местности, расположение форта, куда подходил кабель. Предупрежденные саперы вскоре нащупали кабель, в нескольких местах, осторожно вскрыв траншеи, подкопали и перерезали его.

«Немцы, — пишет Зайонц, — рассчитывали на фронтальный удар с востока и выжидали удобный момент, не зная, что тайна

кабеля раскрыта. Перерезав кабель, штурмовая группа советских солдат осторожно подошла к форту, где в подвалах находился обслуживающий персонал, получивший приказ по соответствующему сигналу включить ток и произвести взрыв. Они атаковали застигнутых врасплох гитлеровцев. Битва за город была выиграна».

Она началась задолго до 19 января.

В начале 1966 года «Комсомольская правда» опубликовала документальную повесть о нашей группе.

«В документальной повести В. Кудрявцева и В. Понизовского «Город не должен умереть», — писал тогда в предисловии бывший начальник штаба 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский, — рассказывается о группе разведчиков штаба 1-го Украинского фронта, действовавшей в глубоком тылу врага в период подготовки и осуществления одной из решающих стратегических операций Великой Отечественной войны — наступления с Сандомирского плацдарма в январе 1945 года… Действие группы разведчиков — лишь одно из многочисленных звеньев, обеспечивающих успех выполнения плана Ставки Верховного Главнокомандования. Они помогли спасти от разрушения древнюю столицу Польши…»

…Лишь одно из многочисленных звеньев. Мы не знали, да и не могли знать, сколько разведывательных групп, подобных нашим, действовало в районе Кракова.

Через годы вижу радиста Мака, бесстрашную Астру — тоже радистку, хлопцев легендарного Калиновского. Каждый, выполняя свою задачу, делал то, что мог.

Сто пятьдесят шесть дней действовала наша группа во вражеском тылу. Мы передали за это время больше ста пятидесяти радиограмм. И по сути, каждая строка в них, хотя мы не всегда отдавали себе в этом отчет, так или иначе служила одной и той же цели — освобождению и спасению города. Наши саперы, пользуясь данными разведывательных групп и польских друзей, уже в первые часы освобождения Кракова разминировали Вавель, Сукеницы, университет. Гитлеровцы заложили мины под всеми основными сооружениями, под многими архитектурными памятниками. Но взорвать их уже не смогли.

Были обезврежены и самовзрывающиеся мины замедленного действия. Саперы — и армейские, и фронтовые — в первые сутки трудились не покладая рук, не зная ни сна ни отдыха.

Велик их подвиг. Главное, решающее слово в спасении

древней польской столицы сказал наш Солдат, Советская Армия.

Тогда, в хмурое январское утро 1945 года, мы, однако, ехали в Краков, еще не представляя себе в полной мере накала боев.

То, что мы видели на дороге, забитой догорающими танками, опрокинутыми повозками, уже припорошенными снежком трупами гитлеровцев, свидетельствовало о боях ожесточенных, упорных. Но это были впечатления мимолетные, поверхностные. И чтобы восстановить всю обстановку тех дней, общую картину сражения, мы обратимся еще к одному свидетельству.

Вот что пишет об этом важнейшем этапе Висло-Одерской операции бывший командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Конев в своей книге «Сорок пятый»[9].

«19 января рано утром я выехал на наблюдательный пункт 59-й армии к генералу Коровникову. Наступавшие войска армии, развернутые из второго эшелона, подтягивались для нанесения удара непосредственно по Кракову с севера и северо-запада. С наблюдательного пункта уже открывался вид на город.

…Войска самой 59-й армии уже готовились к штурму. Им была поставлена задача ворваться в город с севера и северо-запада и овладеть мостами через Вислу, лишив противника возможности затянуть сопротивление в самом городе.

Для меня было очень важным добиться стремительности действий всех войск, участвовавших в наступлении на Краков. Только наша стремительность могла спасти Краков от разрушений. А мы хотели взять его неразрушенным.

Командование фронта отказалось от ударов артиллерии и авиации по городу. Но зато укрепленные подступы к городу, на которые опиралась вражеская оборона, мы в то утро подвергли сильному артиллерийскому огню.

Спланировав на наблюдательном пункте предстоящий удар, я и Коровников выехали на «Виллисах» непосредственно в боевые порядки войск. Корпус Полубоярова уже входил в город с запада, а на северной окраине вовсю шел бой.

Продвижение было успешным. Гитлеровцы вели по нашим войскам ружейный, автоматный, пулеметный, артиллерийский, а временами и танковый огонь, но, несмотря на шум и треск, все-таки чувствовалось, что этот огонь уже гаснет и, по существу, враг сломлен. Угроза окружения парализовала его решимость цепко держаться за город. Корпус Полубоярова вот-вот мог перерезать последнюю дорогу, идущую на запад. У противника оставалась только одна дорога — на юг, в горы. И он начал поспешно отходить.

В данном случае мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцам. Если бы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город. Как ни соблазнительно было создать кольцо окружения, мы, хотя и располагали такой возможностью, не пошли на это. Поставив противника перед реальной угрозой охвата, наши войска вышибли его из города прямым ударом пехоты и танков.

Говорят, будто солдатское сердце привыкает за долгую войну к виду разрушений. Но как бы оно ни привыкло, а смириться с руинами не может. И то, что такой город, как Краков, нам удалось освободить целехоньким, было для нас огромной радостью».

…Древний, красивейший город был взят целым и невредимым. Так завершилась битва за Краков.

Впрочем, наша поездка в освобожденный Краков только начинается.

В нашем распоряжении все тот же «Виллис» и спокойный, медлительный водитель-сибиряк с его неизменной присказкой: «Тише едешь — дальше будешь».

Здесь она к месту. То тут, то там предостерегающее «Мины!». Мы медленно двигаемся по уже расчищенным маршрутам с визитными карточками — добрыми напутствиями наших саперов: «Разминировано», «Мин нет».

…Меня потянуло к знакомым местам. Завернули к Монтелюпихе. Вот оно, мрачное здание краковской тюрьмы. Нам с Ольгой повезло. А сколько погибло в этом каменном мешке под пытками, сколько загубленных жизней на совести одного нашего общего «знакомого» — следователя-«весельчака»?

Я закрыл глаза и отчетливо, как на экране, увидел стены своей камеры. В ржавых пятнах от крови, исцарапанные ногтями, исписанные огрызками карандашей.

Если бы тюремные стены могли заговорить… Если бы…

Оглянулся. Рядом беззвучно, глотая слезы, плакала Ольга. И в глазах ее я читал тот же вопрос, который не давал покоя и мне: «Что с татусем, Стефой, Рузей? Живы ли?..».

Врубли… Врубли… Никогда не забуду то, что вы сделали для нашего дела.

Тогда, в схроне, затаив дыхание, сжавшись в комок ненависти, я знал, я был уверен: Комар не подведет, не выдаст. Верил и в старого Михала: и он из той породы, что хоть гвозди делай. Но Стефа? Откуда у этой девчонки взялись силы? Лежала под дулом автомата, избитая, в кровоподтеках, рядом с моим схроном. Тут даже слов не надо. Жест рукой, поворот головы — и

конец. Выстояла. Ничем не выдала капитана Михайлова. Низкий поклон и тебе, татусь, и вам, милые сестры Стефа и Рузя, за вашу стойкость, за любовь и веру в мою страну, за ваш подвиг.

…Из Монтелюпихе девчата потащили меня на Тандету.

— Показывай, показывай, дядя Вася, где ты расстался со своими ангелами-хранителями.

Пришлось показать. Внешне Тандета за шесть месяцев почти не изменилась. Такое же бойкое место. Кипит, бурлит «черный рынок». Появились и новые лица. Монашенки с чопорными лицами, в высоких, накрахмаленных снежно-белых воротничках. Тоже что-то продают, покупают.

Побывали мы с девчатами в кино. Крутили какую-то довоенную комедию. Кажется, «Иван Иванович сердится».

Затем до вечера бродили втроем по улицам, площадям, слушали оживленный гомон города. Радовались сияющим, счастливым лицам. И плыли нам навстречу старинные дворцы, замки с башнями и флюгерами. В костелах шло богослужение. Сквозь открытые двери доносились торжествующие звуки органа. Зимнее солнце застревало на разноцветных витражах. После руин и пепла Днепропетровска, Киева уцелевший, спасенный Краков казался чудом.

Мы остановились в старой гостинице в центре города, неподалеку от Сукениц. Я проснулся словно от толчка. Подошел к окну. Над ночным городом стремительно проносились облака. На какой-то миг в разрыве туч показалась луна, и, словно в спешке, выросли из тьмы строгие стрельчатые линии Мариацкого костела, башни, тающие в сизой дымке неясные очертания шпилей, расплывающиеся силуэты Вавеля.

На площадях стояли Т-34, армейские машины, крытые брезентом, повозки, кони. Крыши домов стыли под серебристо-синеватым снегом, уходили ввысь колонны Сукениц, неяркий отблеск луны падал на памятник Адаму Мицкевичу. И с ясностью, никогда раньше не испытанной, я не просто увидел, но почувствовал сердцем, как невыразимо прекрасен этот город на Висле, каким близким и дорогим стал он за последние месяцы для всех нас.

С Павловым мы встретились на второй или третий день в Енджеюве — под Ченстоховой, где тогда располагался штаб 1-го Украинского фронта.

«Павлову, срочно…» или просто: «Павлову…» — так начинались почти все наши радиограммы.

Сто пятьдесят шесть дней и ночей вел я в эфире и мысленно разговор с человеком, который стоял теперь перед нами. Он явился на нашу квартиру, когда мы уже успели отдохнуть, но

заботливую руку Бати (Батей полковника прозвала Груша, так оно и пошло) мы почувствовали значительно раньше.

Уютная квартира, новое обмундирование, накрахмаленные, как в добрые, довоенные времена, простыни, пайки, письма и приветы от родных — все это, словно по щучьему велению, мы получили уже в первые часы нашего пребывания в Енджеюве.

Примчался Гроза — мой верный помощник, как всегда, сияющий, полный самых радужных надежд:

— Поздравь, капитан, получил назначение в артдивизион.

А вечером пришел Павлов. И не один, а с адъютантом и каким-то незнакомым офицером. Из бездонных карманов адъютантской шинели была торжественно извлечена фляга со спиртом:

— За встречу, за строгое соблюдение сухого закона при исполнении боевого спецзадания.

Мы выставили на стол свои запасы. Я представил Павлову пополнение «Голоса» — группу диверсантов-разведчиков Евсея Близнякова.

— Ну, здоровеньки булы, козаки!

Широкоплечий, плотный, несколько грузноватый для своих лет, с глубоко запрятанной лукавой смешинкой в глазах, Павлов и впрямь походил на гоголевского атамана. Много теплых слов было сказано, много хороших песен спето в тот незабываемый для нас вечер. Павлов стал собираться. Его ждала ночная работа. Откуда-то с запада шли от наших боевых товарищей новые радиограммы: «Павлову, срочно…»

— Ну вот мы и дома, — тихо проговорила Ольга, когда гости ушли. — Вот мы и дома.

Вскоре назначения в разные части действующей армии получили Митя-Цыган, Евсей Близняков, Семен Ростопшин, Заборонек, Саша-Абдулла. Разыскали своих летчики Валентин Шипин и Анатолий Шишов. Они возвратились в бомбардировочную авиацию.

* * *

От всей группы осталось нас трое: я, Ольга, Анка.

Первые дни я был занят неизбежной канцелярщиной. Сто пятьдесят шесть дней в тылу врага трудно ложились в скупые строки отчета.

Группа собрала и передала в штаб свыше ста пятидесяти радиограмм о дислокации фашистских дивизий и воздушных эскадр, штабах и аэродромах, воинских перевозках по железным и

шоссейным дорогам, примерно двенадцать тысяч цифровых групп шифра.

В боевых операциях группа «Голос» уничтожила более ста гитлеровцев, пустила под откос несколько эшелонов, подорвала несколько мостов.

Как мне стало известно позже, командование дало такую оценку деятельности группы:

«Материалы группы «Голос», действовавшей в чрезвычайно трудных и сложных условиях, были исключительно точны и важны: все разведданные были подтверждены боями».

В дни берлинской операции я находился не на Главном направлении, а на Дрезденском. К этому времени и Груши уже не было с нами. В Дрезден вместе с штабом фронта из всей группы «Голос» попало нас двое: я да Ольга.

В Дрездене, на Эльбе, нас застала Победа.

Город дымился в развалинах. Накануне прихода наших войск американцы, руководствуясь отнюдь не союзническим долгом и целесообразностью, буквально перепахали бомбами древний Дрезден.

Мы шли по улице, запруженной войсками. Десантники в маскхалатах, не выпуская оружия из рук, спали на теплой броне Т-34. Им не мешали ни праздничная пальба, ни песни и пляски под залихватские звуки сотен гармоник.

Ротный повар, как две капли воды похожий на нашего Абдуллу, щедро одаривал солдатской кашей немецких ребятишек, выстроившихся в длинную очередь.

Солнце светило вовсю.

— Как зовут тебя, капитан Михайлов? — неожиданно сказала Ольга.

— Березняк. Евгений Березняк. А тебя, Комар?

— Лиза… Елизавета Вологодская. Вот и познакомились, капитан. Где теперь наши?

Подошли к развалинам Цвингера — бывшей резиденции саксонских королей. Кто-то установил репродуктор.

Мы услышали Москву, ликующий голос Левитана: «Победа, дорогие соотечественники, Победа!».

…Свободного времени было много. Привел в порядок свои записи, сделанные сразу после выхода из вражеского тыла. Получилось что-то вроде дневника.

Днем отправлялся на экскурсии, как сам назвал свои прогулки по городу и окрестностям. Впрочем, им скоро пришел конец.

Как-то меня и Ольгу вызвали в штаб. Нам вручили документы. Выдали продовольственные талоны на дорогу. И началась для нас мирная жизнь.

Василий Степанович

Все эти годы мне очень хотелось встретиться с Василием Степановичем — моим учителем по разведшколе, поблагодарить за все, что он для нас сделал.

После демобилизации я снова в должности заведующего гороно Львова, а затем — начальник управления школ Министерства просвещения УССР. Часто бывал в Москве. Наводил справки, звонил по домашнему телефону. И женский голос, не вдаваясь в подробности, неизменно отвечал: «Василий Степанович в длительной служебной командировке». Встретились мы только в феврале 1969 года. А нашел меня Василий Степанович еще раньше — сразу после появления в «Комсомолке» повести «Город не должен умереть». Поздравил. Завязалась переписка. И вот мы сидим в уютном номере гостиницы «Юность».

Василий Степанович в штатском. Уже несколько лет как расстался с делом, которому отдал почти всю свою «взрослую» жизнь. Персональный пенсионер. Работает. Сколько же мы не виделись? Почти четверть века.

— Рапорт помнишь? А ведь получился разведчик. Я сразу почувствовал — будет толк, особенно после истории с папиросной фабрикой.

…На коробке — дымящаяся папироса. То было наше первое серьезное задание в разведшколе. До этого мы отрабатывали прыжки с парашютом — дневные, ночные. Ночной прыжок требовал особой психологической собранности. Было и такое практическое занятие: хождение в ночное время по азимуту. В марте подмосковные леса коварны, обманчивы. Под хрустящей коркой снега глубокие проталины. А ты пробираешься по стрелке компаса в пункт Б через овраги, лес, старое кладбище. И надо так пройти, проползти, чтобы ни сучка, ни задоринки, ни звука. Снять часового, подложить мину.

Мне, человеку без имени, из «ниоткуда», предстояло раздобыть документы вопреки строгостям (Москва была на особом военном положении), легализироваться на московской папиросной фабрике. Собрать разведданные, представляющие интерес. Начало операции оказалось блестящим благодаря неисчислимым талантам моего напарника, однокашника по школе. Мы жили в одной комнате, сидели за одной партой, в походе ели из одного котелка. Мы действительно были неразлучны — я и Олег. Это был друг, о котором говорят: «Добрый друг лучше ста родственников». Не встречал в своей

жизни человека более одаренного, яркого. В разведшколу пришел после двух лет подполья. Был смел, отважен, хладнокровен, находчив, артистичен, быстр в решениях. Роста среднего, но даже бывалых наших учителей Олег поражал какой-то необыкновенной выносливостью.

Разговорчив, но без навязчивости, всегда с внутренним чувством меры, такта. Остроумен, языком владел как рапирой, даст кличку человеку, как припечатает, но без пошлости, ехидства. И при всем при том до кончика ногтей русский человек, щедрая, размашистая, русская натура. Когда я смотрел на Олега, мне всегда вспоминались стихи Алексея Толстого:

Коль любить — так без рассудку,
Коль грозить — так не на шутку,
Коль ругнуть — так сгоряча,
Коль рубнуть — так уж сплеча,
Коли спорить — так уж смело,
Коль карать — так уж за дело,
Коль простить — так всей душой,
Коли пир — так уж горой!

Он был полон жизни, мой друг Олег. Счастлив, когда бродил по родным лесам, пил березовый сок, эликсир жизни, как он его называл. Счастлив, когда чувствовал рядом крепкое плечо товарища, а еще больше, когда сам подставлял другу свое плечо. Среди многих талантов у Олега был один, довольно редко встречающийся. В подполье ему приходилось вырезывать печати разных гебитскомиссаров, бургомистров и прочих. Делал он это с таким завидным мастерством, что подпольщики, отправляясь на очередное задание, добивались именно Олежкиной печати. Многие из них обязаны ему жизнью. А я — удачей на папиросной фабрике. Я раздобыл бланк справки, Олег за полчаса изготовил печать. Согласно справке я, Глушков И. И., находился в госпитале по причине ранения, справка освобождала меня от воинской службы «до полного выздоровления».

С этим «документом» явился я в отдел кадров; начальник кадров, бритый дядя в наглухо застегнутом френче, справку прочитал три раза, даже понюхал и принял на работу: «Люди нам во как нужны!»

Я стал набивать папиросы — генеральские, как говорили тогда. На третий день был уже на «ты» с одной хорошей, но чересчур доверчивой дивчиной из фабричной конторы. Стал захаживать к ней после смены. К концу недели в моих руках оказались копии накладных. Вроде бы нехитрое дело: куда, в

каком количестве во время войны отправляются папиросы. Но сведения оказались ценными. С фабрики я ушел на «фронт», не вызвав ничьих подозрений. Меня даже снабдили на дорогу первосортными генеральскими папиросами.

Раскуривая с наслаждением мои трофеи, Василий Степанович разобрал по косточкам операцию, похвалил за находчивость, а Олега — за талант.

— Василий Степанович, как погиб Олег? После войны наводил справки, сказали, не вернулся с задания.

— Какой парень был, какой разведчик! Нет, слабости не допустил, погиб геройски. Выбросили его группу в Чехословакии. Их заметили еще в воздухе. Пытались захватить живьем. Группа отстреливалась до последнего патрона. Все погибли. Н-да, разведчику, кроме всего прочего, нужно еще и обыкновенное везение. Олегу не повезло. — Замолчал. Задумался. Почему-то вспомнил: — А на соседней площадке готовили Зою, Зою Космодемьянскую.

Снова на земле друзей. вместо послесловия

Я давно мечтал об этой поездке. Правда, в 1964 году мы почти всей группой (Ольга-Комар, Алексей Шаповалов — Гроза и автор этих строк) впервые после войны побывали в Кракове по приглашению Президиума Рады Народовой города Кракова и Общества польско-советской дружбы.

Надолго запомнилась насыщенная волнующими, радостными событиями поездка. Выступления по радио, местному телевидению… Президиум Рады Народовой устроил в нашу честь прием. Имена членов группы «Голос» — это было для всех нас большой честью — навечно занесли в списки спасителей города. Рада Народова наградила членов группы «Голос» Золотым Знаком города Кракова. Годом раньше правительство народной Польши удостоило нас высшей военной награды — «Виртути Милитари».

Были и встречи с боевыми друзьями. Но уже тогда Юзеф Зайонц, Владислав Бохенек, Новаки, Гардый, Тадек просили нас почаще и в неофициальной обстановке бывать на земле польской. Мои друзья несколько лет подряд приглашали меня с семьей «на лято»: «Гарантируем отличный отдых».

Да и мне самому хотелось не спеша поездить, походить по памятным местам, маршрутами «Голоса».

В июле 1969 года мы всей семьей наконец-то отправились в путь.

На пограничной станции, в польском городе Пшемышль, нас встретил Тадеуш Григорчик (Тадек).

— Едем ко мне в Жарки, — как о чем-то давно решенном сказал мой друг.

В Жарках — мы добрались туда глубокой ночью — нас ждал сюрприз. Несмотря на позднее время, дом Тадека гудел как улей. С самого вечера на встречу пришли десятки людей: бывшие партизаны, товарищи по оружию, многие с семьями.

Воспоминания, тосты. И снова воспоминания.

— А помнишь, какая это была радость, когда с того света появилась Ольга Совецка?

— И как мы вместе штурмовали Бабью Гуру?

По голосу, по интонации, по знакомому жесту узнаю хлопаков Тадека: Збишека, Янека.

…Золотая корона волос. И такая сияющая, гордая, совершенная красота. Ошеломленный, гляжу в чуть

улыбающиеся, озорные до дерзости, чем-то очень знакомые глаза. Ну конечно, Геленка — связная Тадека. В октябре 1944 года ей было лет пятнадцать. Она замужем, имеет троих детей. Живет в Варшаве. Узнав о предстоящей встрече, бросила все дела и тоже приехала в Жарки.

Гелена первая запела, и все подхватили старую партизанскую песню.

«Раз певным вечором, — рассказывала песня, — рушились мы в поле, чтобы сделать отличную работу: «немцев разброить, и поляков дозброить, заслужить нахвалу и честь»».

Голос у Гелены теплый, грудной:

За партизанем дзевчина плаче.
Не плачь, дзевчина, не лей слез.
Може, еще се зобачимы
Бендземы разэм — я и ты.

Не одна из присутствующих здесь женщин не дождалась своего милого с Подгалья, с партизанских Бескид. И хоть песня заклинала «не лить слез», думается, не у меня одного что-то щекотало и вздрагивало в груди, и на сердце закипали слезы.

Чтобы как-то перебить настроение, Тадек стал вспоминать веселые партизанские скороговорки:

Секера, мотыка, пилка, шклянка.
В ноцы налет — вдзень лапанка.
Секера, мотка, пилка, нуж,
Пшеграв Гитлер войну ющ[10].

Утром гости разошлись, а мы днем в лесу собирали грибы, бруснику, малину. Под вечер выехали в Краков. Нашим постоянным гидом в поездке был Владислав Бохенек (Владек). Загадочно улыбаясь, он повез нас за пределы старого Кракова. Вскоре впереди показался современный индустриальный город.

Стройные ряды жилых блоков. Светлые открытые балконы-лоджии. Молодые парки. Лес труб, словно стволы гигантской зенитной батареи, устремленных в небо. Доменные печи. Сложное сплетение конструкций. И на бетонных стрелах огромные буквы: «Гута имени Ленина».

Гута чем-то сродни нашей «Запорожстали».

Мы каждый раз останавливались то у одного, то у другого предприятия. Владислав с гордостью показывал сталелитейные заводы, ультрасовременные прокатные цехи, коксохимические и

цементные заводы, мощную силовую электростанцию.

На старой моей карте — я захватил ее с собой — тут значилось поле. В сорок четвертом году гитлеровцы в этих местах спешно рыли траншеи, строили бункера. Центр дважды просил уточнить квадрат именно этого района. И Курт Пекель снова и снова склонялся над схемой укрепрайона.

— Здесь и было поле, — подтвердил Владислав. — Отсюда в январе тысяча девятьсот сорок пятого года войска Конева прорывались на Краков.

Я искал очень памятный для меня населенный пункт Могила.

В этом селе из дома Сендеров пришли в эфир первые донесения радистки Комар. Сендеры всегда охотно принимали наших связных. В сорок пятом году и село Могила, и огромное заснеженное поле на несколько часов превратились в ожесточенное место битвы, в настоящую могилу для гитлеровцев.

Позже, когда сюда пришли первые строительные бригады, они то и дело натыкались на остовы танков, на ржавые каски, снаряды и патроны.

— Советский Союз, — рассказывал тем временем Бохенек, — как и в годы войны, снова пришел нам на помощь. Нову Гуту мы строили, опираясь на ваш опыт, вашу поддержку, с помощью ваших проектировщиков, инженеров. И знаете, кто дал имя Ленина Гуте? Вся Польша, весь народ.

Милый Владислав, коханый друже… Я знал его в годы войны как Кубу, Владека и как непревзойденного мастера по изготовлению разных кенкарт, арбейтсвейзе, печатей фельдкомендатур и прочего. Накануне войны он был уже членом Коммунистического союза молодежи Польши. Когда группа «Голос» приступила к своим обязанностям, Куба, член областного штаба Армии Людовой, руководил подпольным комитетом ППР подокруга Величка.

Через Грозу и Валентину мы получали от него документы, необходимые для легализации членов группы, ценнейшую информацию.

Много сделала для нашей группы и невеста Бохенека — Янина — Иоанна Пашкевич. По заданию Зайонца ей удалось устроиться на работу в конторе соляных копей. Оттуда легче было следить за перемещением воинских частей, эшелонов. И бланки, на которые ставил свои знаменитые печати Бохенек, тоже добывала Янина.

Пани Иоанна Пашкевич-Бохенек теперь член ПОРП, работает экономистом. А муж ее — чародей-алхимик, незаменимый специалист по фальшивкам, стал за эти годы крупным

инженером, химиком-металлургом. Теперь работает председателем Комиссии государственного контроля. А в свое время много души, знаний, таланта отдал Новой Гуте.

Нова Гута — часть Кракова, причислена к нему административно. Но это самый настоящий социалистический город, кажется, единственный в Польше без костела, со своим центром, своими светлыми микрорайонами, стадионом, ресторанами, кафе.

Мне он очень напомнил шестой поселок, новый жилой массив Запорожья.

Мы оставили «Волгу» на деревенской площади, завернули направо. Этой дорогой я шел к Малику четверть века тому. Много воды утекло с тех пор. Многое изменилось и в Рыбне. Все же я решил никого не расспрашивать и радовался, как старым знакомым, приметам прошлого: дряхлой часовенке, дубу-великану, все также спокойно и величаво млеющему на солнце.

Еще издалека узнал я подворье Малика, хоть от старого дома осталась только часть. Узнал и хозяина дома. Станислав Малик сосредоточенно и с явным удовольствием тесал какое-то бревно. Лицо его почти не изменилось. Такое же худощавое, энергичное, живое. Глаза спокойные, выжидающие. Только седины в волосах прибавилось. Мы вошли во двор, почему-то по-праздничному украшенный разноцветными флажками.

Малик шагнул нам навстречу, приветливо, хоть и не без недоумения, рассматривая неожиданных гостей.

Узнает — не узнает?

Нет, не узнал.

— День добрый, пан…

— День добрый, — с достоинством ответил Малик.

Хотел броситься к старику, обнять, но…

— Чи ма, пан, для спшедання сливки?

Станислав в ответ только покачал головой: дескать, приезжий пан шутит, какие могут быть сливы в июле? Но, видно, все вспомнил: сентябрьское утро сорок четвертого года, наш пароль. И ответил, как отвечал тогда мне, Груше, Грозе:

— Я сливок не мам, ма ябки.

Мы трижды по-солдатски расцеловались. На наши голоса из дому выбежал сын Малика — Генрих. Почти мой ровесник. В годы войны правая рука отца. Это Генрих после нашего провала в Санках принес мне в лес Скомских одежду, продукты, курево.

— Что же вы нас не предупредили? Знай, что приедет капитан Михайлов да еще с семьей, мы бы и свадьбу перенесли.

Так вот почему праздничные флажки, длинные столы под столетним орехом. Накануне здесь три дня подряд кипело

веселье: Генрих выдавал замуж свою дочь. Наше невольное опоздание, впрочем, ничуть не помешало повторению пройденного.

За столом хозяин явочной квартиры группы «Голос» вспомнил такие детали нашей встречи, которые в моей памяти как-то стерлись.

— Пришла соседка, говорит: «Тебя, Станислав, спрашивает человек». Я, только увидел вас, сразу догадался, что к чему: мы с Ольгой Совецкой больше недели ждали капитана Михайлова. Но вида не подаю. Пригласил в хату. Там и обменялись паролями.

…Малик — старый коммунист, антифашист. Он так и говорит: вступил в партию, когда Гитлер пришел к власти. Нашему другу уже семьдесят два года, он пенсионер. Старый коммунист и на пенсии не сидит сложа руки. К его советам охотно прислушиваются земляки.

Мы тепло попрощались с Маликами, пожелали молодым счастливого семейного плавания, спели «Сто лят» и «Чтоб в год по ребенку прибавлялось».

В тот же день у нас была еще одна, пожалуй, самая волнующая за всю поездку, встреча.

Мы не смогли подъехать к домику на опушке леса в двух километрах от села Санка. По-прежнему туда нет дороги. И немцы в тот злополучный день 16 сентября 1944 года не могли подъехать машиной к Врублям. Они подошли с трех сторон: Санки, Рыбне, Морги.

Стефу и Рузю мы не застали дома. Они были в поле. Младшая дочь Рузи помчалась за мамой и теткой, и те, запыхавшись, смеясь и плача, прибежали домой. И снова объятия, поцелуи. Сестры предложили отметить встречу в лесу. На знакомой поляне, где меня поджидал Юзеф Скомский, мы разожгли костер. Земняки, испеченные в золе, получились на славу — хрустящие, с золотистой корочкой, точь-в-точь как это делал наш татусь — Михал Врубль.

Живут сейчас дочки Врубля неплохо. Польское правительство наградило Стефу и Рузю за помощь советским разведчикам Золотыми крестами партизанской славы, назначило сестрам персональную пенсию. Местные власти помогли Врублям провести свет к домику, радио. Внешне дом, приютивший Ольгу с ее рацией, а затем и группу «Голос», почти не изменился. Вот только несколько потемнели бревенчатые стены, срубленные руками татуся.

У Рузи большая семья, четверо детей. Стефа после войны долго и мучительно болела.

С глубоким волнением обошел я после трапезы в лесу комнаты, где мы, бывало, засиживались допоздна с хозяином дома.

Заглянул в амбар — тогда он был под общей крышей с домом, а сейчас передвинут к лесу. В этом амбаре Михал за несколько дней до моего прихода устроил схрон для капитана Михайлова. Амбар и теперь доверху завален сеном.

— Я была во дворе, когда немцы выскочили из лесу. Вижу — к нам. Хотела крикнуть, предупредить, да не успела. На меня накинулись. Схватили. Офицер заставил идти вперед. Сам, пригнувшись, с автоматом шел за моей спиной. Видно, боялся: вдруг в доме партизаны.

Рузю с утра погнали на окопы. Швабы многих тогда гнали на окопы. Меня, Ольгу Совецку, татуся допрашивали во дворе. С Рузей я встретилась в Монтелюпихе. Рузю потом уже взяли, но и она сказала, что ничего не ведает, не знает. Мы с ней сидели в одной камере. Двенадцать дней. Отца увидела в коридоре на третий день и сначала не узнала: так его сильно били. На руках, на спине рваные раны. Он шагнул ко мне: «Две ночи сижу, дзецко, в камере с псами».

…Была такая камера в Монтелюпихе. Чуть сдвинешься с места, руку поднимешь — и натренированные псы бросаются на тебя, терзают твое тело. И еще он крикнул: «Держись, дзецко. Держись!».

Нас каждый день допрашивали: с кем была Ольга Совецка? Кто еще приходил? Где главный командир? Меня ставили лицом к стене. Стреляли. Пули летели над головой. И снова — допросы, допросы, допросы. Потом все прекратилось.

Татуся, как мы узнали, вывезли в Освенцим. Его видели там наши знакомые. Погиб наш татусь за день до освобождения Кракова. А нас — в Равенсбрук, женский лагерь смерти.

Две недели нам не давали никакой пищи. И мы бы умерли наверняка, да выручили русские, француженки. Рузя заболела сыпным тифом. Сует мне кусочек сахара: «Возьми, Стефа, мне уже ничего не нужно». В бараке узнали, что в лагерь нас отправили за помощь Советам. И помогали нам многие: кто пайком, кто лекарствами. Где и как их доставали в том аду? То ведают пан Бог и его единственный наияснейший сын Иисус. Рузю прятали от разных комиссий, проверок, а то бы ее больную — сразу в печь. Оправилась. Потом, уже после освобождения лагеря американцами, Красный Крест вывез нас в Швецию. Весила я сорок шесть килограммов, Рузя — сорок четыре. Когда меня раздели, врачи удивились, как я еще живу. Потом мы недели две с Рузей учились ходить. Стали проситься домой. Надеялись: жив

татусь. Но застали мы осенью сорок пятого года пустой, осиротевший дом. Да что наш дом — вся Польша воскресла «с попелу».

Пока Стефа рассказывает, Рузя хлопочет за столом. Вспомнили старого Скомского. Большой двухэтажный дом. Я поинтересовался, кто теперь живет в бывшей усадьбе Скомского. Рузя улыбнулась:

— Наши дети. Помните каштановую аллею, старый парк? Теперь там новая школа.

— А как молодой Скомский? — поинтересовался я. — Бывает ли в этих местах?

— А как же! Каждое лето. И всегда заезжает к нам. Сказывают, большим профессором стал молодой Скомский. Татусь в него верил, недаром говаривал: «Хоть из панского семени, а чловек». Будете в Кракове — передайте молодому Скомскому: доброе дело не забывается.

Протяжный, мелодичный «Хейнал» — древний сигнал Мариацкого костела, — плывет над улицами, садами Кракова, над его башнями, шпилями, островерхими крышами, над великолепной готикой его костелов и торговых рядов.

Идем вдоль аллей Плянтов — огромного зеленого кольца, окружающего центр старого Кракова. Бохенек, как и все краковяне, влюблен в свой город. Из рассказа Владислава вставало перед нами далекое прошлое, сегодня и завтра мяста Кракова.

Одним из крупнейших торговых центров Европы увидал Краков, «Кароко», арабский путешественник купец Ибрагим ибн Якуб во второй половине X века.

Краков — ровесник Киеву и во многом как бы повторяет его судьбу.

Киев и Краков… Не так уж много на свете городов, на облике которых столь ярко отразились бы судьбы народов, наций. Киев — «мать городов русских», Краков — «глава и матерь всего королевства».

Именем легендарного перевозчика Кия назван град на Днепре. Мифическим ореолом окружено также имя воинственного вождя Крака. Как гласят народные предания, Крак победил страшного дракона, жившего в одной из пещер Вавельского холма. На этом месте Крак в честь победы основал город и дал ему свое имя.

И трагические страницы в книге истории двух городов — рядом.

1240–1241 годы — годы нашествия полчищ хана Батыя на

Киев и Краков. Воскресший из пепла Краков затем официально становится стольным градом Польши.

В прошлую войну черное крыло смерти, разрушения снова коснулось двух городов. Бабий Яр и Освенцим, взорванный Крещатик и заминированный, приговоренный к гибели город на Висле.

Не покорились. Седые главы свои не склонили. Выстояли.

Краков и Киев сегодня — города-побратимы.

Как и Киев, Краков вобрал черты современного социалистического города, неувядаемую красоту прошлого. Притихшие, потрясенные величием человеческого духа, пробивающегося сквозь мрачный фанатизм и аскетизм средневековья, стояли мы в Мариацком костеле перед огромным алтарем Вита Сквоша.

Дерево, ожившее под пальцами великого скульптора — польского Микеланджело, вот уже почти пять столетий глубоко волнует каждого, кто переступит порог храма. В центре алтаря — группа апостолов, поддерживающих скорбящую Деву Марию. Лица, фигуры святых полны динамики, трагизма. Мудрость, страдание, надежды, утраченные иллюзии прорываются сквозь католические каноны. И весь костел святой Девы Марии с его стрельчатыми узорами, сводами, двумя башнями — классический образец поздней готики. Большой двухбашенный костел кажется легким, устремленным в заоблачные выси, чем-то неуловимо напоминает человека с поднятыми руками.

Мы вышли из костела как раз в ту минуту, когда на Мариацкой башне, увенчанной шлемом, появился Трубач, и снова над городом поплыли волшебные звуки «Хейнала».

Вливаемся в оживленно жестикулирующую толпу туристов. Площадь. Я люблю эту шумную многоязыкую площадь. Кого только не встретишь здесь! Краков не случайно называют крупнейшим туристским центром народной Польши.

А вот и земляки-киевляне, присоединяемся к ним. Гид — молодой человек в очках, в модном свитере, со значком Ягеллонского университета — на чистейшем русском (русский изучают во всех школах народной Польши) поведал нам историю «Хейнала». Давным-давно высокая башня костела служила городу сторожевой вышкой. Однажды стражник — стражак — заметил клубы пыли, услышал конский топот: к стенам Кракова лавиной катили на своих низкорослых лошадях татары.

Стражник поднял горн, и сигнал тревоги понесся над спящим городом. Только вражеская стрела, пронзив сердце смельчака, оборвала «Хейнал». С тех пор прошло шесть веков, но ежечасно открывается дверца на башне Мариацкого костела, выступает

деревянный трубач, и все повторяется сначала: звучит на все стороны света и внезапно обрывается «Хейнал»: «Жители мирного Кракова, помните».

Перелистывая у Зайонцев телефонную книгу, я без труда нашел знакомую фамилию. Позвонил молодому Скомскому. И ответил молодой Скомский. Но не тот, а сын Юзефа. Сказал, что отец должен быть с минуты на минуту, не успел договорить, как он действительно появился. Я не назвал себя, только поздоровался, однако сразу же услышал в ответ: «День добрый, капитан Михайлов, ждем тебя. Ты будешь самым дорогим гостем».

Юзеф принял меня в собственном доме. Когда-то он в разговорах со мной не скрывал своих опасений: сможет ли он, сын помещика, учиться в новой Польше. Теперь Юзеф — профессор права Ягеллонского университета.

В 1945 году землю Скомских отдали настоящим владельцам — крестьянам. Скомский-старший еще шесть лет прожил при народной власти. Перед смертью шутил: «Подари мне, грешнику, Езус Мария, сто лят, и пан Скомский, пожалуй, созреет в коммунисты».

Юзеф после войны (народная власть учла его заслуги перед отчизной) поступил на факультет права, закончил Ягеллонский университет. Прошел на преподавательской работе все ступени: ассистента, старшего ассистента, кандидата и доктора юридических наук. Юзеф подарил мне книгу. Она не так давно вышла в Кракове. «Автономия воли в международном частном праве» — одна из тридцати пяти научных трудов профессора Скомского.

Еще студентом Юзеф женился. Жена — тоже адвокат. Сын Скомских — ему примерно столько лет, сколько было Юзефу в сорок четвертом, — студент факультета права.

Мы выполнили почти всю намеченную программу поездки. Остался только один пункт: Освенцим.

Что такое Освенцим в прошлом, все знают. Самый страшный из гитлеровских лагерей, доведенный до совершенства конвейер смерти. Ежесуточно превращающий в дым, пепел, горы волос, туалетное мыло, муку для удобрения до двух тысяч человек.

Освенцим — четыре миллиона убитых. Среди них наши боевые товарищи: дочь варшавского доктора, советская разведчица Ганка и польский крестьянин, батрак из Санки, Михал Врубль.

С нами Тадек с семьей. От Жарок до Освенцима — час езды.

Тадек, один из немногих, кому до освобождения удалось вырваться живым из АИ — сокращенное название Освенцима (концентрационный лагерь Аушвиц).

…Наша «Волга» остановилась на широкой площади у входа в Освенцим. По решению сейма Польской Народной Республики бывший концлагерь объявлен на вечные времена памятником жертвам фашизма и борьбы польского и других народов.

Мы подошли к главным воротам лагеря. Теперь ворота открыты настежь. Опущен черно-белый шлагбаум. Над вратами в бывший ад сохранена страшная по своему цинизму надпись: «Арбайт махт фрай» — «Работа делает свободным».

У входа в музей — памятник Благодарности Советской Армии. 27 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта освободили Освенцим.

Пять лет над королевским замком Вавеля зловеще реял флаг с черной фашистской свастикой. Пять лет дымили печи Освенцима. Как хищный стервятник кидается на добычу, так набросились гитлеровские войска, отряды «Мертвая голова», фюреры разных рангов и полномочий на истерзанную, истекающую кровью землю. «Мы, — заявил обер-палач Ганс Франк, — добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие — Польша».

В кинозале музея нам показали двадцатиминутный документальный фильм. Факты. Только факты… Нескончаемой вереницей проходят по экрану десятки тысяч обреченных. Их избивают, травят собаками. А вот и конец пути: «баня» — сауна, где людей травили газом, печи крематория. Перед входом в крематорий пирамиды обуви, детские вещи, игрушки. И кадры Нюрнбергского процесса. Допрос бывшего коменданта Освенцима.

Когда ему задали вопрос: «Правда ли, что эсэсовцы бросали живых детей в пылающие печи?» — он немедленно подтвердил правильность этого, а дальше заявил: «Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать… Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, то отбирали детей и истребляли».

А это что такое? Склад тюков. На тюках надписи: «Волос мужской», «Волос женский». Ими набивали матрацы, из них делали носки для немецких подводников.

На экране опять горы ботинок, горы трупов. Оркестр, составленный из лучших музыкантов Европы. Он исполняет «Танго смерти», заглушая стоны несчастных.

Стремясь уничтожить следы своих преступлений, гитлеровцы

в январе 1945 года взорвали крематорий, рассчитанный на бесперебойную работу в течение десятков лет (через печи Освенцима и других лагерей Гитлер собирался пропустить, за небольшим исключением, всю Польшу), сожгли и уничтожили лагерную документацию. Стремительное наступление Советской Армии не только спасло польский народ от поголовного истребления, но и не дало уничтожить следы зверства[11].

Многие документы и лагерные объекты уцелели. В музее Освенцима мы видели экспонаты, фотографии, леденящие душу.

В лагере систематически проводились опыты над людьми. Заключенных опускали в ледяную воду, чтобы определить, сколько времени человеческое существо может прожить в таких условиях. Проводились опыты с отравленными пулями, заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин.

Как, где погибла наша Ганка?

«Легкой» смертью в освенцимской «бане»? В «экспериментальном» блоке? В камере пыток? Через какие муки прошел по этой проклятой, пропитанной кровью и пеплом земле наш друг и побратим Михал Врубль? Лично я обязан ему своей жизнью.

У подножия урны с прахом многих жертв Освенцима мы положили букет роз — красный, как кровь Ганки и татуся.

Мертвые живут, если живые помнят.

Слово о побратимах

Вот и завершилось наше путешествие по земле друзей. Подходит к концу и наша повесть. В ней вы, дорогой читатель, познакомились со многими польскими патриотами, без помощи которых группа «Голос» не смогла бы выполнить свою задачу.

Со многими, но не со всеми.

В записной книжке «капитана Михайлова» сохранились зашифрованные имена, клички, короткие боевые характеристики. Во время встреч с Зайонцем, Бохенеком, Тадеком, Гардым мы уточнили старые записи, дополнили их.

Думается, читателю небезынтересно познакомиться с этими страницами. Итак, имена, дела.

Тарговский Игнаци — крестьянин. Живет в Рыбне. Теперь член ПОРП. В его доме некоторое время работала Комар, а позже была явочная квартира.

Очкось Станислав (Скала) — из Чернихува Краковского уезда. Военное звание — капитан. Коммунист. Через него группа

«Голос» получала ценную информацию о воинских перевозках немцев.

Ганцарчики Роман и Ян (Збышек и Янек) — партизаны-подпольщики, сотрудничали с группой «Голос».

Пытлик Франц — капитан народной милиции. До войны — член Польского коммунистического союза молодежи. В период оккупации — заместитель командира партизанского отряда имени Людвика Варыньского. Оказывал всемерную помощь группе «Голос», принимал участие в диверсиях.

Ленкевич Ян (Моравский) — связной группы «Голос».

Паер Янина (Янка) — дочь Станислава Очкося. В октябре — декабре 1944 года была связной между Голосом и Грозой.

Солтыкова Клара — пенсионерка. Работая в штабе немецкой части уборщицей, она выносила и передавала связным группы «Голос» использованную копирку, некоторые документы.

Пашкевич-Бохенек Иоанна — жена Владислава Бохенека, в 1944 году собирала для разведгруппы «Голос» сведения о расположении и перемещении немецких воинских частей в районе Кракова и местечке Величка. Экономист, член ПОРП.

Гачол-Навара Станислав (Навара) — в период оккупации командир объединенных партизанских отрядов Армии Крайовой «Жельбет» в чине капитана. Награжден высшими военными наградами Польши.

Сендер Франц — во время оккупации был участником крестьянских батальонов. Вместе с братом Яном первым оказал помощь радистке Комар и разведчице Анке.

Коник Мечислав (Кава) — убит в бою с немцами 18 января 1945 года. Охранял радиостанцию и радистку Комар. Член ППР, командир специальной окружной группы Армии Людовой.

Рак Юзеф — крестьянин из села Тшебиня. В его доме периодически в 1944–1945 годах находились командир «Голоса» и многие члены группы. Всегда помогал группе продовольствием.

Рак Анна — из Тшебини. Укрывала от немцев советских

граждан, некоторых из них направила в группу «Голос».

Ничто не забыто. Советское правительство высоко оценило подвиг наших побратимов, верных, бесстрашных товарищей по оружию.

Как бесценную реликвию храню эту очень дорогую мне вырезку из «Красной звезды»:

«УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР гражданПольской Народной Республики

За активную помощь командованию Советской Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество, инициативу и стойкость наградить граждан Польской Народной Республики:

Орденом Отечественной войны 1-й степени

1. Бохенека Владислава Яновича.
2. Врубля Михала Мацеевича (посмертно).
3. Зайонца Юзефа Францишковича.

Орденом Отечественной войны 2-й степени

1. Зайонц Валерию Яновну.
2. Очкося Станислава Яновича.
3. Прысака Юзефа Юзефовича (посмертно).

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. Подгорный

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. Георгадзе

Москва, Кремль 7 мая 1968 г.

В 1944–1945 годах в районе города Кракова, оккупированного фашистскими захватчиками, действовала группа советских военных разведчиков во главе с Евгением Степановичем Березняком.

Большую помощь разведчикам в выполнении заданий

командования 1-го Украинского фронта оказали польские патриоты Бохенек Владислав, Врубль Михал и их товарищи, проживающие в Кракове.

В исключительно трудных условиях оккупационного режима разведгруппа Е. С. Березняка установила связь с местными партизанами и польскими подпольщиками и с их помощью добывала ценную информацию о противнике, о дислокации воинских частей оккупантов и об их составе.

Советские разведчики совместно с польскими патриотами — супругами Зайонц Юзефом и Валерией, Владиславом Бохенеком, Юзефом Прысаком и другими товарищами по оружию — сумели предотвратить подготовленное фашистами уничтожение бывшей польской столицы города Кракова, сохранить его исторические культурные памятники».

(ТАСС) «Красная звезда», 9 мая 1968 года.

Моя почта

Что и говорить: письма от хороших людей получать приятно. А каково отвечать! Немало писем я, как и мои товарищи по группе «Голос», получил после публикации в «Комсомолке» документальной повести «Город не должен умереть» и, признаться, совсем растерялся, когда после телепередач и выступления газеты «Известия» почтальон стал приносить письма пачками.

Но я сказал себе: ты же учитель, а какой учитель не рад вопросам? Перед тобой класс, аудитория. Пусть необычная, пусть растянулась от Владивостока до Будапешта и Софии, от Петрозаводска до Ужгорода и Кракова. Вспомнил Веселое, первых своих учеников. Представил озорные, задумчивые, любознательные, горящие глаза ребят… Ради такой аудитории не грешно и засидеться допоздна.

Этой книгой я попытался — хорошо ли, худо ли, не мне судить — ответить многочисленным авторам писем на вопросы, адресованные непосредственно мне — бывшему военному разведчику Голосу. И все же разговор остался незаконченным. Не все ответы ложились в строку. Есть письма, интересные сами по себе: за ними — судьбы человеческие.

…Конец рабочего дня. Уходят последние посетители. Пустеет наш просвещенский улей. Сегодня нет заседаний, встреч. Мы остаемся одни. Я и моя «аудитория», мои незримые, часто незнакомые мне корреспонденты. Я знаю: со многими мы подружимся, многие станут для меня близкими, родными людьми. Какие удивительные письма порой таят листочки, наспех вырванные из ученической тетради.

«Пишет Вам из Ростова дочь солдата, погибшего в Отечественную войну, — Варфоломеева Лидия Яковлевна. Погиб мой отец Яков Федорович Варфоломеев на Курской дуге и похоронен в городе Курске (воинское кладбище, могила № 133). И еще погибли в этой войне все братья отца — Григорий, Кирилл, Иван, Николай. Погиб и мамин брат «без вести пропавший» Анатолий Хмарской. А мой родной брат Александр Яковлевич вернулся живым, но очень израненным. Долго не пожил и умер».

Лиде было всего десять лет, когда началась война.

«Я видела своими глазами, как фашисты убивали, мучили людей».

Шесть «похоронных» хранится в доме Варфоломеевых…

Горе, тяжкие утраты не сломили Варфоломеевых, еще теснее сблизили с большой советской семьей. Ну как не гордиться такими людьми! Отсюда и радость «за живых разведчиков» из группы «Голос», и желание вырастить сына настоящим патриотом, и готовность, если понадобится, все повторить, все выдержать.

«Воспитываю сына. Он уже имеет приписное свидетельство. Как говорится, солдат. Как я хочу, чтобы мой сын никогда не знал этих ужасов войны. Но если придется защищать нашу любимую Родину, чтобы был таким же, как Алексей Шаповалов, как Юзеф Зайонц, как Ася Жукова. Смелым, честным, настоящим человечным человеком».

Я ответил Лидии Яковлевне и получил от нее еще одно письмо:

«Первого мая ездила в город-герой Волгоград, была на Мамаевом кургане. Привезла оттуда горсть священной земли».

А это письмо из Одессы. За каждой строкой так и чувствуешь незаурядный характер, удивительное мужество, стойкость беспредельную.

«Я тоже в годы войны служила в разведке. На фронт ушла добровольно. Оттуда направили в Москву на учебу. Спецкурс. В августе 1942 года была в составе женской спецгруппы выброшена в районе Березино. Было нам, троим девушкам, по двадцать лет в ту пору. Какая-то сволочь предупредила гитлеровцев. Немцы ждали группу на месте выброски, но ветром нас отнесло. Схвачены были двое. Третья, Артемова, спасла рацию, шифр, оружие, деньги. Ранило ее уже в партизанском отряде. Мы не сказали немцам ничего. Они так и не узнали наших подлинных имен. Показания давали — сплошную ложь. Мою подругу направили в Германию в лагерь, а меня ожидала казнь.

В Варшаве, в тюрьме, я заболела сыпняком. «Тифус плямистый» называют его поляки. Охраняли меня усердно в варшавских тюрьмах (Скалишевская, 8) гестаповцы. Потом полякам удалось перевезти меня в тифозную больницу на Хотимскую, 5 в Варшаве. Это была до войны фабрика. В огромном холодном цехе в 1942 году лежали больные сыпняком. Никто не знал, что я разведчица, и фамилия моя была Васильцова Александра. Так называлась моя подруга по фронту, фамилию которой я взяла. Врачи, няни, ксендз ухаживали за мной, как за

родным человеком. Лечили. Доктор Новицкий, медсестра Путиловская и сотни других поднимали меня на ноги и спасали от смерти. Я ничего о них не слышу, не знаю, как им сказать «спасибо». Тоже помню их всю жизнь.

…Потом они переслали меня в Рамбертов — лагерь для возвращаемых из Германии. Записали в транспортный список, посадили в эшелон. Мне удалось бежать. Вшивая, обмороженная, голодная, добиралась я до Вязьмы, к фронту, по снегам, по сугробам. Ползком. Фронт перейти не смогла. Поймал полевой жандарм. В районе Исаково, за Вязьмой. Но повесить меня не успели. В марте 1943 года фронт двинулся. Меня освободили.

Я сейчас инвалид войны. Ноги без пульсации, сердце больное. Я историк. Школу очень люблю, работу свою тоже. О себе ничего никому не говорю. Но меня угнетает, что я не могу поблагодарить польских своих друзей и спасителей.

Если будете в Польше, может, вы их встретите, а? Будьте любезны, поблагодарите за меня. Желаю вам счастья и семье вашей».

Какие только испытания не выпали на долю «Зои», так звали смелую разведчицу.

«Мне ничего не надо. Выполнила долг, и все, — пишет она в другом письме. — И учу ребят любить Родину. От души учу, с удовольствием».

…Живет в Одессе женщина. Сердце пошаливает. По ночам снятся лагерные кошмары. Знают ли ребята, кто, какой человек учит их любить Родину? Учит каждым прожитым днем, всей своей удивительной жизнью-подвигом.

Гроза, Комар, Груша и другие. Где же вы, друзья-однополчане?

Остается рассказать о том, как сложились судьбы моих боевых товарищей из группы «Голос». (И об этом меня часто спрашивают в письмах.)

Много лет мы почти ничего не знали друг о друге.

Только в 1963 году «Красная звезда» впервые назвала настоящие имена Комара, Грозы, Груши, Голоса. В 1964 году мы встретились втроем (без Груши — Аси Жуковой) в Кракове. А в полном составе участники разведгруппы «Голос» собрались в феврале 1966 года в Голубом зале «Комсомольской правды».

Гроза прилетел в Москву из родного Кировограда, откуда в свое время ушел добровольцем на фронт, где брал первые уроки

подполья в годы оккупации, затем получил путевку в жизнь военного разведчика.

Теперь мы часто встречаемся. Алексей Трофимович Шаповалов — ответственный работник Кировоградского обкома КПУ. Годы уже приморозили его лихие кудри. Но в остальном время не властно над моим другом. По-прежнему артистичен, начинен идеями, и когда, как правило, без звонков и предупреждений неожиданно вваливается в нашу квартиру, все в ней — даже мебель, посуда, вещи — заражается его неистощимой энергией: стулья подпрыгивают, весело вызванивают стаканы. Алексей носится из комнаты в комнату, как огромная шаровая молния, на ходу выстреливая последние кировоградские новости, вспоминая какой-то смешной «краковский» случай или цитируя наизусть письма от Зайонцев.

Из Ялты на встречу в Москву примчалась Ася Жукова. За два с лишним десятилетия моя землячка успела осуществить свою заветную мечту: окончила Днепропетровский медицинский институт, полтора десятка лет проработала врачом на Крайнем Севере. К своей девичьей Ася прибавила — по мужу — столь прославленную в Грузии фамилию Церетели. Ася так и не могла привыкнуть к моему настоящему имени и в Москве называла меня, как и в Бескидах, дядей Васей.

Мы и теперь переписываемся. А недавно я увидел нашу Асю — спасибо магаданским кинодокументалистам — на экране.

Подвиг Груши продолжается в суровых условиях Севера. Бывшая военная радистка-разведчица на собачьих упряжках, вездеходах в любую погоду добирается к своим больным, по первому зову спешит на помощь к людям.

Ольга — Елизавета Яковлевна Вологодская — живет во Львове. Свою военную профессию Комар сменила на сугубо мирную. Работает по сей день техником-строителем.

Хотелось бы подробней рассказать о судьбах тех наших советских людей, которые пришли в группу «Голос» из лагерей смерти, из польских партизанских отрядов. Благодаря им, как уже известно читателям, нам удалось создать диверсионную группу, работу в тылу врага сочетать с разведкой боем, с весьма успешными диверсионными операциями.

Увы, за четверть века мне удалось выяснить немного.

Погиб Семен Ростопшин. До сих пор осталась неизвестной судьба нашего повара — башкира Гатаулина Абдуллы-Саши. Все еще не отозвались старший сержант Ильенко Дмитрий Макеевич — Митя-Цыган, белорус Заборонек Владимир Александрович, полтавчане Федорин Андрей Андреевич (Жених), Шиманский Павел Яковлевич, воентехник Смолич Константин Ефимович,

харьковчанин Мирошников Николай Федорович, никогда, ни при каких обстоятельствах не унывающий Виктор Отченашев…

Я все еще надеюсь: живы. Все еще жду — отзовутся.

А пока из всей диверсионной группы откликнулся один лишь Близняков — тот самый, возглавивший похищение Курта Пекеля. Евсей и после войны остался разведчиком, правда, особого рода. О послевоенной своей деятельности он поведал мне в первом письме с той же лаконичностью, с какой составлял разведдонесения:

«С 14 мая 1945 года по 1 марта 1967 года работал в нефтяной промышленности объединения «Укрнефть» и газовой производственно-эксплуатационной промышленности треста «Львовгаз».

В 1956 году окончил Дрогобычский нефтяной техникум — по специальности техник-механик по оборудованию нефтяных и газовых промыслов. В настоящее время работаю инженером бурового оборудования и комплектации Мозырской конторы глубокого разведочного бурения треста «Белнефтегазразведка»».

Как видно из этих скупых строк, Евсей Никифорович после долгих лет скитаний возвратился в свою родную Беларусь. Недавно я гостил у него в Мозыре на улице Ветровой, 55.

Мне очень понравился тихий зеленый город на берегу Припяти — в самом сердце Полесья.

До революции нищих, убогих, малоземельных крестьян Полесья презрительно называли «палехами». Заштатный городок был известен историкам, пожалуй, только тем, что по его деревянным тротуарам в 1812 году шествовал со свитой император Наполеон.

Евсей Близняков с гордостью показывал мне свое хозяйство: архисовременное оборудование по нефтеразведке, «алмазные» буры, вгрызающиеся в скальную породу, как в масло, аккуратные конструкции вышек среди дремучих дубов и сосен.

…И была ночь на Припяти. Костер, бульба по-белорусски, с дымком и с золотой пеночкой уха, вкуснее которой нет на всем белом свете, грибы домашнего засола. Пахло винными яблоками, лозой, тонким ароматом разнотравья и луговых цветов.

Мы лежали у костра на свежескошенном сене. Вспоминали былое. Впрочем, больше молчали. Смотрели, слушали, как звезда с звездою говорит.

Вдруг за поворотом показались огоньки. Зеленые, красные. Из тьмы ночи выступили силуэты барж. И я услышал взволнованный, теплый голос Евсея:

— Плывут, плывут, голубчики. Везут руду. Им долго еще плыть. По рекам, каналам. И знаешь, куда, командир? В Польшу, в наш Краков, в Ленинскую Нову Гуту.

notes

Сноски

1

Гвардия Людова, затем *Армия Людова* — вооруженная организация, созданная польскими коммунистами в годы Второй мировой войны для борьбы против немецко-фашистских оккупантов *(Прим. авт.)*.

2

Жбик — командир одного из отрядов НСЗ — «Народове силы збройне» («Национальные вооруженные силы»). Реакционные вооруженные отряды НСЗ были созданы польским эмигрантским правительством для расправы с демократическими силами Сопротивления и прежде всего коммунистами. Жбиковцы отличались особым коварством, изощренной жестокостью и активно сотрудничали с немецко-фашистскими захватчиками *(Прим. авт.)*.

3

Бескиды — лесные хребты, предгорье Карпат *(Прим. авт.)*.

4

Это сообщение Совинформбюро за 28 июня 1941 года было напечатано в «Известиях» на следующий день (№ 152). В этом же номере появились фотографии четырех немецких летчиков-антифашистов и их обращение. *(Прим. авт.)*.

5

Людвиг Варыньский (1856–1889) — основатель первой польской марксистской партии «Пролетариат» *(Прим. авт.)*.

6

Фамилии сотрудников абвера (Курт Отман, Владимир Комахов) изменены *(Прим. авт.)*.

7

Армия Крайова — реакционная вооруженная организация, созданная на территории Польши польским эмигрантским правительством с целью предотвращения стихийного роста Сопротивления, а также для усиления влияния эмигрантского правительства. Но низовые звенья АК нередко вели борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, сотрудничая с Армией Людовой, созданной польскими коммунистами в годы Второй мировой войны *(Прим. авт.)*.

8

Юзвф Зайонц, Шли бои. Воениздат, 1968, стр.187.

9

И. С. Конев, Сорок пятый. Издание второе, исправленное и дополненное. Воениздат, 1970, стр. 29–30.

10

Топор, мотыга, пила, стакан. Ночью налет — днем облава. Топор, мотыга, пила, нож, Гитлер войну уже проиграл.

11

Планы прямого физического уничтожения польского и других славянских народов разрабатывались Гитлером задолго до начала Второй мировой войны как составная часть бредовой идеи о мировом господстве арийской расы и завоевании «жизненного пространства» для «третьего рейха».

«Наша сила, — говорил Гитлер в речи, произнесенной 22 августа 1939 года в Оберзальцбурге на совещании главнокомандующих вермахта, — заключается в нашей быстроте и натиске. Чингисхан вполне сознательно, с легким сердцем привел к смерти миллионы женщин и детей. Но история видит в нем только великого создателя государства. Меня совершенно не интересует, что думает обо мне бессильная западноевропейская цивилизация. Я издал приказ и велю расстрелять каждого, кто осмелится произнести хоть одно слово против принципа, что целью войны является недостижение какой-то определенной линии, а физическое истребление противника. Поэтому я приготовил — пока что только для Востока — свои отряды «Мертвой головы» и дал им приказ посылать на смерть без жалости и милосердия всех мужчин, женщин и детей — поляков по происхождению и говорящих по-польски. Только таким образом мы добудем жизненное пространство, которое нам нужно».

Януш Гумковский, Казимеш Лещинский, Польша во время гитлеровской оккупации. Изд-во «Полония», стр. 68.